

Читайте книгу! Смотрите фильм!

Этот удивительный роман – первая часть культовой трилогии американской писательницы Джин Дюпро. Действие первой части происходит в таинственном городе Эмбере, над которым никогда не восходит солнце. Но фонари все чаще гаснут, и скоро город окончательно погрузится во тьму. Существуют ли где-то во мраке, окружающем Эмбер, другие острова света? Никто не знает ответа на этот вопрос, и только подростки Лина Мэйфлит и Дун Харроу понимают, что единственный путь к спасению – побег.

Одноименный фильм, погружая зрителей в таинственную атмосферу культовой трилогии, полностью отражает невероятную историю города Эмбер, покорившую сердца миллионов читателей всей планеты.

Превосходно снятая экранизация романа является наилучшим воплощением творческого замысла автора.

Культовый роман
на экранах всего мира

Джин Дюпро

ГОРОД
ЭМБЕР
ПОБЕГ

Джин Дюпро
**ГОРОД
ЭМБЕР**
ПОБЕГ

Annotation

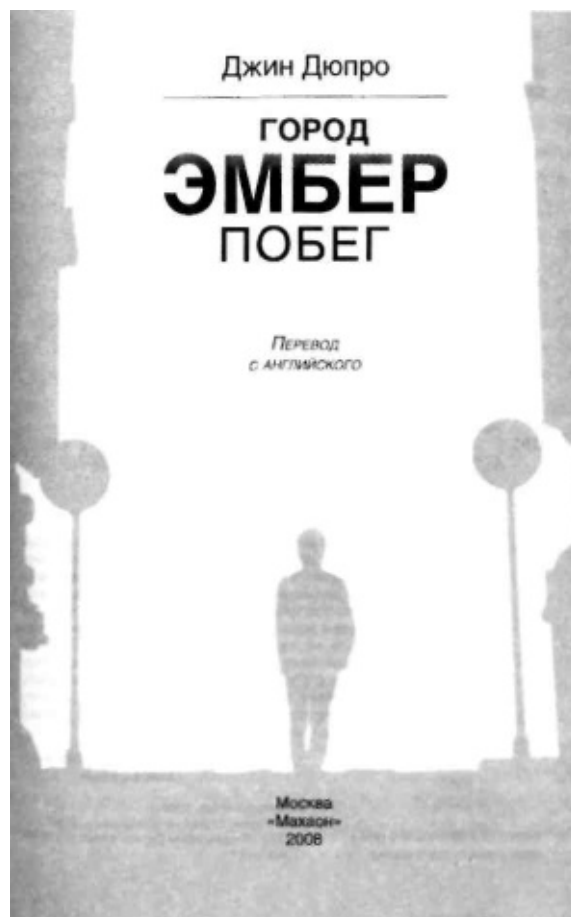
Этот увлекательный роман первая ЧАСТЬ фантастической трилогии американской писательницы Джин Дюпро. Действие первой части происходит в таинственном городе Эмбере, над которым никогда не восходит солнце. Тусклые электрические фонари — единственный источник света для горожан. Но фонари все чаще гаснут, и скоро город окончательно погрузится во тьму. Существуют ли где-то во мраке, окружающем Эмбер, другие острова света? Никто не знает ответа на этот вопрос, и только подростки Лина Мэйфлит и Дун Харроу найдут путь к спасению. Книга уже Экранизирована, фильм «Город Эмбер: Побег», в котором снялись в том числе известные актеры Тим Роббинс и Вилл Мюррей, вышел на экраны осенью 2008 года.

- [Джин Дюпро](#)
  -
  -
  -
  - [Инструкции](#)
  - [ГЛАВА 1](#)
  - [ГЛАВА 2](#)
  - [ГЛАВА 3](#)
  - [ГЛАВА 4](#)
  - [ГЛАВА 5](#)
  - [ГЛАВА 6](#)
  - [ГЛАВА 7](#)
  - [ГЛАВА 8](#)
  - [ГЛАВА 9](#)
  - [ГЛАВА 10](#)
  - [ГЛАВА 11](#)
  - [ГЛАВА 12](#)
  - [ГЛАВА 13](#)
  - [ГЛАВА 14](#)
  - [ГЛАВА 15](#)
  - [ГЛАВА 16](#)
  - [ГЛАВА 17](#)
  - [ГЛАВА 18](#)

- [ГЛАВА 19](#)
  - [ГЛАВА 20](#)
-

Джин Дюпро Город Эмбер: Побег

УДК 821.111-312.9-93 ББК 84(4Вел) Д95

Разрешение на издание получено при участии Nancy Galt Literary Agency

Перевод с английского Александра Турова

В качестве иллюстраций в книге использованы кадры из фильма.

Дюпро Д. Д95 Город Эмбер: Побег. Книга первая Пер. с англ. А. Турова. — М.: Махаон. 2008. — 352 с.:ил.

ISBN 978-5-389-00320-0 (рус.) ISBN 0-552-55238-0 (англ.)

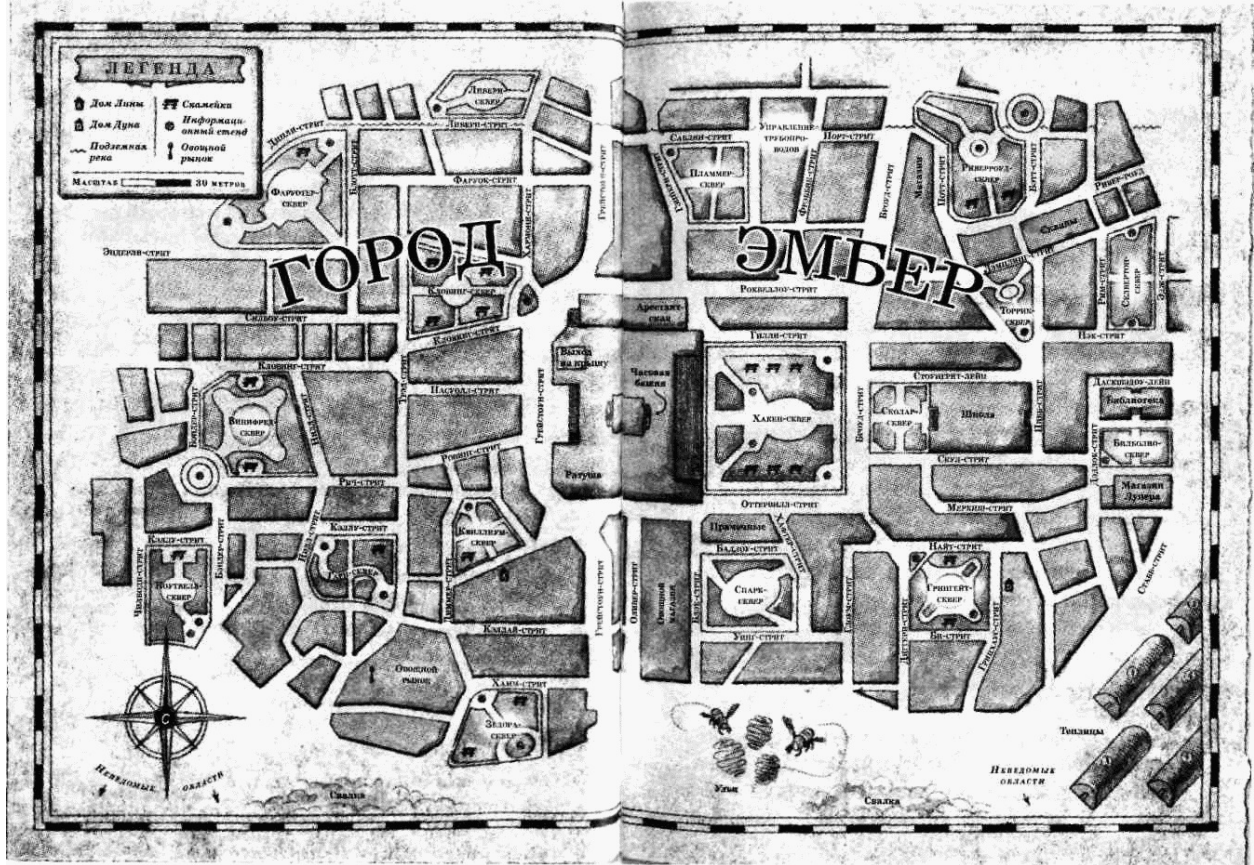
УДК 82 1.111–312.0–93 ВВК84(4Вел)
ISBN 978-5-380-00320-0 (рус.) ISBN 0 562-66288-0 (вига.)

©Jeanne Duprau. 2004

©А. Туров, перевод с английского, 2008

©ООО «Издательская Группа Аттикус», 2008 Mashaon

*С любовью маме, моему первому и лучшему учителю.
С благодарностью моим друзьям,
помогавшим мне в работе над книгой, усилиями которых эта книга
увидела свет.*

Инструкции

В тот день, когда строительство города Эмбера было завершено, Старший создатель и его помощник наконец нашли время, чтобы поговорить о будущем.

— Что ж, скоро здесь появятся жители, — сказал Старший создатель. — Они смогут провести в городе по меньшей мере двести лет, а то и все двести двадцать.

— Этого хватит? — спросил помощник.

— Надеюсь. Точно мы знать не можем.

— А когда придет срок, как они узнают, что им следует делать дальше? — спросил помощник.

— Мы обеспечим их подробными инструкциями.

— Но у кого будут храниться эти инструкции? Ведь их нужно так долго хранить в тайне. Кому тут можно довериться?

— Инструкции будут у мэра города, — сказал Старший создатель. — Мы положим их в специальный контейнер, который запирается на замок с часовым механизмом. Когда время придет, замок откроется.

— А мэр будет знать, что лежит в контейнере? — не отставал помощник.

Нет, мы скажем только, что там хранится важная информация. Но она бесполезна и не имеет никакого смысла до тех пор, пока ящик не откроется.

Значит, первый мэр города передаст контейнер своему преемнику, тот своему и так далее, год за годом, век за веком? И вы надеетесь, что таким образом тайну можно сохранять в течение двух столетий?

— На что же нам еще надеяться? — нетерпеливо возразил Старший создатель. — В этом деле вообще ни в чем нельзя быть уверенным до конца. Вполне возможно, к тому времени в городе никого не останется в живых или не останется ни одного безопасного места, куда они могли бы вернуться.

И вот первому мэру города Эмбера выдали таинственный контейнер, и мэр торжественно поклялся хранить его и никому о нем не рассказывать. Прошли годы, первый мэр состарился, и, когда дни его были сочтены, он рассказал о контейнере своему преемнику, и тот тоже поклялся хранить тайну. Так все и шло много лет.

Но седьмой мэр Эмбера не был таки порядочным человеком, как его

предшественники, а может быть, он просто потерял надежду и впал в отчаяние. Мэр умирал от сухого кашля — в те годы эта болезнь свирепствовала в городе, — и он подумал, что тайна, скрытая в контейнере, может спасти его жизнь. Он взял контейнер из тайного хранилища в подвале ратуши, принес домой, вооружился молотком и зубилом и попытался его взломать.

Но силы умирающего были уже на исходе, и он смог лишь исцарапать крышку. Мэр умер, не успев вернуть контейнер на место или хотя бы рассказать о нем своему преемнику. Так тайна оказалась погребена в одном из домов города, в темном чулане, заваленном старыми мешками и картонными коробками со всяким хламом. Год шел за годом, пока не пробил назначенный час. И тогда во мраке раздался щелчок, и замок открылся.

ГЛАВА 1

День предназначения

Небо над Эмбером всегда было черным. Фонари на крышах домов и большие прожекторы на высоких мачтах, установленных на площадях, заливали улицы желтоватым светом. Прохожий, спешивший по своим делам, отбрасывал на мостовую тень — когда человек проходил под прожектором, она становилась совсем короткой, а потом снова удлинялась. В девять вечера фонари разом выключались, и город погружался в такую непроглядную тьму, что с тем же успехом можно было ходить с завязанными глазами.

Но время от времени ночь внезапно падала на город и в самый разгар дня. Эмбер был старым городом, и все в нем, включая электрические сети, обветшало и нуждалось в ремонте. Иногда огни фонарей вдруг начинали мигать, а потом гасли. Это были ужасные минуты.

Замерев посреди улицы или затаившись во тьме своих домов, жители города молча гнали от себя страшную мысль: а что, если городские огни, однажды погаснув, не зажгутся больше никогда?

Впрочем, большую часть времени жизнь текла своим чередом. Взрослые делали свою работу, дети ходили в школу, пока им не исполнялось двенадцать. А в День предназначения — последний день последнего учебного года — выпускники тоже получали работу.

Старший класс занимал комнату номер семь в юродской школе Эмбера. В День предназначения двести сорок первого года от основания города в этой комнате, обычно шумной по утрам, парила торжественная тишина. Все двадцать четыре ученика чинно сидели за своими партами, которые давно уже стали им малы, и молча ждали.

Парты стояли в четыре ряда, по шесть в каждом. В заднем ряду сидела стройная девушка по имени Лина Мэйфлит. Задумчиво глядя перед собой, она машинально наматывала на палец прядь своих длинных волос, а иногда наклонялась, чтобы выдернуть нитку из истрепанного подола своего плаща или подтянуть носки, то и дело сползавшие со щиколоток. Она тихонько постукивала ногой по полу.

Во втором ряду, нахохлившись и закрыв глаза, сидел Дун Харроу. Его черные волосы были взъерошены. Густые темные брови, придававшие его лицу всегда серьезное выражение, сошлись в одну упрямую линию. На

мальчишке была коричневая вельветовая куртка — такая старая, что рубчики на ткани совершенно стерлись.

Лина и Дун думали сейчас об одном и том же: «Ради всего святого, пусть мне достанется работа, о которой я мечтаю». Дун слегка шевелил губами, без конца повторяя название заветной профессии. Желание обязательно сбудется, если повторишь его много раз! А Лина снова и снова представляла, как она бежит по улицам города в красной куртке. Она старалась вообразить себе эту картинку как можно ярче.

Девочка подняла глаза и внимательно оглядела классную комнату, мысленно прощаясь со всем, что окружало ее столько лет. Прощай, карта города в сучковатой деревянной раме. Прощай, книжный шкаф, на полках которого стоят «Книга цифр», «Книга букв» и «Книга города Эмбера». Прощайте, ящики с этикетками, на которых написано «новая бумага» и «исписанная бумага». Прощайте, три лампочки под потолком, висящие так, что, где бы ты ни сидел, они бросали тень от твоей головы на страницу, которую ты читал. Прощайте, мисс Торн — наша классная дама. Она как раз закончила свою торжественную речь, которую произносит каждый год в День предназначения, и сейчас, пожелав им удачи во взрослой жизни, которую они готовы начать, не знает, что еще сказать, и молча стоит у стола, кутаясь в свою потертую шаль. А почетного гостя все нет и нет.

Наконец за дверью послышались тяжелые шаги. Мисс Торн радостно воскликнула: «Ах!» Дверь отворилась, и в классную комнату вошел мэр города Эмбера. Он обвел выпускников неодобрительным взглядом, словно это они опоздали.

— Добро пожаловать, мэр Коул, — сказала мисс Торн.

Мэр растянул губы в улыбке.

— Мисс Торн, сказал он, пожимая учительнице руку. — Мои поздравления. Подумать только, еще один год!

Мэр Коул был крупным, грузным мужчиной с несоразмерно маленькими руками. В одной руке он держал маленький холщовый мешочек.

Мэр подошел к доске и повернулся к классу. Его серое, обрюзгшее лицо было обтянуто, казалось, не кожей, а каким-то жестким материалом. На этом лице редко отражались эмоции, но сейчас оно изображало улыбку.

— Молодые люди, выпускники! — начал мэр. Он немного помолчал, внимательно разглядывая лица учеников. Глаза его, казалось, глядели из самой глубины его черепа. Он медленно кивнул своим мыслям. — День предназначения, не так ли? Именно так. Сначала мы получаем образование. Затем мы служим нашему городу. — Он снова обвел взглядом школьников

и кивнул, словно кто-то подтвердил его слова, потом аккуратно положил холщовый мешочек на стол мисс Торн и накрыл его ладонью. — Что это будет за служба, а? Может быть, для многих из вас предназначение станет сюрпризом! — Мэр вновь изобразил улыбку, и его толстые щеки собрались в складки — точь-в-точь занавески из плотной ткани.

Лина почувствовала, что у нее замерзли руки. Она плотнее закуталась в плащ и сунула ладони между коленями. Пожалуйста, побыстрее, господин мэр, попросила она про себя. Пожалуйста, дайте нам выбрать — и пусть все это наконец закончится. Дун мысленно твердил то же самое — только без «пожалуйста».

— Хочу напомнить правила, — сказал мэр, назидательно подняв указательный палец. — Сегодня вы получите работу на три года. Затем переаттестация. Хорошо справляешься? От лично, продолжай трудиться дальше. Но если плохо — то, может, стоит подумать о другой работе? Может, где-то еще нужны работники? Тебя назначат как раз туда. Чрезвычайно важно, — и указательный палец грозно нацелился на класс, отбивая такт отрывистой речи мэра, — чтобы вся... работа... в Эмбере... была выполнена. И выполнена надлежащим образом!

Он взял мешочек и распустил завязки.

— Итак, давайте начнем. Процедура, как вы знаете, простая. Подходим по одному. Опускаем руку в мешок. Достаем бумажку. Громко читаем то, что на ней написано. — Мэр Коул улыбнулся и снова кивнул. Плоть под его подбородком заколыхалась. — Кому угодно стать первым?

Никто не шелохнулся. Лина опустила глаза. Повисло долгое молчание. Затем поднялась Лиззи Биско, одна из лучших подруг Лины.

— Я бы хотела быть первой, — произнесла она своим высоким, прерывающимся от волнения голосом.

— Хорошо. Подойди ко мне!

Лиззи вышла вперед. Ее рыжие волосы светились рядом с серой фигурой мэра как язык пламени.

— Что ж, выбирай! — Мэр держал мешочек одной рукой, спрятав другую за спину, как бы желая подчеркнуть, что он не намерен оказывать ни малейшего влияния на процесс.

Лиззи запустила руку в мешок, вытащила сложенный вчетверо клочок бумаги и аккуратно развернула его. Лине не было видно лица подруги, но в голосе Лиззи прозвучало явное разочарование: «Складской клерк».

— Превосходно! — шумно одобрил мэр. — Одна из важнейших профессий в городе!

Лиззи с несчастным видом вернулась на свое место. Лина ободряюще

улыбнулась ей, но подружка скорчила в ответ гримасу. Работа на городском складе не считалась плохой, но это была ужасно унылая работа. Складские клерки сидели вдоль длинной стойки, с утра до вечера принимая заказы от владельцев городских магазинов. Затем они снаряжали курьеров, которые доставляли заказы в лавки. На складе можно было найти консервы, одежду, мебель, одеяла, электрические лампочки, лекарства, посуду, писчую бумагу, мыло — словом, все, что могло понадобиться жителям города.

Все заказы надо было занести в толстые бухгалтерские книги, количество отправленных товаров также следовало записать. А Лиззи не любила долго сидеть на одном месте, ей бы больше подошла какая-нибудь подвижная работа, думала Лина. Например, работа вестника. Лина и сама мечтала стать вестником: эти люди весь день бегали по городу, всюду бывали, всех видели, все знали.

— Следующий! — сказал мэр.

На этот раз одновременно вскочили двое: Орли Гордон и Чет Ноум. Орли снова села на место, а Чет вышел вперед.

— Выбирайте, молодой человек, — сказал мэр.

Чет достал бумажку, развернул, и лицо его расплылось в широкой улыбке.

— Помощник электрика, — прочел он. Дун охнул и отчаянным жестом прижал руку к губам.

Заранее никогда не было известно, какую работу предложат в День предназначения. Иногда выпадали очень удачные годы: оранжерее требовались садовники или хранитель времени нуждался в помощниках, да и остальные профессии были неплохими. А в другие годы в записках стояло только «разнорабочий» да «сортировщик мусора». Но всегда находилась по крайней мере одна вакансия помощника электрика. Обслуживание электрических сетей было самой важной работой в Эмбере, и здесь было занято больше всего народу.

Орли Гордон получила работу на стройке. Хорошая работа для Орли: она была сильной девушкой и любила тяжелый физический труд. Винди Шанс стала помощником садовника. Возвращаясь на место, Винди радостно подмигнула Лине. Везет ей, подумала Лина, она будет работать вместе с Клэри.

Пока никому еще не досталась совсем плохая работа. Может, в этом году неудачных вакансий и не будет?

Эта мысль придала Лине уверенности. Да и вообще, она уже настолько издергалась от неопределенности, что у нее даже зубы разболелись. Поэтому не успела Винди сесть — еще до того, как мэр сказал

«следующий!», — она встала и вышла вперед.

Маленький мешочек был сделан из выцветшего зеленого материала, собранного сверху черным шнурком. Поколебавшись секунду, Лина запустила в него руку и нащупала несколько клочков бумаги. С чувством, словно прыгает с крыши высокого здания, она подцепила один, вытащила и развернула.

Черными чернилами, маленькими аккуратными печатными буквами там было написано: «Разнорабочий в Управление трубопроводов». У Лины потемнело в глазах.

— Прочти вслух, пожалуйста, — попросил мэр.

— Разнорабочий в Управление трубопроводов, — хрипло прошептала Лина.

— Громче! — сказал мэр.

— Разнорабочий в Трубы, — громко повторила Лина, чуть не плача.

По классу пронесся сочувственный вздох. Глядя в пол, Лина прошла обратно к своему столу и села.

В туннелях, по которым проходили водопроводные и канализационные трубы Эмбера, было холодно и сыро. Работа там была не только тяжелой, но и опасной. Где-то в лабиринте туннелей текла быстрая подземная река, и время от времени кто-нибудь по неосторожности срывался в воду и исчезал навсегда. В городе рассказывали о людях, которые забрели в Трубы слишком далеко, и их никогда больше не видели.

Лина не сводила глаз с буквы «В», которую неизвестно кто когда-то вырезал на парте. Она чувствовала, что сейчас заревет. Что угодно, только не Трубы. Если уж не удалось стать вестником, она бы хотела получить работу садовника. Лина с тоской вспомнила теплый воздух оранжереи, запах земли. В оранжерее хозяйничала Клэри, которую Лина знала всю жизнь.

Ее бы устроила и работа ассистента доктора — она бы помогала врачевать раны и переломы. Даже подметать улицы было бы лучше, даже толкать тачки с товарами — по крайней мере, она оставалась бы на поверхности земли, ее окружали бы люди. Но спуститься на три года в Трубы — это все равно что похоронить себя заживо.

Один за другим ее одноклассники вытягивали свой жребий. И никто, никто не получил такой дрянной вакансии, как она. Наконец со своего места поднялся последний ученик.

Это был Дун. Он насупился еще больше. Лина видела, что, несмотря на внешнее спокойствие, он очень напряжен.

Дун запустил руку в мешок и вытащил последний клочок бумаги. Он

выждал минуту, крепко зажав его в кулаке.

— Ну же, — сказал мэр. — Читай! Развернув записку, Дун прочел:

— Вестник! — нахмурился, скомкал бумажку и бросил ее на пол.

Лина разинула рот, по классу пронесся шепот удивления: как можно сердиться, получив лучшее, что может быть, — работу вестника?!

— Безобразно себя ведешь! — взревел мэр. Его лицо потемнело, глаза, казалось, вот-вот выкатятся из орбит. — Немедленно марш на место!

Дун пнул комок бумаги, так что он улетел в дальний угол класса, потом, демонстративно топая, вернулся к своей парте и с размаху плюхнулся на сиденье.

Мэр перевел дыхание и бешено заморгал.

— Позор! — громко сказал он, пристально глядя на Дуна. — Ребячество! Вспыльчивость! Каждый школьник должен быть рад поработать во благо родного города! Эмбер и дальше будет процветать, если все его граждане будут... стараться... изо всех сил! — Его указательный палец снова угрожающе нацелился на притихших школьников.

Но тут внезапно заговорил Дун:

— Ничего он не процветает! Дела в Эмбере идут все хуже и хуже!

— Молчать! — завопил мэр.

— Свет отключают! — закричал в ответ Дун. Он снова вскочил со своего места. — Свет все время отключают! И ничего нет, вечно всего не хватает! Если ничего с этим не сделать, скоро произойдет что-нибудь ужасное!

Лина слушала, чувствуя какую-то смутную тревогу. Что такое с Дуном? Из-за чего он так переживает? Впрочем, он всегда все принимал слишком близко к сердцу.

Мисс Торн подошла к Дуну и положила ладонь ему на плечо.

— Прощу тебя, сядь, — сказала она мягко. Но Дун остался стоять.

Мэр, набычившись, смотрел на него. Затем изобразил улыбку, обнажив ровные серые зубы.

— Мисс Торн, — спросил он, — кто таков этот молодой человек?

— Я Дун Харроу, — с вызовом сказал Дун.

— Я запомню тебя, Дун Харроу, — медленно произнес мэр, не сводя глаз с мальчика. Затем повернулся к классу: — Мои поздравления всем. Добро пожаловать в дружную семью тружеников Эмбера! Мисс Торн... Дети... Всем спасибо.

Почетный гость пожал руку учительнице и отбыл. Новоиспеченные труженики Эмбера гурьбой повалили из класса. Лина шла по коридору школы, не слушая Лиззи, которая тараторила:

— Бедненькая! Я так боялась, что вытяну плохой жребий, но тебе пришлось совсем худо. Мне еще повезло по сравнению с тобой!

И как только они вышли на улицу, Лиззи торопливо попрощалась и быстро пошла прочь, словно невезение было заразой, которую она боялась подцепить.

Лина еще немного постояла на ступенях школы, глядя на Хакен-сквер. Площадь была полна людей, которые энергично шли по своим делам, укутанные в куртки и шарфы, или останавливались поболтать друг с другом под светом уличных фонарей. Мальчик в красной куртке вестника пробежал в сторону ратуши. Мужчина тянул тележку с мешками картошки по Оттервилл-стрит. А в домах вокруг площади окна сияли ярко-желтым и темным золотом.

Лина вздохнула. Вот где она хотела бы работать: здесь, наверху, где кипела жизнь, а не там, внизу, в недрах города.

Кто-то дотронулся до ее плеча. Вздрогнув, она обернулась и увидела Дуна. Его тонкое лицо было бледным.

— Хочешь поменяться со мной? — спросил мальчик.

— Поменяться?

— Ну да, поменяться работами. Я не хочу терять время, работая вестником. Я хочу принять участие в спасении города, а не носиться бессмысленно по улицам, разнося пустые сплетни.

Лина остолбенела от изумления:

— Ты предпочел бы работать в Трубах?

— Я предпочел бы работать помощником электрика. Но Чет Ноум, конечно, не станет меняться. А на втором месте у меня Трубы.

— Но почему?

— Потому что там находится генератор. Конечно, Лина знала про генератор.

Каким-то непонятным для нее образом это устройство превращало энергию речного потока в электричество, которым освещался город. Когда стоишь на Пламмер-сквер, где-то в глубине слышно вибрацию этой тяжелой машины.

— Я должен увидеть генератор, — сказал Дун. — Я... У меня есть кое-какие мысли по этому поводу. — Он сунул руки в карманы. — Ну так что, будешь меняться?

— Да! — воскликнула Лина. — Я же всегда мечтала работать вестником!

С ее точки зрения, ничего бессмысленного в этой работе не было. Нельзя же заставлять людей самих таскаться по городу всякий раз, когда им

нужно сообщить что-то друг другу. А вестники соединяли всех со всеми.

Для Лины эта работа подходила идеально. Во-первых, она обожала бегать. Она могла бы бегать круглые сутки. Во-вторых, ей нравилось исследовать город, открывать для себя новые переулки и укромные уголки. А уж вестнику придется бывать в самых неожиданных местах.

— Вот и отлично, — сказал Дун, протягивая ей скомканный клочок бумаги, который он, должно быть, подобрал с пола, когда остался в классе один.

Лина сунула руку в карман, нащупала там свою записку и отдала ее мальчику.

— Спасибо, — сказал Дун.

— Не за что. Тебе спасибо, — весело ответила Лина.

Счастье переполняло ее, а когда она чувствовала себя счастливой, ей всегда хотелось побегать. Перепрыгивая через три ступени, она спустилась по лестнице и помчалась по Брод-стрит в сторону дома.

ГЛАВА 2

Сообщение для мэра

Лина редко добиралась из школы домой одним и тем же маршрутом. Иногда, просто ради разнообразия, она бежала вокруг Спарк–сквер или мимо сапожных мастерских на Ливери–стрит. Но сегодня она выбрала кратчайший путь, потому что ей не терпелось добраться до дома и рассказать обо всем, что случилось в День предназначения.

Она легко и быстро бежала по улицам Эмбера. Каждый перекресток, каждый переулок, каждый дом были ей хорошо знакомы. Она всегда точно знала, где находилась, хотя отличить одну улицу от другой было непросто: весь город был застроен одинаковыми двухэтажными домами. Все они давно обветшали, краска на деревянных дверях облупилась, оконные рамы рассохлись. На первом этаже обычно размещались магазины, на втором были жилые комнаты. На карнизах зданий были установлены большие конические лампы, заливавшие все вокруг резким светом.

Каменная кладка стен, освещенные окна, неуклюжие фигуры встречающих прохожих, закутанных в теплую одежду, — Лина бежала мимо. Она чувствовала, как сильны ее длинные стройные ноги — словно лук, который то сгибается, то снова распрямляется. Она перепрыгивала через рытвины мостовой, огибала препятствия: сломанную мебель, выставленную на тротуар и ожидающую, когда ее заберут мусорщики, холодильники и кухонные плиты, доставленные из ремонтной мастерской, уличных торговцев, разложивших вокруг себя товар.

Повернув на Хафтер–стрит, Лина слегка замедлила бег. На этой улице было почти темно. Четыре фонаря давно сломались, и их почему–то так и не починили. В городе поговаривали, что некоторых моделей электрических ламп совсем не осталось на складе. Лина, как и все горожане, привыкла к тому, что в городе вечно всего не хватает. Но лампы! Если погаснут уличные фонари, свет останется только в домах. И что тогда? Каково будет ходить по улицам, погруженным во мрак?

Где–то в глубине ее души шевельнулся черный червячок страха. Она вспомнила, как Дун кричал на мэра. Неужели дела действительно настолько плохи, как он говорил? Она не хотела в это верить. Она отогнала эту мысль.

Добравшись до Бадлоу–стрит, Лина снова прибавила ходу. Пробежала

мимо небольшой очереди — люди с большими хозяйственными сумками через плечо ждали, когда откроется овощной магазин, — обогнала прачку с огромным мешком грязного белья, еле увернулась от грузчиков, тащивших сломанный стол, от дворника, поднимавшего тучи пыли своей метлой. «Я так счастлива, — думала она, — что у меня есть работа, которую я люблю. И это сделал для меня Дун Харроу».

В детстве Лина и Дун очень дружили. Они бродили вместе по дальним переулкам, облазили все заброшенные углы на окраинах города. Но в четвертом классе начали отдаляться друг от друга. Охлаждение началось в тот день, когда они всем классом играли на ступенях школы.

— Я могу перепрыгнуть сразу через три ступеньки! — похвастался кто-то.

— А я могу спуститься по лестнице на одной ножке! — закричал другой.

Тут включились остальные:

— Я умею делать стойку на руках!

— Смотрите, как я прыгаю через урну!

И как только кто-нибудь прыгал через урну, все непременно должны были повторить этот подвиг.

Лина бегала быстрее всех, прыгала выше всех, придумывала самые сложные трюки и вдруг, неожиданно для себя самой, выкрикнула:

— А спорим, я заберусь на фонарный столб? Все так и остолбенели, разинув рты, а Лина стремительно перебежала на другую сторону улицы, сбросила туфли, сняла носки и обхватила руками холодный металл столба. Оттолкнувшись босой ногой, она медленно полезла вверх. Но забраться высоко ей не удалось: руки соскользнули, и она сползла на землю. Все засмеялись, и она засмеялась первая:

— Я же не сказала, что заберусь на самый верх, я сказала просто «заберусь»!

Другие дети тоже попытались хоть немного подняться по столбу. Лиззи не захотела снимать носки — «и так ноги мерзнут». Слабак Форди Пени смог подняться лишь на полметра от земли. А следующим был Дун. Он разулся, аккуратно сложил носки и башмаки у подножия столба и сказал серьезно, как всегда:

— Я полезу на самый верх.

Он обхватил столб и стал карабкаться вверх, подтягиваясь и отталкиваясь ногами. Он толкал себя вверх снова и снова и залез гораздо выше, чем удалось Лине, но внезапно его руки тоже соскользнули, и он тяжело свалился вниз, шлепнулся прямо на задницу, задрав ноги вверх.

Лина засмеялась. Наверное, смеяться было нехорошо — он явно сильно ушибся, — но Дун выглядел так потешно, что Лина просто не смогла удержаться.

Ничего страшного с ним не случилось, он тут же вскочил и даже ухмыльнулся, чтобы показать, что ему нисколько не больно. Но когда Дун услышал смех Лины, он помрачнел. Гнев вскипал в нем мгновенно.

— Не смей смеяться надо мной, — закричал Дун. — Я поднялся выше, чем ты! И между прочим, лезть на этот паршивый столб была твоя затея, твоя глупая, дурацкая затея!

Он так орал, что из школы вышла их учительница, миссис Поулстер. Она схватила Дуна за шиворот и потащила его, вырывающегося и красного от злости, в кабинет директора, где он получил нагоняй, которого, по его мнению, совершенно не заслуживал.

С того самого дня Лина и Дун старались не замечать друг друга, когда встречались в школьном коридоре. Они долго не могли простить друг другу того, что случилось. Дуну не понравилось, что над ним смеются. Лине не понравилось, что на нее кричат. Позже история с фонарным столбом стала забываться, но Лина и Дун уже отвыкли от мысли, что они друзья.

Когда им обоим исполнилось двенадцать, они были друг для друга просто одноклассниками, не больше. Лина дружила с Винди Шанс, с Орли Гордон и прежде всего с Лиззи Биско, которая умела бегать почти так же быстро, как сама Лина, а трещать языком — в три раза быстрее.

Но сейчас Лина была очень благодарна Дуну и искренне желала ему, чтобы у него все было в порядке на новой работе. Может быть, они даже снова станут друзьями. Она бы с удовольствием расспросила его о Трубах. Ей было любопытно, как там все устроено.

Когда она свернула на Грейстоун–стрит, ей встретила Клэри Лейн, которая шла, наверное, к себе в оранжерею. Клэри помахала ей и крикнула:

— Что за работа?

— Вестник! — крикнула в ответ Лина не останавливаясь.

Вот и Квиллиум–сквер, вот и бабушкин магазинчик, в котором продаются нитки и шнурки. Лина стремглав влетела в лавку:

— Бабушка! Я вестник!

Когда-то в магазине царил идеальный порядок: каждый моток бечевки, каждая катушка ниток занимали строго определенное место на одной из полок вдоль стен. Все эти веревки и нитки происходили из старой одежды, которая истрепалась настолько, что ее уже не имело смысла чинить. Бабушка распускала шерстяные свитера, распарывала платья и куртки, а потом сматывала нитки в клубки, и люди покупали эти клубки,

чтобы штопать свою одежду.

Но теперь в магазине был полный хаос. Длинные пряди спутанных нитей свисали с полок, коричневые, серые и лиловые клубки валялись вперемешку с зелеными и синими. Бабушкиным покупателям иногда приходилось по полчаса искать нужный цвет или выуживать конец нити в безнадежно свалявшемся клубке. Ждать помощи от хозяйки не приходилось: большую часть дня старушка клевала носом за прилавком в своем кресле–качалке.

Там ее и нашла Лина, ворвавшись в лавку со своими новостями. Она сразу заметила, что сегодня утром бабушка забыла причесаться: ее седые волосы торчали во все стороны дикими белыми космами.

Бабушка посмотрела на Лину озадаченно:

— Какой же ты вестник, деточка моя, ты же еще учишься в школе?

— Но, бабушка, сегодня же День предназначения. Я закончила школу и уже получила работу. Я и вправду вестник!

В глазах бабушки мелькнуло оживление, она хлопнула рукой по прилавку.

— День предназначения? Помню–помню! — воскликнула она. — Вестник — преотличнейшая работа! Ты прекрасно справишься!

Из–за стойки, еще не совсем уверенно держась на пухлых ножках, выкатилась Поппи — младшая сестренка Лины. У нее была круглая рожица, веселые карие глазки и хохолок каштановых волос, перехваченных красной ниткой. Поппи протянула ручки старшей сестре. Лина склонилась над малышкой и взяла ее на руки.

— Поппи! У твоей сестры есть классная работа! Ты гордишься мной, Поппи? Ты рада?

Поппи радостно пролепетала что–то вроде «лада–лада–лада!». Лина рассмеялась, подхватила сестренку и закружилась с ней в танце.

Лина так любила младшую сестру, что при одной мысли о ней у нее щемило сердце. У Лины никого не было, кроме Поппи и бабушки. Два года назад, когда сухой кашель в очередной раз опустошал город, она осталась без отца. Несколько месяцев спустя, рожая Поппи, умерла ее мать. Лина тосковала по родителям так же сильно, как любила Поппи. Ощущение полной пустоты и любовь делили ее сердце поровну.

— Когда ты приступаешь? — спросила бабушка.

— Завтра, — ответила Лина. — Я должна явиться в диспетчерскую в восемь.

— Ты станешь знаменитым вестником, — сказала бабушка одобрительно. — Самым быстрым и самым знаменитым.

Взяв с собой Поппи, Лина вышла из магазина и поднялась по лестнице в свою квартиру. Это была маленькая квартира, всего четыре комнатки, но хлама там было столько, что хватило бы на все двадцать. Вещи, которые принадлежали родителям Лины, ее бабушке с дедушкой и даже их прабабке и прадеду, — старые, сломанные, потрескавшиеся, изношенные вещи, которые были штопаны–перештопаны, чинены–перечинены, латаны–перелатаны сотни раз. Жители Эмбера редко выбрасывали вещи. Они использовали все, что у них было, до последней возможности.

Вытертые ковры и половики устилали пол в несколько слоев. Ходить по ним было мягко, но не очень удобно. У одной из стен притулился покосившийся диван с ножками в виде деревянных шаров, на диване громоздились подушки — в таком количестве, что, если вы хотели сесть, часть пришлось бы сбросить на пол.

У противоположной стены стояли два шатких стола, на которых теснились бутылки и тарелки, чашки и миски, валялись вилки и ложки, громоздились кучи старой бумаги, куски веревки, смотанные в неряшливые клубки, и несколько огрызков карандашей. Комнату освещали два торшера и две настольные лампы. В потолок неровными рядами были вбиты крючки, на которых висели пиджаки и платки, ночные рубашки и свитера, а на полках вдоль стен стояли кастрюли и сковороды, банки со стершимися наклейками и коробки с пуговицами и булавками.

Свободные от полок участки стен были украшены чем–нибудь изящным: этикеткой от банки консервированных персиков, букетиком сухих цветов, клочком вылинявшей, но все еще очень красивой лиловой ткани.

Было и несколько рисунков: Лина любила рисовать фантастический город, который часто видела в мечтах. Он был чем–то похож на Эмбер, только дома там были выше и окон в них было больше.

Один из рисунков соскользнул с гвоздика, на котором висел, и упал на пол. Лина подобрала его и повесила на место. Она постояла минуту, разглядывая картинку. Снова и снова все тот же город. Иногда Лина рисовала панораму города, иногда выбирала одно из зданий и изображала его вблизи во всех подробностях. Она выдумывала красивые лестницы, фонари, повозки. Лина пыталась нарисовать и жителей города, хотя людей она умела рисовать не очень хорошо: руки у нее всегда получались похожими на паучьи лапки. А на одном из рисунков было изображено, как жители сказочного города торжественно встречают первого человека, который пришел к ним откуда–то извне, — ее саму, Лину Мэйфлит. И как они спорят, кто первый удостоится чести пригласить ее к себе в гости.

Лина так ясно воображала себе этот город, что порой начинала верить, будто он и правда существует. Хотя, конечно, знала, что это невозможно. Ведь «Книга города Эмбера», которую она читала в школе, учила другому.

«Град Эмбер был построен для нас в начале времен изволением создателей, — так было написано в книге. — Он есть единственный остров света в мире тьмы. И нескончаемый мрак простирается во все стороны за пределами этого града».

Лине приходилось бывать на окраинах Эмбера, у мусорных свалок, окружающих город. За свалками начинались Неведомые области. Никто никогда не заходил туда далеко — или, во всяком случае, никто из ушедших далеко не вернулся обратно. Так что мрак, по всей видимости, и правда простирался во все стороны бесконечно.

Но Лине все равно хотелось, чтобы другой город существовал. В ее воображении он был так прекрасен и так реален. Иногда она страстно мечтала уйти туда и увести с собой всех жителей Эмбера.

Но сегодня Лина не думала об этом. Сегодня ей было хорошо там, где она находилась.

— Погоди-ка, — сказала она, усаживая Поппи на диван, затем пошла на кухню, включила электрическую плитку и открыла сломанный холодильник, в котором прятала от сестренки стаканы и тарелки.

На полке над холодильником, где теснились кастрюли и кувшины и стояли часы с маятником, которые бабушка вечно забывала завести, выстроились в ряд жестяные банки с этикетками. Лина время от времени расставляла банки по алфавиту, чтобы хоть что-нибудь в этом доме можно было найти быстро, но бабушка снова все путала. Ну вот, пожалуйста: арахис опять стоит где-то в конце, а яичный порошок — почему-то в самом начале. Лина открыла банку с детским питанием и банку с консервированной морковкой, смешала то и другое в большой чашке, подогрела и отнесла сестренке.

Поппи тут же вымазала в каше всю мордашку и стала радостно запихивать морковку между диванными подушками. Лина почувствовала себя совершенно счастливой. Можно же хоть минуту не думать о судьбах города! А завтра она станет настоящим вестником! Она вытерла оранжевую массу с подбородка Поппи. Не нервничай, шепнула она себе. Все будет в порядке.

Диспетчерская вестников находилась на Кловинг-стрит, недалеко от ратуши. Когда Лина явилась туда на следующее утро, ее встретила бригадир вестников Эллис Флири — тощая дама с бледно-голубыми глазами и волосами цвета пыли.

— Наша новенькая, — сказала бригадир Флири. Остальные вестники — девять парней и девчонок — приветственно помахали Лине. — Вот тебе твоя куртка. — Флири протянула Лине форменную красную куртку вестника. Куртка была совсем чуть-чуть ей велика.

С башни ратуши раздался низкий раскатистый удар колокола.

— Восемь часов, — вскричала бригадир Флири, взмахнув костлявой рукой. — Занять посты!

И не успели часы пробить оставшиеся семь раз, как все вестники разбежались в разные стороны. Капитан повернулась к Лине:

— Твой пост — на Гарн-сквер.

Лина кивнула и уже бросилась было бежать, но Флири поймала ее за воротник.

— Я еще не познакомила тебя с правилами, — сказала она, подняв вверх длинный тощий палец. — Правило первое: когда клиент диктует тебе сообщение, всегда повтори его, чтобы убедиться, что ты все поняла правильно. Правило второе: всегда носи на работе красную куртку, чтобы люди видели, что ты вестник. Правило третье: бегай как можно быстрее. Твои клиенты платят двадцать центов за каждое послание, и им нет дела, далеко тебе бежать или нет.

Лина кивнула:

— Я всегда бегаю быстро.

— Четвертое, — продолжала Флири, не обратив внимания на слова Лины, — передавай послание только тому человеку, которому оно адресовано. И никому другому.

Лина снова кивнула. От нетерпения она пританцовывала на месте.

Бригадир Флири улыбнулась.

— Вперед! — скомандовала она, и в ту же секунду Лина сорвалась с места.

Она чувствовала себя сильной, быстрой и уверенной. Она бросила взгляд на свое отражение, когда пробежала мимо витрины мебельной мастерской, и ей понравился вид ее светлых волос, летящих за ней следом, быстро мелькающие ноги в черных носках и развевающаяся красная куртка.

Ее лицо, ничем особенно не примечательное, сейчас было почти прекрасным — потому что она чувствовала себя совершенно счастливой.

Не успела она добежать на Гарн-сквер, как ее окликнули:

— Вестник, ко мне!

Первый клиент! Это был старый Натти Прайн, он звал ее со своей скамейки. Он всегда там сидел.

— Послание для Рэвена Парсонса, Селвертон–сквер, восемнадцать, — прохрипел Натти. — Нагнись ко мне.

Лина наклонилась, и ее обдало запахом перегара. Старик медленно и отчетливо произнес:

— У меня плита сломалась, ужинать не приходи. Повтори.

Лина повторила послание.

— Хорошо, — прохрипел Натти Прайн.

Он протянул Лине монетку в двадцать центов, и она пустилась бежать через весь город на Селвертон–сквер. Там она нашла Рэвена Парсонса, еще одного старика, который тоже клевал носом на лавочке.

— Старый дурень, — проворчал Парсонс, выслушав сообщение. — Да ему просто готовить неохота. Ответа не будет.

Лина пустилась бежать обратно на Гарн–сквер, миновав на своем пути группку Верных, которые стояли кружком и, воздев руки, распевали свои гимны. Лине показалось, что в последнее время Верных вообще стало больше, чем раньше. Она не знала, во что они верили, но вера, похоже, делала их счастливыми — во всяком случае, Верные всегда улыбались.

Следующим клиентом оказалась миссис Поулстер, ее бывшая учительница. В четвертом классе они каждый день заучивали наизусть какое–нибудь изречение из «Книги города Эмбера». На стенах класса висели таблицы с именами всех учеников. Если ты отвечал правильно, против твоего имени ставили зеленую точку, если неправильно — красную.

— Всегда помните, дети, — говорила миссис Поулстер своим звонким голосом. — В жизни вам придется постоянно выбирать между правильным и неправильным. И когда вы научитесь отличать правильное от неправильного, вам следует всегда выбирать правильное.

Сама миссис Поулстер в любой ситуации твердо знала, что правильно, а что нет.

И вот Лина снова слышала ее ясный голос:

— Анисетт Лафронд, Хамм–стрит, тридцать девять, передать следующее: «Мое доверие к тебе серьезно подорвано после того, как я узнала о постыдных делах, которым ты предавалась в прошлый вторник». Прошу повторить.

Лина запомнила сообщение только с третьего раза.

— Ой, я, кажется, заработала красную точку, — пошутила она, но миссис Поулстер не нашла это смешным.

В первое трудовое утро у Лины было девятнадцать клиентов. Некоторые сообщения были вполне заурядными: «Во вторник быть не смогу», или «Как пойдешь домой, купи по дороге пол кило картошки», или

«Пожалуйста, приезжайте поскорее и почините мне входную дверь». Смысл других посланий, в том числе и послания миссис Поулстер, оставался для Лины совершенно неясен.

Но это не имело никакого значения. Самым интересным в работе вестника были не сами сообщения, а места, куда их надо было доставлять. Она входила в дома незнакомых людей, пробиралась на задворки и в кладовые магазинов. Всего за несколько часов она увидела и узнала массу странных и занимательных вещей.

Например, швее миссис Сэмпл приходилось спать на диване в гостиной, потому что вся ее спальня почти до потолка была завалена одеждой, которую ей принесли в ремонт. У доктора Фелинии Тауэр на стене гостиной висел человеческий скелет, кости которого были связаны черными нитками.

— Я изучаю его, — объяснила она, когда Лина уставилась на скелет. — Мне нужно знать, как устроен человек.

В одном доме на Кэллу-стрит Лина передала послание чрезвычайно взволнованному мужчине, в квартире которого царила полная темнота.

— Экономлю электрические лампочки, — нервно сказал мужчина.

А когда Лина доставила сообщение в кафе «Жестянка», оказалось, что в отдельном кабинете кафе собираются люди, интересующиеся Великими вопросами.

— Вы хотите сказать, что Невидимый постоянно наблюдает за нами? — спросил кто-то, когда Лина подошла к двери.

— Возможно, — ответил другой голос. Воцарилось долгое молчание.

— А возможно, и нет, — закончил голос.

Все это было ужасно интересно. Лина любила узнавать новое и любила бегать. И даже к концу дня она не чувствовала усталости. Наоборот, бег делал ее сильной и бодрой. Она любила улицы, по которым пробегала, и людей, которым доставляла сообщения. Она хотела бы приносить людям только хорошие новости, в которых они так нуждались.

И вот ближе к вечеру она чуть не налетела на молодого человека, который, пошатываясь, брел прямо на нее. Выглядел он довольно странно: длинная шея с выдающимся кадыком, а зубы такие большие, словно вот-вот выскочат изо рта. Густые черные волосы неопрятными патлами торчали во все стороны.

— У меня сообщение для мэра, доставка в ратушу, — сказал он и сделал паузу, чтобы Лина прониклась важностью момента. — Поняла?

— Поняла, — ответила Лина.

— Тогда порядок. Слушай внимательно. Скажи ему: «Доставка в

восемь. Доставит Лупер». Повтори.

— Доставка в восемь. Доставит Лупер, — послушно повторила Лина. Это было несложное сообщение.

— Хорошо. Ответа не нужно. — Он протянул ей двадцать центов, и Лина побежала к ратуше.

Здание ратуши целиком занимало одну сторону Хакен-сквер, центральной площади города. Площадь была вымощена булыжником, на ней стояли скамейки, накрепко привинченные к мостовой, и пара информационных стендов, на которых время от времени вывешивались объявления и новости. Широкие ступени вели к дверям ратуши, массивные колонны обрамляли вход. В здании размещалась приемная мэра, там же находились и кабинеты чиновников, которые следили за тем, чтобы в домах своевременно заменяли разбитые стекла, ведали ремонтом фонарей, вели учет городского населения. Хранитель времени отвечал за городские часы, а стражи надзирали за тем, чтобы законы города Эмбера неукоснительно соблюдались, и время от времени сажали карманников или драчунов в арестантскую — небольшое одноэтажное строение с крутой крышей, притулившееся у заднего фасада ратуши.

Лина взлетела по ступеням и вошла в просторный вестибюль. Слева от входа за столом дремал охранник. «Бартон Сноуд, младший страж», — было написано на бляхе у него на груди. Младший страж был крупным мужчиной с широкими плечами, мощными руками и очень толстой шеей. Правда, голова его казалась приставленной от другого тела: она была слишком маленькая, совершенно круглая и, словно пухом, покрыта коротко стриженными волосами. Нижняя челюсть охранника ритмично двигалась: он что-то жевал.

Услышав шаги Лины, младший страж открыл глаза и перестал жевать.

— Добрый день, — произнес он. — Что за дело привело тебя сюда?

— У меня сообщение для мэра.

— Очень хорошо, очень хорошо. — Бартон Сноуд с любопытством смотрел на девочку. — Сюда, пожалуйста.

Он встал, проводил Лину через коридор и отворил перед ней дверь с табличкой «Приемная».

— Подожди здесь, пожалуйста. Мэр сейчас внизу, в подвале. Небольшое дело. Скоро он поднимется.

Лина вошла в приемную.

— Я пойду скажу мэру, — не умолкал охранник. — Присядь пока. Мэр через секунду будет. Или через минуту.

Он вышел из комнаты и притворил за собой дверь, но она тут же снова

открылась, и в проеме показалась круглая голова младшего стража. На его лице было написано жадное любопытство.

— А что за послание-то? — поинтересовался он громким шепотом.

— Я должна передать его лично мэру, — ответила удивленная Лина.

— О, конечно, конечно, — поспешно сказал Сноуд, и дверь снова захлопнулась.

Странно как-то он себя ведет, подумала Лина. Наверное, недавно на этой работе.

Когда-то приемная, несомненно, выглядела весьма импозантно, но сейчас всюду были видны следы запустения. Стены, выкрашенные в темно-красный цвет, были усеяны коричневатыми заплатками в тех местах, где старая краска облупилась. Пол устилал безобразный бурый ковер, а во главе большого стола стояло кресло, обитое красной тканью, при одном взгляде на которую хотелось почесаться. Рядом стояли несколько стульев и кресел поменьше. Посреди стола лежала огромная «Книга города Эмбера», гостеприимно раскрытая и словно приглашавшая посетителя прочитать пару страниц. На стенах красовались портреты всех мэров Эмбера со дня основания города; мэры, насупившись, смотрели на Лину.

Лина уселась в красное кресло и стала ждать. Не было слышно ни звука. Нигде не было ни души. Скоро девочке надоело сидеть, и она пошла бродить по комнате. Склонилась над книгой и посмотрела, на какой странице та открыта: «Пусть у граждан Эмбера и нет роскошных вещей, но предвидение создателей, наполнивших наш склад в начале времен, обеспечило нас всем в достатке, а ничего кроме достатка и не ищет подлинно мудрый».

Лина перевернула несколько страниц. «Часы на башне ратуши, — читала она, — отмеряют часы ночи и часы дня. Да не будет им позволено прекратить свой бег. Ибо как мы узнаем без часов, когда взрослым следует приступать к трудам, а детям — вставать в школу? Как распорядитель света поймет, когда возжигать фонари и когда гасить их? Пусть же хранитель времени заводит часы каждую неделю, и пусть он ежедневно меняет дату в календаре на Хакен-сквер. И да исполняет хранитель времени свой долг неукоснительно».

Лина прекрасно знала, что на самом деле хранители не всегда бывают такими добросовестными, как учит книга. Она слышала истории об одном из них, жившем много лет назад. Он все время забывал менять табличку с датой на публичном календаре, и там, говорят, несколько дней подряд могло быть написано «среда, неделя 38, год 227».

Случалось даже, что хранители забывали завести часы, и те внезапно

останавливались днем или среди ночи. И далеко не сразу кто-нибудь спохватывался, что ночь выдалась уж очень длинная. В результате теперь никто не знал точно, какой сегодня день недели, а уж тем более сколько лет прошло со дня основания города. Считалось, что на дворе 241 год, но на самом деле это мог быть и 245, и 239, и 250-й...

Но пока колокол на башне мерно отмечал каждый час, пока фонари загорались и гасли более или менее регулярно, время не имело особого значения.

Лина оставила книгу и стала разглядывать портреты мэров. Седьмой мэр, Подд Мортварт, был ее прапрадедушкой. Или прапрапра? Она не помнила точно, сколько там этих «пра» — в общем, это был ее далекий предок. Он выглядит довольно мрачным, подумала Лина. Впалые щеки, уголки рта печально опущены, да и взгляд какой-то потерянный. Лине больше нравился портрет четвертого мэра — Джейн Ларкетт, с ее безмятежной улыбкой и пушистыми черными волосами.

Кстати, где же мэр Коул? За дверью не было слышно ни звука. Они что, забыли про нее, что ли?

Лина подошла к двери, за которой скрылся охранник, приоткрыла ее и увидела лестницу, ведущую куда-то вверх. Раз уж она все равно зря теряет здесь время, может, посмотреть быстренько, что там такое? На следующем этаже была еще одна дверь. Девочка осторожно толкнула ее, дверь оказалась не заперта. За дверью тянулся длинный коридор. Нигде не было ни души. Она закрыла дверь и стала медленно подниматься еще выше. Ее шаги по скрипучим деревянным ступеням отдавались гулким эхом, и она побаивалась, что кто-нибудь услышит ее и ей попадет. Вне всякого сомнения, ей не полагалось здесь находиться. Но никто не появлялся, и Лина продолжала подниматься все выше.

Ратуша была единственным трехэтажным зданием во всем городе. Лина всегда мечтала подняться на ее крышу и посмотреть на Эмбер сверху. Может быть, оттуда можно заглянуть даже в Неведомые области. Если сияющий город ее грез и в самом деле существует, он должен находиться где-то там.

Лестница кончалась у двери с табличкой «Крыша». Лина толкнула дверь, и прохладный воздух овеял ее лицо. Она стояла на плоской каменной кровле, в десяти шагах слева громоздилась часовая башня.

Она подошла к краю крыши. Отсюда открывался вид на весь город. Прямо под ней расстилалась Хакен-сквер, полная людей. Оказывается, если смотреть сверху, все кажутся толстыми и коренастыми. Вдали за площадью освещенные окна домов образовывали шахматный узор —

черные и желтые клетки, ряд за рядом. Она попыталась рассмотреть, что там дальше, за домами, за улицами, за окнами. Неведомые области? Ничего не было видно. Кругом огни города, насколько хватало глаз, — вдалеке они расплывались и мерцали в дымке. Но за ними не было ничего, кроме тьмы.

Вдруг она услышала какой-то шум внизу на площади.

— Смотрите, — зазвучал чей-то пронзительный голос, — на крыше кто-то есть!

Несколько прохожих остановились и стали глазеть на нее.

— Кто это? Что она там делает? — крикнул кто-то.

Скоро на ступенях ратуши собралась целая толпа зевак. «Они видят меня!» — подумала Лина, и ей почему-то стало весело от этой мысли. Она помахала людям на площади и сделала несколько па из «пляски жуков», которую они с Лиззи разучивали для городского праздника танца. Внизу засмеялись и захолопали. Поднялся шум.

Внезапно дверь позади нее распахнулась, и здоровенный охранник с большой клокочатой бородой схватил Лину за локоть.

— Стоять! — приказал он, хотя девочка и не собиралась никуда бежать. — Что ты здесь делаешь?

— Ой, я такая любопытная! — сказала Лина самым невинным в мире голосом. — Я просто хотела посмотреть на город с крыши.

Она прочла имя на бляхе: «Редж Резун, старший страж».

— Любопытство до добра не доводит, — про ворчал Резун.

Он подошел к краю крыши и осторожно глянул вниз. Толпа на ступенях стала еще больше.

— Так-так. Значит, беспорядки устраиваешь? — с угрозой протянул старший страж.

Он подтолкнул Лину к двери и почти насильно потащил ее вниз по лестнице. В приемной их ждали. У стены с убитым видом стоял охранник Сноуд, у него безостановочно двигалась из стороны в сторону челюсть. В красном кресле сидел мэр Коул.

— Причина беспорядков — ребенок, господин мэр, — отрапортовал Резун.

Мэр взгляделся в лицо Лины.

— Я помню тебя! — сказал он. — День предназначения! Стыдно! Не успела начать работать, а уже позоришь себя!

— Я не собиралась устраивать беспорядки, — жалобно произнесла Лина. — Я просто искала вас, чтобы передать вам сообщение.

— Может, отправим ее в арестантскую на пару дней? — кровожадно предложил старший страж.

Мэр минуту прислушивался к своим мыслям, потом помотал головой.

— Ладно. Что за сообщение? — спросил он и нагнулся к Лине, чтобы она могла передать послание прямо ему в ухо. Она почувствовала, что от мэра пахнет разваренной репой.

— Доставка в восемь, — прошептала Лина. — Доставит Лупер.

Мэр едва заметно улыбнулся. Затем повернулся к охранникам.

— Всего лишь детская шалость, — сказал он. — На этот раз отпустим ее с миром.

И, обращаясь к Лине, строго добавил:

— Впредь веди себя хорошо.

— Слушаюсь, господин мэр, — ответила Лина.

— А ты, — сказал мэр младшему стражу, грозя ему своим толстым пальцем, — следи за посетителями... более... тщательно.

Бартон Сноуд заморгал и кивнул.

Лина выбежала за дверь. Люди на ступенях ратуши все не расходились. Многие зааплодировали, когда Лина вышла. Но некоторые осуждающе качали головами. «Озорство! Что за позерство! Ты что, демонстрируешь, что лучше всех?» — услышала Лина. Внезапно она почувствовала смятение. Она вовсе не собиралась ничего демонстрировать. Лина быстро прошла мимо толпы, спустилась на Оттервилл-стрит и побежала домой.

Она не заметила среди зевак Дуна. Возвращаясь домой после своего первого рабочего дня в Трубах, он увидел группу людей, глазевших на крышу ратуши и смеявшихся. Дун устал и замерз. У него совершенно промокли штаны, грязь чавкала в его башмаках и засохла толстой коркой на руках. Увидев маленькую фигурку на крыше, он сразу узнал Лину. Она взмахнула рукой и смешно подпрыгнула, и он подумал, как это, должно быть, здорово — стоять там, смотреть сверху на город, смеяться и махать людям вниз. Когда Лина спустилась вниз, он уже хотел подойти и заговорить с ней. Но он знал, что похож на заскорузлый кусок грязи и что она будет задавать вопросы, на которые ему не хотелось отвечать. Дун отвернулся и быстрым шагом пошел домой.

ГЛАВА 3

В недрах Эмбера

В то утро Дун явился в Управление трубопроводов воодушевленный. По крайней мере, это был мир серьезной работы, где у него был шанс сделать что-нибудь полезное. Все, чему он научился в школе, все, чему его учил отец, все, что он познал на собственном опыте, — все это он мог теперь поставить на службу благой цели.

Он толкнул тяжелую дверь и вошел в Управление. На него пахнуло затхлой сыростью, но запах показался ему приятным и волнующим. Миновав небольшой безлюдный коридор, где на крючках висели желтые клеенчатые плащи, он вошел в просторную комнату, полную народа. Кто-то сидел на лавке и натягивал высокие резиновые сапоги, другие надевали плащи или застегивали пояса с инструментами. В комнате стоял гул голосов.

Дун замер в дверях, не в силах оторвать глаз от этой картины. Он жаждал поскорее стать одним из этих людей, но не очень понимал, с чего начать.

Но тут от толпы рабочих отделился какой-то крепкий мужчина и подошел к мальчику.

— Листер Манк, директор Управления трубопроводов, — представился он, протягивая руку. — А ты, верно, новый парень? Какой у тебя размер ноги — большой? Средний? Маленький?

— Средний, — ответил Дун, и Листер подобрал ему комбинезон и пару сапог.

Сапоги были такие старые, что зеленая резина, словно паутиной, покрылась сетью мелких трещин. Ему также выдали пояс с инструментами: разводные ключи, молотки, мотки проволоки и изолянты, тубики с какой-то черной замазкой.

— Давай-ка сегодня в туннель номер девяносто семь, — распорядился Листер. — Арлин Фролл спустится с тобой и покажет, что к чему.

Он подвел Дуна к миниатюрной хрупкой девушке с белокурой косой до пояса:

— Она, может, и не похожа на крутого профессионала, но она профессионал, не сомневайся.

Дун затянул на бедрах пояс и накинул плащ, от которого нестерпимо

разило потом.

— Сюда, — сказала Арлин, не поздоровавшись и не улыбнувшись.

Они пробрались сквозь толпу рабочих к двери с табличкой «Лестница».

Каменные ступени за дверью вели на такую глубину, что Дун не мог разглядеть, что там, внизу. Лестничная шахта была прорублена в твердом красноватом сыром камне. Никаких признаков перил, а вдоль свода был проложен провод, с которого через определенные промежутки свисали лампочки. За сотни лет грубые сапоги рабочих протоптали в ступенях вмятины, в которых стояла вода.

Они начали спускаться. Дун старался не споткнуться, идти по крутой лестнице в громоздких неподъемных сапогах было непросто. Из бездны все явственнее доносился рокот, такой низкий, что человек, казалось, слышал его скорее желудком, чем ушами. Что это — какая-то машина? Может быть, генератор?

Лестница привела их к двери с табличкой «Главный туннель». Арлин отворила дверь, и не успели они войти внутрь, как Дун понял: рокот, который здесь был слышен еще сильнее, — это не машина, это река.

Он стоял молча и глядел во все глаза. Как и большинство жителей города, он не знал точно, что такое «река» — ну, какая-то вода, которая каким-то образом течет сама по себе. Он представлял себе что-то вроде чистой узкой струйки, бегущей из кухонного крана, — только река, конечно, гораздо больше и течет горизонтально, а не вертикально.

Но это было нечто совсем иное — не струйка, а бесконечные тонны воды, стремительно проносящиеся мимо. Шириной не меньше, чем самая широкая улица Эмбера, вспененная, покрытая водоворотами, река ревела, бурлящая поверхность воды, похожей на жидкое черное стекло, дробила на мириады осколков отражения ламп. Дун никогда не видел такого стремительного движения, он никогда не слышал такого громоподобного, непрерывного рева.

Дорожка, на которой они стояли, была около полутора метров шириной и тянулась вдоль реки. В скале вдоль дорожки виднелись отверстия — наверное, подумал Дун, это входы в туннели под городом. Провод с лампочками свисал с высокого свода над водой.

Дун прикинул, где они находятся: наверное, где-то под северной границей города. В школе они запоминали стороны света следующим образом: север — это там, где река; юг — там, где оранжерея. Школа находилась на востоке, а запад... Ну, запад — это просто четвертая сторона света, на западе города не было ничего особенно примечательного. Стало

быть, думал Дун, боковые туннели ведут от реки на юг.

Арлин прокричала Дуну в самое ухо:

— Сначала пойдем к истоку реки!

Она повела его вверх по главному туннелю. Идти пришлось долго. Время от времени им встречались люди в желтых плащах, они обменивались с девушкой короткими кивками и бросали любопытные взгляды на Дуна. Примерно через пятнадцать минут они добрались до истока реки: поток вырывался из глубокой щели в скале, бурля с такой силой, что вода, казалось, состояла из одной белой пены. В воздухе висела пелена брызг, Дун почувствовал, что у него совершенно мокрое лицо.

— Видишь там дверь? — прокричала Арлин, еле слышная за грохотом потока.

— Вижу! — крикнул в ответ Дун.

Он уже заметил высокую двустворчатую дверь в стене в конце дорожки.

— Это генератор!

— Ух ты! Можно посмотреть?

— Конечно нет! Чтобы войти, нужно специальное разрешение. — Девушка махнула рукой в ту сторону, откуда они пришли. — Пойдем теперь к устью реки.

Она повела его обратно, мимо лестницы, в дальний конец туннеля. Там река срывалась в провал и исчезала во тьме.

— Куда она течет? — спросил Дун. Арлин пожала плечами:

— Обратно в землю, я полагаю. Ладно, пора за работу. Давай найдем туннель девяносто семь.

Арлин вытащила из кармана сложенный вчетверо листок бумаги.

— Это карта, — объяснила она. — У тебя в кармане лежит такая же. Без карты здесь сразу заблудишься.

Река на карте показалась Дуну похожей на гигантскую сороконожку: длинное извивающееся тело с сотнями ветвящихся щупалец — туннелей.

Они шли вдоль проржавевших водопроводных труб, которые несли воду ко всем зданиям Эмбера. Голые лампочки тускло освещали лужи на полу и коричневые разводы на стенах, оставленные ржавой водой. Дун стал прикидывать, на какой глубине они находятся. От поверхности реки до свода главного туннеля было, вероятно, метров девять. Выше, должно быть, размещались склады, значит, надо прибавить еще метров шесть. Итак, отсюда до поверхности минимум пятнадцать метров. Дун явственно ощутил, как ужасная тяжесть давит ему на плечи. Он бросил быстрый взгляд вверх, словно город мог в любую секунду обрушиться ему на голову.

— Ну вот мы и на месте, — сказала Арлин. Вода из прохудившейся трубы хлестала во все стороны. — Надо закрыть запорный клапан, развинтить трубу, поставить новый соединительный фланец, а потом завинтить все это обратно.

Они вооружились разводным ключом и молотком и при помощи нескольких шайб и черной замазки починили трубу, вымокнув при этом до нитки. Работа заняла почти все утро и подтвердила худшие опасения Дуна: город был на грани катастрофы. Мало того что свет все время гаснет и припасы явно подходят к концу — так еще и водопровод, оказывается, готов вот-вот развалиться. Город словно распадался на части. Что же делать?

Когда пришло время передохнуть, Арлин достала из кармана на поясе коробку для ланча и заявила, что пойдет пообедать с друзьями, работающими за несколько туннелей отсюда.

— Будь здесь и никуда не уходи, пока я не вернусь, — сказала она Дуну. — Отойдешь — потеряешься.

Разумеется, Дун не обратил на предостережение ни малейшего внимания. С помощью карты он быстро нашел дорогу обратно в главный туннель, потом торопливо направился на восток. Он не собирался ждать какого-то там специального разрешения, чтобы увидеть генератор. Дун был совершенно уверен, что найдет способ пробраться внутрь, — и нашел. Он просто притаился у двери и ждал, когда кто-нибудь выйдет. Ждать пришлось недолго: дверь со стуком отворилась, крепкая женщина с коробкой для ланча в руках быстро прошла по дорожке мимо Дуна, не заметив его. Прежде чем дверь успела захлопнуться, Дун проскользнул внутрь.

На него обрушился такой ужасающий шум, что мальчик даже слегка попятился. Это был невероятный, душераздирающий, убийственный грохот: невыносимо громкая переключка резких хлопков и глухого хриплого гула. Дун изо всех сил прижал ладони к ушам и не отводил глаз от огромной черной машины, которая нависала прямо над ним. Генератор был высотой с двухэтажный дом. Он так трясся, что казалось, вот-вот взорвется. Несколько человек в больших изолирующих наушниках хлопотали вокруг машины. Никто не заметил, что он вошел.

Он похлопал одного из рабочих по плечу. Человек подпрыгнул от неожиданности и испуганно обернулся. Дун увидел, что он очень стар, и его коричневое лицо избороздено глубокими морщинами.

— Я хочу узнать побольше про генератор! — закричал Дун прямо в ухо старику, но только зря сорвал голос: расслышать что бы то ни было в

этом грохоте было невозможно.

Старик свирепо посмотрел на мальчика, потом махнул рукой и вернулся к работе.

Дун еще немного постоял и посмотрел. Огромная машина была окружена стремянками на колесиках. Одни рабочие толкали стремянки, другие поднялись наверх, чтобы добраться до верхних частей генератора. На полу валялись жирные от машинного масла канистры и инструменты. Вдоль стен стояли большие железные бочки, доверху наполненные болтами, шайбами и шестеренками. Все детали были изношенные и ржавые. Несколько электриков рылись в бочках в поисках нужных деталей, остальные просто стояли и беспомощно созерцали гигантскую машину.

Через несколько минут Дун ушел. Он был сражен наповал. Сколько он себя помнил, ему всегда было интересно, как устроены вещи. Он мог разобрать до винтика старые часы и снова собрать их, и они получались точно такими же, как были. Он понимал, как устроен кран в ванной. Он не раз своими руками чинил бачок унитаза. Однажды он смастерил отличную тележку из старого кресла с колесиками. У него даже были кое-какие теории насчет того, как работает холодильник. Дун гордился своим талантом механика. И была только одна вещь, которую он совсем не понимал, — электричество.

Что это за сила бежала по проводам и пробуждала к жизни электрические лампочки? Откуда она берется? Дун не раз думал, что ему бы хоть одним глазком взглянуть на генератор — и он получит ответы на все вопросы. И тогда откроется прямой путь к великому изобретению, которое позволит огням Эмбера гореть вечно.

Но теперь Дун понимал, насколько наивен он был. Он ожидал, что увидит что-то более или менее понятное: какие-нибудь колеса, или рычаги, или, по крайней мере, провода, соединяющие разные части механизма. Но эта огромная грохочущая штукавина... Поразительно, что хоть кто-то разобрался, как она работает. А разобрался ли? Было похоже, что рабочие заняты только одним: они пытались не дать машине развалиться на части.

Как оказалось, он был прав. Когда рабочий день закончился и Дун снимал в раздевалке свои сапоги и плащ, он заметил старика, которого видел у генератора, и тут же подошел к нему.

— Не могли бы вы объяснить мне, как это работает?

Старик покачал головой и вздохнул.

— Насколько я знаю, его приводит в движение река.

— Но как именно? Электрик пожал плечами:

— Да кто его знает? Наше дело маленькое — просто не дать ему остановиться. Если какая-то деталь ломается, мы должны ее заменить, а если перестает двигаться, мы ее смазываем. — Он устало вытер рукой лоб, оставив на нем черный мазутный след. — Я работаю на генераторе уже двадцать лет. До сих пор мы заставляли старую тарахтелку пыhtеть и дальше, но в этом году... Не знаю, не знаю. Машина, кажется, готова развалиться в любую минуту. — Старик криво ухмыльнулся. — Правда, поговаривают, что у нас вот-вот закончатся электрические лампочки, а уж тогда будет совершенно не важно, работает генератор или нет.

Нет ламп, нет электричества, нет времени — катастрофа прямо на пороге! Вот о чем думал Дун, когда наткнулся на толпу зевак у ратуши и увидел Лину на крыше. Он понятия не имел, почему она там оказалась, но совсем не удивился. Это было так похоже на нее — появляться в самых неожиданных местах. А теперь она еще и вестник — то есть может пробраться куда угодно. Но как она может быть такой легкомысленной, когда все кругом просто разваливается на глазах?

Дун жил с отцом в трехкомнатной квартире над отцовской лавкой на Грингейт-сквер. Отец торговал мелочовкой — гвоздями, булавками, скрепками, пружинками, крышками для консервных банок, дверными ручками, кусками проволоки, осколками стекла, деревянными чурбаками и другим мелким скарбом, который вдруг мог кому-нибудь понадобиться.

Все это добро уже давно распространилось из лавки в квартиру. В гостиных Эмбера на видном месте обычно выставляли что-нибудь красивое: скажем, изящный чайник или миску с несколькими помидорами и кабачками. Но у Дуна с отцом гостиная была забита ведрами, коробками и корзинами, полными скобяного товара, который отец заказал на складе, но еще не пустил в продажу. Все эти шпильки и чурбаки вечно вываливались из коробок на пол. В этой квартире очень легко было споткнуться и не стоило ходить босиком.

Обычно Дун заходил в лавку, чтобы поболтать с отцом, но сейчас он отправился напрямик к себе наверх. У него не было никакой охоты болтать. Он сбросил с дивана две корзины с каким-то барахлом — кажется, это были каблуки для башмаков — и повалился ничком на подушки.

Какой же он идиот! Как он мог рассчитывать на то, что с первого взгляда поймет, как работает генератор, если этот старик проработал там всю жизнь, а знает не намного больше, чем Дун?

А просто не надо считать себя умнее других! С какой стати он вбил себе в голову, что сможет разобраться в электричестве и спасет город? Ну да, он очень хотел этого, он не раз представлял себе в честолюбивых

мечтах торжественную церемонию на Хакен-сквер, на которой горожане будут благодарить его за спасение Эмбера. Весь город собрался, мэр произносит пламенную речь в честь Дуна, а его отец сидит в первом ряду и так и сияет.

Отец всегда говорил ему: «Ты хороший мальчик, ты умный мальчик. Когда-нибудь ты совершишь великие дела, вот попомни мои слова». Пока что Дун не совершил ничего особенного, но страстно желал сделать что-нибудь по-настоящему важное для города. И пусть его наградят, и чтобы отец это видел. Сама награда не имела значения: ну, какая-нибудь грамота или, может, нашивка, которую можно будет носить на куртке.

Но теперь он на годы завязнет в грязи этих бесконечных туннелей, будет латать трубы, которые тут же начнут снова протекать и ломаться. Абсолютно бессмысленно и гораздо скучнее, чем работать вестником! Эта мысль внезапно привела его в ярость. Он резко сел на диване, нащупал каблук в корзине, стоявшей у его ног, и изо всех сил запустил его в дверь.

И в ту же секунду дверь отворилась. Дун услышал глухой удар, изумленный возглас и увидел в дверном проеме худое, усталое, удивленное лицо отца.

Злость Дуна мгновенно улетучилась. Он вскочил:

— Ой, папа, прости, я попал в тебя! Прости меня, пожалуйста!

Отец Дуна потер левое ухо. Это был высокий человек, лысый, как очищенная картофелина, с высоким лбом и упрямым подбородком. У него были добрые глаза, сейчас слегка озадаченные.

— Прямо в ухо засветил, — сказал он. — Что это было?

— Я вдруг ужасно разозлился, — виновато пробормотал Дун, — и швырнул этот каблук.

— Ясно, — сказал отец, смахнул с кресла на пол несколько крышек для бутылок и сел. — Я так понимаю, что это как-то связано с твоим первым рабочим днем.

— Да, — сказал Дун. Отец кивнул.

— Почему бы тебе не рассказать мне об этом?

И Дун начал рассказывать. Когда он умолк, отец несколько раз провел рукой по лысой голове, словно приглаживал несуществующие волосы, и вздохнул.

— Ну, — сказал он, — звучит неприятно, должен признать. В особенности на счет генератора — это плохие новости. Но ты ведь получил назначение в Трубы, а вовсе не на генератор, не так ли? То, что ты получил, ты уже получил. Что ты сможешь сделать с тем, что получил, — это уже совсем другой вопрос. Ты сам-то как считаешь?

— Да я в принципе согласен, — сказал Дун. — Но что же мне делать?

— Не знаю, — сказал отец. — Но ты думай. Ты же умный парень. Самое главное — внимательно наблюдать. Наблюдай за всем, что происходит, примечай то, чего не видят другие. Тогда ты будешь знать то, чего никто больше не знает, а это ведь всегда полезно. — Отец снял куртку и повесил ее на гвоздь, торчащий из стены. — Как гусеница? — спросил он.

— Еще не видел ее, — ответил Дун. Мальчик пошел в свою комнату и вернулся с маленькой деревянной коробкой, накрытой старым шарфом. Он поставил коробочку на стол, снял шарф, и они с отцом склонились над ней и заглянули внутрь.

На дне коробки лежала пара увядших капустных листьев. На одном из них сидела гусеница примерно в два с половиной сантиметра длиной. За несколько дней до окончания школы Дун нашел гусеницу на нижней стороне капустного листа, когда резал салат к ужину. Гусеница была нежно-зеленого цвета, вся словно бархатная, с миниатюрными ножками-щетинками.

Дун всегда обожал насекомых. Он наблюдал за ними и записывал свои наблюдения в тетрадку, на обложке которой вывел: «Ползучие и летучие твари». Каждая страница тетради была разделена пополам вертикальной чертой. Слева были рисунки. Карандашом, заточенным как игла, Дун зарисовывал крылья бабочек с ветвящимися прожилками, лапки пауков, усеянные крошечными щетинками и вооруженные острыми коготками, жуков с их усиками и блестящей броней.

На правой половине страницы он вел дневник своих наблюдений. Он отмечал, что ест насекомое, где оно спит, где откладывает яйца и — если это удавалось установить — сколько оно живет.

Наблюдать за существами, которые умели быстро двигаться, — например за бабочками или пауками, — было непросто. Тут приходилось ограничиваться лишь отрывочными сведениями. А если он ловил их и сажал в коробку, то они беспомощно ползали там несколько дней, а потом умирали.

Но эта гусеница — совсем другое дело. Она, казалось, превосходно чувствовала себя в коробочке, которую Дун смастерил для нее. Пока она делала только два дела: либо ела, либо спала. Во всяком случае, это выглядело как сон — Дун не был уверен, что гусеница закрывает глаза. Да и есть ли у нее вообще глаза?

— Она у меня уже пять дней, — сказал Дун отцу. — Она стала в два раза больше, чем была, когда я поймал ее. Она съела двадцать пять

квадратных сантиметров капусты.

— Ты все это записал? Дун кивнул.

— Может быть, в Трубах ты найдешь много новых интересных букашек, — сказал отец.

— Может быть, — сказал Дун, но про себя подумал: «Нет, этого недостаточно. Я не могу корпеть в Трубах, латая утечки, ловя жуков и притворяясь, что никакой опасности нет. Мне нужно найти там что-то важное, то, что поможет спасти город. Я должен это сделать. Просто обязан».

ГЛАВА 4

Потери и разочарования

Неделя шла за неделей. Однажды вечером, прибежав с работы, Лина увидела, что бабушка сбросила на пол все диванные подушки, распоролла обивку и вытаскивает из дивана куски ваты.

— Что ты делаешь? — удивилась Лина. Бабушка подняла глаза. Ключья набивки пристали к ее платью и запутались в волосах.

— Оно потерялось, — сказала она. — Я думаю, оно может быть здесь.

— Что потерялось, бабушка?

— Не могу вспомнить, — сказала старуха. — Но что-то очень важное.

— Но, бабушка, зачем ты ломаешь диван? На чем же мы будем сидеть?

Вместо ответа старуха еще больше надорвала обивку и вытащила огромный клоч ваты.

— Ничего страшного, — сказала она. — Я потом все это починю.

— Давай лучше сейчас починим, — сказала Лина. — Сомневаюсь, что в диване можно найти что-нибудь очень важное.

— Откуда ты знаешь? — мрачно спросила бабушка.

Она уселась на изодранный диван, поджав под себя ноги. Вид у нее был утомленный.

Лина присела на корточки и стала собирать разбросанную по всей комнате вату.

— Где малышка? — спросила она.

— Малышка? — переспросила бабушка, непонимающе глядя на Лину.

— Ты что, забыла про ребенка?

— Ах да... Она... Я думаю, она в лавке.

— Одна?! — закричала Лина, вскочила и бросилась вниз по лестнице.

Поппи сидела на полу магазина. Она размотала большой желтый клубок и безнадежно запуталась в нитках. Увидев Лину, девочка горько заплакала.

Лина взяла малышку на руки, распутала нитки и постаралась успокоить ребенка, хотя у нее у самой дрожали пальцы от пережитого волнения. Выходит, оставлять Поппи с бабушкой теперь опасно. Счастье, что ребенок не свалился с лестницы и не расшибся. Бабушка уже давно страдала рассеянностью, но все же до сих пор не забывала о Поппи.

Когда они поднялись наверх, бабушка стояла на коленях на полу,

собирая белые комки набивки и снова запихивая их в дыру, которую проделала в диване.

— Его здесь нет, — сказала она грустно.

— Чего нет?

— Того, что потерялось тогда, очень давно, — сказала бабушка. — Мой отец рассказывал мне об этом.

Лина вздохнула. Бабушка все больше и больше погружалась в прошлое. Она легко могла бы объяснить любому правила игры в камушки, в которые играла, когда ей было восемь лет, или подробно рассказать о празднике песни, в котором участвовала, когда ей исполнилось двенадцать. И уж конечно, бабушка прекрасно помнила, с кем плясала на ежегодном конкурсе танца на Кловинг-сквер, — ей как раз исполнилось шестнадцать. Но что было позавчера, она была не в состоянии запомнить.

— Они слышали его слова, он говорил об этом перед смертью, — сказала она вдруг.

— Кто слышал? Чьи слова?

— Моего деда. Седьмого мэра Эмбера.

— И о чем же он говорил?

— Ах, — сказала бабушка рассеянно. — В этом-то и загадка. Он сказал, что не может до этого добраться. «Теперь это потеряно навсегда», — сказал он.

— Что — это?

— Он не сказал.

Лина сдалась. Все это, разумеется, не имело никакого значения. Может, умирающий старик вдруг вспомнил о потерянном левом носке или о старой расческе. Но эта история почему-то пустила в бабушкиной памяти глубокие корни.

На следующее утро перед работой Лина забежала к соседке, миссис Эвелин Мердо. Соседка была худа как щепка и держалась прямо, словно аршин проглотила. Она всегда говорила сухо, отрывисто, редко улыбалась, но при этом была добрейшим существом. Еще несколько лет назад миссис Мердо держала магазин, где всегда можно было купить бумагу и карандаши. Но ни бумаги, ни карандашей давно уже было не достать, и магазин пришлось закрыть. Теперь миссис Мердо весь день сидела у окна на втором этаже, разглядывая прохожих своими наблюдательными глазами. Лина рассказала соседке, до какой степени забывчива стала бабушка.

— Вы не могли бы заходить к ней время от времени и поглядывать, все ли там в порядке?

— Конечно, я сделаю это, — твердо сказала миссис Мердо и дважды

кивнула, подчеркивая, что на нее можно положиться.

Лина отправилась на работу в приподнятом настроении.

В тот день сообщение Лине продиктовал Арбин Суинн, хозяин овощного магазина на Кэллай-стрит. Доставить послание следовало в оранжерею, для мисс Клэри Лейн. Это была близкая подруга Лины, и девочка была рада лишней раз ее повидать, но радость эта смешивалась с печалью: в теплицах до последних своих дней работал отец Лины, и она до сих пор не могла свыкнуться с мыслью, что больше не увидит его там.

Пять теплиц оранжереи были единственным источником свежих продуктов для Эмбера. Теплицы находились за Грингейт-сквер, на самой окраине города. Дальше уже ничего не было, только горы гниющего мусора, высокие зловонные холмы, освещенные несколькими прожекторами на высоких мачтах.

В старые времена никому, кроме мусорщиков, свозивших туда отходы, не пришло бы в голову приблизиться к этим вонючим грудам. Разве что ребяташки, невзирая на строгий запрет родителей, время от времени прибегали сюда играть: взбирались на мусорную гору и с воплями скатывались вниз. Лина и Лиззи, когда были маленькие, тоже такое проделывали. Иногда они находили в мусоре какую-нибудь случайную драгоценность — пустую жестянку, старую шляпу или треснутую тарелку.

Но всему этому конец: теперь мусор стерегли стражи, не разрешавшие никому рыться в нем. Совсем недавно была официально учреждена новая профессия — просеиватель мусора. Изо дня в день команда просеивателей методично сортировала кучи отбросов в поисках хоть чего-то полезного. Иногда они находили ножку от стула, которая могла пригодиться при ремонте оконных рам, или кривой гвоздь, способный еще послужить крючком для одежды. Даже отвратительные грязные тряпки можно было отмыть и латать ими дыры в занавесках или матрасных чехлах. Раньше Лина об этом как-то не задумывалась, но теперь все чаще задавала себе вопрос: а зачем они нужны, эти просеиватели? Уж не потому ли они появились, что в Эмбере и в самом деле абсолютно всего не хватает?

За мусорной свалкой совсем ничего не было — только обширные Неведомые области, и мрак простирался во все стороны бесконечно.

Повернув на Диггери-стрит, Лина увидела в конце улицы длинные приземистые теплицы. Они были похожи на огромные железные бочки, разрезанные вдоль и уложенные на землю. Ее сердце забилось сильнее. Ведь оранжерея в каком-то смысле была ее родным домом.

Лина прекрасно знала, где искать Клэри, и сразу направилась к теплице номер один. Она заглянула в маленький сарайчик для

инструментов рядом со входом в теплицу, но там никого не было. Вдоль стен одиноко стояли грабли и лопаты. Она вошла в теплицу, и на нее повеяло теплым, мягким запахом земли и растений. Как же она любит это место! По привычке она подняла глаза вверх, словно надеясь увидеть отца: вот он стоит там под потолком на вечной своей стремянке, настраивая систему орошения, разбирая сломавшийся датчик температуры или просто меняя осветительную трубку.

Освещение в оранжерее было не таким, как на улицах города. От длинных трубок, протянутых вдоль свода, исходил резкий белый свет. Зелень листьев казалась в этом свете такой яркой, что резала глаза. Когда-то Лина бывала здесь часто. Она часами бродила по посыпанным гравием дорожкам между овощными грядками, нюхала листья, погружала пальцы во влажную землю и училась различать растения по виду и запаху.

Она рассматривала стручки фасоли и гороха с их кудрявыми усиками, темно-зеленый шпинат, кокетливую бахрому латука и твердые нежного оттенка кочаны капусты. Некоторые из них были просто огромные — с голову младенца. Но больше всего она любила растереть пальцами листик помидора и вдохнуть его едкий мучнистый запах.

Длинная прямая дорожка вела через теплицу. На ней Лина и нашла Клэри, склонившуюся над грядкой моркови. Лина подбежала к ней, и Клэри улыбнулась, отряхнула с пальцев землю и выпрямилась.

Клэри была высокой крепкой девушкой, с большими натруженными руками, квадратным подбородком и широкими плечами. Ее каштановые волосы были подстрижены в короткое каре. На первый взгляд она казалась грубоватой и неприветливой, но в действительности все было наоборот. «Ей просто с растениями легче, чем с людьми», — говаривал отец Лины.

Клэри была очень сильной и очень застенчивой — такие люди обычно много знают, но мало говорят. Лине она всегда нравилась. Даже когда Лина была совсем маленькой, Клэри умела найти ей какое-нибудь интересное занятие — выдергивать молодую морковку или обирать жуков с капустных листьев. А после смерти родителей Лина пользовалась любой возможностью, чтобы прийти поболтать с Клэри или просто молча поработать рядом с ней. Работа с растениями гнала прочь грустные мысли.

— Фу-ты ну-ты! — сказала Клэри, широко улыбаясь и вытирая руки о свои невероятно грязные рабочие штаны. — Так мы, значит, теперь вестники?

— А ты думала! — гордо ответила Лина. — И я здесь, если хочешь знать, по работе. У меня для тебя сообщение, — добавила она официальным тоном, — от Арбина Суинна: «Пожалуйста, добавьте к

моему заказу еще две корзины картофеля и две корзины капусты».

Клэри нахмурилась.

— Я не могу этого сделать, — сказала она. — То есть капусту я добавлю, но картофеля — разве что маленький пакет.

— Почему? — спросила Лина.

— Ну, у нас тут кое-какие проблемы с картошкой.

— Что случилось? — спросила Лина.

У Клэри была привычка отвечать на любой вопрос максимально лаконично. Приходилось задавать вопрос несколько раз, прежде чем она убеждалась, что вы правда хотите знать, а не спрашиваете просто из вежливости. Тогда она начинала объяснять, и сразу становилось понятно, как много она знает и как сильно любит свою работу.

— Я покажу тебе, — сказала Клэри и под вела Лину к грядке. Зеленые листья картофеля были сплошь покрыты черными пятнами. — Какая-то новая болезнь. Никогда раньше такого не видела. Когда выкапываешь клубни, они внутри не твердые, а почти жидкие и очень плохо пахнут. Я собираюсь выкопать и выбросить все, что есть на этой грядке. А не зараженных грядок осталось очень мало.

Ни одна трапеза в Эмбере не обходилась без картошки — вареной, печеной, пюре. Раньше ели и жареную — пока в городе не кончилось масло.

— Я не переживу, если у нас больше не будет картошки, — простонала Лина.

— Я тоже, — вздохнула Клэри.

Они присели на краешек картофельной грядки и немного поболтали: о Лилиной бабушке и о Поппи, о новых ульях, с которыми у Клэри масса хлопот, и о сломанной системе орошения.

— Она не работает с того самого дня... — Клэри запнулась и искоса взглянула на Лину. — Ну, в общем, давно, — закончила она смущенно.

Но Лина мысленно договорила за нее: «...С того самого дня, как умер твой отец». Лина встала.

— Мне надо бежать. Арбин Суинн ждет ответа на свое сообщение.

— Буду рада снова тебя увидеть, — сказала Клэри. — Можешь приходить, когда бы ты ни... То есть я хотела сказать, приходи в любое время.

Лина поблагодарила подругу и направилась к выходу из теплицы, но, едва миновав двери, услышала где-то впереди торопливые шаги и какие-то странные звуки — всхлипывание и затем стоны, постепенно срывающиеся на крик, все громче и громче. Лина попятилась назад в спасительный уют

оранжереи.

— Клэри, — окликнула она, — что это? Ты слышишь?

Клэри выглянула из-за своих кустов, прислушалась и нахмурилась.

— Кажется, это... это один из них. — Она прислушалась. — Ага, так и есть.

Ее сильная рука на мгновение сжала плечо Лины.

— Ты давай беги, — сказала она. — А я тут разберусь сама.

— А кто это?

— Не важно. Ты иди.

Но Лина и не подумала уходить. Как только Клэри вышла из теплицы, Лина проскользнула в кладовку с инструментами. Сквозь щели в двери все было отлично видно.

Топот приближался. Из-за мусорных куч появился человек, он бежал, размахивая руками и задыхаясь. Казалось, бегущий вот-вот упадет — он едва переставлял ноги. И действительно, подбежав поближе, он споткнулся о поливочный шланг и упал — рухнул на землю бесформенной грудой, словно все его кости вдруг стали жидкими.

Клэри наклонилась над человеком и что-то сказала ему, но так тихо, что Лина ничего не смогла разобрать. Человек тяжело дышал. Когда он повернулся и с трудом сел, Лина увидела, что все его лицо было исцарапано, а глаза широко раскрыты, словно он смотрел на что-то ужасное. Он всхлипывал и икал. Лина узнала его — Сэдж Мэррол, складской клерк. Обычно это был очень тихий человек, с вечным выражением тревоги на худом лице.

Клэри помогла ему подняться на ноги. Сэдж тяжело оперся на нее, и оба медленно двинулись в сторону оранжереи. Когда они проходили мимо убежища Лины, она разобрала, что говорит Сэдж. Он бормотал очень быстро, слабым, дрожащим голосом, с трудом переводя дыхание.

— Я думал, я смогу. Сказал себе: «Шаг за шагом — и все... Шаг за шагом»... Я знал, что будет темно. Кто ж этого не знает? Но я думал, что темнота не может... Не может убить!.. Я думал, так и пойду... — Он споткнулся, и они с Клэри чуть не упали.

— Осторожно! — сказала Клэри, пытаясь одной рукой поддержать Сэджа, а другой — открыть дверь теплицы.

Лина, не колеблясь, выскочила из кладовой и распахнула дверь. Клэри кинула на нее недовольный взгляд, однако ничего не сказала.

Сэдж продолжал бормотать:

— Но чем дальше я шел, тем темнее становилось. Нельзя же идти в крошечной тьме, правда? Перед тобой будто стена. Я оглянулся на огни

города, а потом сказал себе: «Не оглядывайся, иди вперед». Но я все время спотыкался и падал... Там одни острые камни да трещины, я все руки изодрал... — Он поднял руку сплошь в ссадинах, из которых сочилась кровь.

Они довели его до кабинета Клэри и усадили на стул. Сэдж не умолкал ни на секунду.

— Я правда старался быть храбрым. Я шел вперед, но вдруг подумал: тут же может случиться все, что угодно! А что, если прямо передо мной сейчас пропасть в километр глубиной? А если на меня сейчас кто-нибудь нападет в темноте? Все слышали эти истории... про крыс размером с мусорные баки... И я побежал обратно... Побежал...

— Ладно, не думай об этом, — сказала Клэри. — Сейчас ты в безопасности. Лина, налей ему воды.

Лина нашла эмалированную кружку и наполнила ее из-под крана в углу кабинета. Сэдж взял кружку трясущимися руками и выпил до дна. Зубы его стучали о железо.

— Что ты там искал? — спросила Лина. Она знала, что бы она стала искать, если бы отправилась далеко за пределы города. Она представляла себе это тысячу раз.

Складской клерк уставился на нее. Казалось, он озадачен вопросом. Наконец он ответил:

— Я искал что-нибудь, что могло бы спасти нас.

— Спасти? Что, например?

— Не знаю. Ну, что-то вроде лестницы, которая куда-то ведет... Или, может быть, какой-то склад, полный... Ну не знаю, полный всяких полезных вещей.

— Но ты ничего не нашел? Ничего не видел? — уточнила Лина.

— Ничего! Ничего! Там вообще ничего нет! — Бормотание Сэджа сорвалось на крик, а взгляд опять стал диким. — А если и есть, нам туда не добраться. Никогда! Без света это невозможно. — Он тяжело вздохнул, несколько минут смотрел в пол, а потом встал. — Ну ладно, кажется, я в порядке. Пойду, пожалуй.

Нетвердыми шагами он побрел к выходу и исчез за дверью.

— Вот так, — сказала Клэри. — Жаль, что это случилось, когда ты была здесь. Я просто боялась, что ты испугаешься, поэтому и просила тебя уйти.

Но Лина не боялась, она просто сгорала от любопытства. Ей не раз приходилось слышать рассказы о смельчаках, которые пытались выйти в Неведомые области. Она и сама частенько подумывала об этом — в

сущности, она могла бы сейчас быть на месте Сэджа.

Лина не раз в деталях представляла себе, как пробирается через крошечную тьму, как упирается в какую-то стену, как находит в ней дверь в туннель, а в конце туннеля видит город — сияющий в ярком свете город своей мечты. Лишь бы хватило смелости уйти в темноту и не остановиться на полпути.

Если бы только можно было каким-то образом взять с собой свет! Но в Эмбере не знали переносных источников освещения. Уличные фонари были укреплены на столбах или на карнизах зданий; светильники в домах включались в розетки, и их нельзя было унести дальше чем на длину шнура. Время от времени кто-нибудь из горожан пытался изобрести светильник, который можно было бы носить с собой, но все эти попытки потерпели неудачу. Один умник ухитрился поджечь деревянную палочку, сунув ее в духовку своей электроплиты. Потом он побежал с этим факелом через весь город, надеясь, что света хватит на долгое путешествие в Неведомые области. Но он даже не успел добраться до мусорной свалки, как огонь погас. Другие пытались повторить эту попытку: одна женщина, жившая на Дэдлок-стрит, на окраине города, смогла с горячей палкой в руке пересечь мусорные горы и углубиться довольно далеко в темноту. Но сухое дерево горело слишком быстро, и вскоре пламя обожгло ей пальцы и вынудило бросить факел. Все, кто хотел проникнуть в Неведомые области, возвращались через несколько часов, потерпев неудачу.

Лина и Клэри стояли у открытой двери теплицы и смотрели, как Сэдж ковыляет в сторону города. Когда он приблизился к мусорным холмам, двое стражей, которые сидели на корточках под мачтой освещения, лениво поднялись, подошли к нему и после короткого разговора взяли его под руки и повели куда-то.

— Ты только посмотри, — сказала Клэри. — Эти парни просто спят и видят, как бы причинить кому-нибудь неприятности.

— Но ведь Сэдж не нарушил никакого закона, — сказала Лина.

— Да какая разница! Им же нужно как-нибудь развлечься. А напугать этого бедолагу — чем не развлечение?

Сэдж, стиснутый бугаями охранниками, выглядел совсем маленьким и щуплым. Он еле переставлял ноги. Один из стражей грозил Сэджу пальцем и громко отчитывал его. Лина слышала сердитый голос охранника.

— Бедняга, — сказала Клэри со вздохом. — В этом году это уже четвертый.

Они помолчали.

— Как ты думаешь, Клэри, что там на самом деле, в этих Неведомых

областях? — спросила Лина.

Ее подруга долго молчала. Свет из теплицы нарисовал на сырой земле длинные тонкие тени девушек. Наконец Клэри ответила:

— Не знаю. Думаю, ничего.

— Значит, наш Эмбер действительно единственный остров света в мире мрака? Книга говорит правду?

Клэри снова вздохнула.

— Не знаю, — повторила она, внимательно глядя на Лину.

У нее грустные глаза, подумала Лина. И очень красивые, темно-карие, почти такого же цвета, как земля на ее ухоженных грядках.

Клэри сунула руку в карман и что-то вытащила оттуда.

— Смотри, — сказала она Лине. На ее ладони лежала большая белая фасолина. — Что-то внутри нее знает, как превратиться в куст фасоли. Откуда, как ты думаешь?

Лина не сводила глаз с твердой блестящей фасолины.

— Она знает, потому что в ней есть жизнь, — продолжала Клэри. — Но откуда берется жизнь? Что такое жизнь?

Лина чувствовала, что этот разговор очень важен для Клэри: ее глаза горели, щеки порозовели.

— К примеру, возьми лампу. Когда ты включаешь ее, она тоже по-своему оживает. Она загорается. Это потому, что провод соединяет ее с генератором, а тот рождает электричество, только не спрашивай меня как. Но ведь эта фасолина ни к чему не подключена. И мы с тобой тоже не подключены ни к каким розеткам. То, что заставляет живые существа жить, находится внутри них.

Ее темные брови сосредоточенно сошлись на переносице.

— Я хочу сказать, что в нашей жизни много такого, чего мы не можем объяснить. Нам говорят, что наш город построили создатели. Пусть так, но кто создал самих создателей? Кто создал нас? Я думаю, что ответы на эти вопросы надо искать за пределами Эмбера.

— В Неведомых областях?

— Может быть. А может, и нет. Я не знаю. — Клэри нетерпеливо вытерла руки о свои грязные штаны, словно давая понять, что ей пора вернуться к работе.

— Клэри, — торопливо заговорила Лина, — я вот что хочу тебе сказать. — Ее сердце колотилось: она никогда еще ни с кем не говорила об этом. — Я часто вижу в мечтах другой город.

Лина замолчала и внимательно посмотрела на Клэри — не смеется ли над ней подруга? Но Клэри оставалась серьезной, и Лина продолжала:

— Он не похож на Эмбер: он весь белый и сияет светом. Здания очень высокие и все словно искрятся. Всюду очень светло — не только в домах, но и на улице, и даже небо светлое, представляешь? Я знаю, что это всего лишь мое воображение, но я так отчетливо это вижу, будто город и в самом деле существует. Я просто уверена, что он существует.

— Ну, не знаю, — хмыкнула Клэри. — А где же он мог бы находиться?

— Понятия не имею. И как туда попасть, тоже не представляю. Мне кажется, что где-то — может, в Неведомых областях? — должна быть какая-то дверь, через которую можно выйти из Эмбера. А за дверью есть что-то вроде туннеля.

Клэри только пожала плечами.

— Ладно, — сказала она. — Мне пора идти работать. А ты возьми вот это. — Она протянула Лине фасолину, потом взяла с полки небольшой цветочный горшочек и насыпала в него земли. — Посади туда фасолину и каждый день поливай. С виду это просто белый камушек, но внутри него дремлет жизнь. Может, где-то здесь и таится разгадка, как ты думаешь? Суметь бы только ее разгадать.

Лина взяла горшочек.

— Спасибо, — сказала она.

Она хотела на прощание обнять Клэри, но побоялась смутить ее. Вместо этого она только коротко кивнула и пустилась бежать обратно в город.

ГЛАВА 5

Улицы во мраке

Рассудок бабушки мутился с каждым днем. Придя домой после работы, Лина могла обнаружить, что старуха вывернула на пол все содержимое огромного буфета, стоявшего на кухне, и роется в горах банок, жестянок и крышек. Или скинула с постели одеяла и белье и пытается перевернуть матрас своими слабыми руками.

— Это была очень важная вещь, — приговаривала она при этом. — Важная вещь потерялась.

— Но ты ведь даже не знаешь, что это такое, — выходила из себя Лина. — Как ты узнаешь это, даже если его найдешь?

Но бабушка не считала нужным задуматься над этим вопросом. Она просто отмахивалась от внучки и повторяла:

— Ничего страшного, ничего страшного, ничего страшного!

А потом снова принималась за поиски.

В последнее время миссис Эвелин Мердо больше времени проводила с бабушкой, чем у себя дома. Бабушке она говорила, что просто приходит к ней составить компанию.

— Да не хочу я, чтобы она «составляла мне компанию», — жаловалась старушка, но Лина говорила:

— Может быть, ей очень одиноко, бабушка. Пусть уж приходит, ладно?

Самой-то Лине очень нравилось, что миссис Мердо все время рядом: как будто у тебя снова есть мама. Конечно, характером энергичная соседка ничуть не была похожа на Линину маму — мечтательную, задумчивую женщину, все время витавшую мыслями где-то далеко-далеко. Зато напоминала ее своей заботливостью: настаивала, чтобы утром все члены семьи плотно позавтракали — обычно на завтрак была картошка с грибной подливкой и свекольный чай, — аккуратно выкладывала на каждой тарелке витаминные таблетки и следила, чтобы все их проглотили.

Когда миссис Мердо оставалась с бабушкой, обувь, всегда разбросанная по квартире, чинно стояла в шкафу, на мебели не было ни пылинки, а Поппи щеголяла в чистом платьице. Лина чувствовала себя совершенно спокойно, зная, что дом оставлен на миссис Мердо. Уж она-то знала, как вести хозяйство.

Каждый четверг у Лины — как и у всех сотрудников в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет — был дополнительный выходной. В один из таких четвергов она стояла в очереди на рынке на Гарн-сквер, рассчитывая купить пакет репы, чтобы потушить к ужину. Два человека позади нее беседовали вполголоса.

— Да мне просто нужно было немного краски, — говорил один, — чтобы покрасить входную дверь. Ее сто лет не красили, вся серая, облезлая, страшная. Я слышал, что в том магазине на Найт-стрит вроде есть краска. Я-то хотел голубую.

— Голубая — это красиво, — согласился собеседник.

— Ну, прихожу туда, — продолжал первый, — а продавец говорит: нет у нас краски, и никогда, говорит, не было. Сварливый такой, неприятный. Все, что у меня есть, говорит, — это несколько цветных карандашей.

Цветные карандаши! Лина уже много лет не видела в магазинах цветных карандашей. Когда-то у нее было целых четыре: два красных, синий и коричневый. Она рисовала ими, пока карандаши не превратились в огрызки, такие короткие, что в руке не удержать. А сейчас у нее был только один простой карандаш, да и тот с угрожающей скоростью укорачивался с каждым днем.

Лина ужасно хотела нарисовать свой воображаемый город цветными карандашами. Она чувствовала, что этот город должен быть очень ярким, красочным, хотя и не знала пока, какими цветами следует передать эту яркость. Но всегда оказывалось, что деньги нужны на что-нибудь более важное. Например, единственная бабушкина кофта была вся в дырах и, казалось, вот-вот расползется.

Но бабушка так редко выходит на улицу, уговаривала себя Лина. Она либо дома, либо в лавке. Так что новая кофта ей не очень нужна, правда же? А может быть, денег хватит и на кофту, и на пару карандашей?

Вечером она взяла с собой Поппи и отправилась на Найт-стрит. Поппи уже очень хорошо умела ездить на спине у старшей сестры: обхватив ножками Лину вокруг талии, она цепко держалась за ее шею своими маленькими сильными пальчиками.

На Бадлоу-стрит им пришлось протискиваться сквозь длинную очередь в прачечную.

Вся улица была завалена узлами грязной одежды, прачки длинными шестами ворочали белье в стиральных машинах. Когда-то барабаны стиральных машин вращало электричество, но в городе давно уже не осталось ни одной исправной машины.

Лина свернула на Хафтер-стрит. Четыре фонаря по-прежнему не

работали, и группа ремонтных рабочих в полумраке чинила провалившуюся крышу одного из домов. С лесов ее окликнула Орли Гордон, и Лина помахала подружке рукой. Они пробрались мимо женщины, раскинувшей на земле клубки веревки и ниток на продажу, обогнали человека, толкавшего тяжелую тачку с морковью и свеклой в бакалейную лавку. На углу горстка маленьких детей играла с лоскутным мячом, набитым тряпьем. На улицах было полно народу. Лина шла быстро, прокладывая себе путь в толпе, а Поппи в полном восторге лепетала у нее за спиной.

Но зрелище, открывшееся Лине, когда она вышла на Оттервилл-стрит, заставило ее резко замедлить шаг. На ступенях ратуши стоял человек. Он что-то кричал, и вокруг уже собралась толпа. Лина подошла поближе, и, когда она увидела, кто это, сердце ее замерло: на ступенях стоял Сэдж Мэррол. Выпучив глаза, он беспорядочно молотил руками по воздуху и высоким, срывающимся голосом кричал:

— Я ходил в Неведомые области. Там нет ничего! Ни-че-го! Совсем ничего! Думаете, кто-нибудь придет оттуда и спасет нас? Ха! Там только тьма, а во тьме — чудовища, бездонные черные дыры и крысы размером с дом. Там только камни, острые как ножи! Тьма лишит вас дыхания! Нет там для нас ни какой надежды! Ни-ка-кой!

Он вдруг замолчал и рухнул на колени. Зеваки переглядывались и качали головами.

— Свихнулся! — услышала Лина голоса в толпе.

— Да, совсем безумел!

Внезапно Сэдж вскочил на ноги и вновь начал истерически кричать. Зрители попятились, кое-кто поспешил прочь. Но несколько человек, напротив, стали осторожно подходить к Сэджу, что-то приговаривая и успокаивая его. Потом, бережно поддерживая под руки, его повели вниз по ступеням, а он продолжал громко кричать.

— Кто дядя? — спросила Поппи своим звонким писклявым голоском.

Лина отвернулась от жалкого зрелища.

— Пойдем, Поппи. Дядя бедненький, ему плохо. Давай не будем на него глазеть.

Они пошли дальше в сторону Найт-стрит, миновали Грингейт-сквер. Человек со свалывшимися, как войлок, волосами сидел на земле скрестив ноги и играл на флейте, сделанной из водопроводной трубы. Пятеро или шестеро Верных стояли вокруг флейтиста, хлопали в ладоши и пели:

Он придет! Он придет! Скоро, скоро Он придет!

«Кто придет?» — мелькнуло в голове у Лины, но она не стала

останавливаться и спрашивать.

Еще два квартала — и они на месте. У магазина не было никакой вывески. А ведь полагается, чтобы обязательно была, подумала Лина.

Витрина была темной, и сначала девочке показалось, что лавка закрыта. Но когда она толкнула дверь, дверь открылась и звякнул колокольчик, висевший у косяка. Из темноты магазина появился черноволосый человек и оскалил в улыбке большие зубы.

— Слушаю вас, — сказал он.

Лина сразу же узнала его. Это он передал ей послание для мэра в первый день ее работы. Как его — Хупер? Нет, Лупер, вот как.

— Не бывает ли у вас в продаже карандашей? — спросила Лина.

Что-то не похоже, что бывают. Полки магазина были совершенно пусты, если не считать нескольких пачек исписанной бумаги. Поппи, которой надоело сидеть на спине, завозилась и, кажется, собралась захныкать.

— Иногда бывают, — сказал Лупер. Поппи действительно захныкала.

— Ладно-ладно, — сказала Лина. — Давай-ка слезай.

Она ссадила малышку на пол, и та сразу же отправилась исследовать лавку, ковыляя на своих неуверенных ножках.

— Я бы хотела взглянуть, — сказала Лина. — Покажите мне цветные карандаши. Если они у вас есть, конечно.

— Несколько штук имеется, — хмыкнул Лупер. — Но это довольно дорогое удовольствие. — Он снова ухмыльнулся, еще раз продемонстрировав свои торчащие во все стороны зубы.

— Можно посмотреть?

Лупер удалился в заднюю комнату и вскоре вернулся, держа в руках маленькую коробку. Он поставил ее на прилавок и откинул крышку. Лина наклонилась, чтобы взглянуть поближе.

В коробке лежала по меньшей мере дюжина карандашей — красный, зеленый, синий, фиолетовый, желтый, оранжевый... Их еще ни разу не точили, и на одном конце у каждого был ластик. Сердце Лины сильно забилося.

— Сколько они стоят? — спросила она.

— Боюсь, для тебя дороговато, — высокомерно сказал продавец.

— А я боюсь, что в самый раз, — парировала Лина. — Я, между прочим, уже работаю.

— Ладно-ладно, — примирительно сказал Лупер. — Не надо обижаться. — Он взял из коробки желтый карандаш и повертел его. — Любой карандаш — пять долларов.

Пять баксов?! Да за семь можно было купить шерстяную кофту — пусть старую и всю в заплатках, но все еще теплую.

— Это слишком дорого! — сказала Лина. Продавец пожал плечами и закрыл коробку.

— Подождите, — поспешно сказала Лина. — Может быть... — Она лихорадочно думала. — Дайте мне еще раз на них взглянуть.

Продавец снова открыл коробку, и Лина склонилась над карандашами. Она взяла из коробки один. Он был ярко-синий, и в центре его плоского кончика виднелась темная точка грифеля. Розовый ластик держался в сияющей металлической муфте. Как же это красиво! «Я куплю только один, — уговаривала себя Лина. — А потом скоплю еще немного денег и тогда уже куплю бабушке кофту. В следующем месяце, обещаю».

— Ну, решай, — сказал Лупер. — У меня есть и другие клиенты, которые этим делом интересуются. Ты берешь?

— Хорошо, я возьму один. Нет, погодите... Чувство, которое испытывала сейчас Лина, было похоже на голод. Она хорошо знала это чувство — когда рука, словно независимо от твоей воли, тянется к кусочку пиццы. Слишком сильное чувство, противостоять ему было невозможно.

— Я покупаю два, — сказала Лина, и в глазах у нее померкло от ужаса: да что же это она вытворяет? Ей показалось, что она сейчас грохнется в обморок.

— Какие? — нетерпеливо спросил продавец.

В маленькой коробочке карандашей сосредоточилось больше красок, чем во всем городе. Цвета Эмбера были скудны и однообразны — серые здания, серые улицы, черное небо; одежда горожан в результате долгого ношения выцвела до грязно-зеленого, ржаво-красного и серо-голубого. Но эти карандаши... Их цвет был таким же ярким и чистым, как цвет листвы и цветов в оранжерее.

Рука Лины замерла над коробкой.

— Я возьму голубой, — сказала она, — и... желтый. Нет, погодите...

Продавец вздохнул.

— Голубой и зеленый, — выпалила Лина. — Я покупаю голубой и зеленый.

Она взяла из коробки два карандаша, затем достала из кармана куртки деньги и протянула их продавцу. Карандаши теперь были ее собственностью, и Лина ощутила неистовую, дерзкую радость. Она отвернулась от прилавка и только тут заметила, что малышки нигде нет.

— Поппи, — позвала она громко, и сердце ее упало. — Вы не видели мою сестренку? Она вышла на улицу? Куда она пошла?

Лупер равнодушно пожал плечами:

— Не обратил внимания.

Лина вылетела из лавки и посмотрела налево, потом направо. На улице было много людей, были и дети, но Поппи не было. Она схватила за рукав проходившую мимо старую женщину:

— Вы не видели маленькую девочку, совсем малышку, одну? В зеленой курточке с капюшоном?

Старуха тупо посмотрела на нее и покачала головой.

— Поппи! — позвала Лина. — Поппи! — Ее голос сорвался на крик.

Не мог же маленький ребенок уйти далеко, подумала она. Может быть, она отправилась к Грингейт-сквер, где всегда много народу? Лина пустилась бежать.

И тут огни фонарей моргнули, потом зажглись снова, неуверенно замерцали... И на город обрушилась тьма. Лине показалось, что перед ней внезапно выросла стена. Она споткнулась, с трудом удержалась на ногах и замерла на месте. Она абсолютно ничего не видела.

На улице раздалось несколько тревожных возгласов, а потом наступила полная тишина. Лина вытянула вперед руки. Что это перед ней? Стена? Улица? Ледяной ужас проник в ее сердце. «Надо просто постоять немного на месте», — сказала она себе. Огни через несколько секунд снова зажгутся, они всегда зажигаются. Лина представила себе, как Поппи тихо плачет где-то во мраке, и почувствовала, как у нее слабеют ноги. «Я должна найти ее».

Лина осторожно шагнула вперед. Никакого препятствия перед ней не оказалось, и она сделала еще шаг. Пальцы ее правой руки уперлись во что-то твердое. Она повернулась чуть левее, ведя рукой вдоль стены дома, сделала еще один осторожный шаг, ощупывая пространство перед собой, и внезапно ее рука снова провалилась в пустоту. Что это, Дэдлок-стрит? Или она уже миновала Дэдлок-стрит? Лина попыталась вызвать в воображении план города, но не смогла: темнота, казалось, затопила не только улицы, но и ее рассудок.

Лина ждала, замерев на месте. Сердце ее бешено колотилось. Фонари, зажгитесь снова, молила она. Пожалуйста, зажгитесь. Она хотела крикнуть Поппи, чтобы та не пугалась, чтобы стояла на месте, что старшая сестра скоро за ней придет, но темнота так давила на нее, что Лина не владела голосом. Да что там, она и дышать-то едва могла. Ей хотелось сорвать тьму со своих глаз, словно это были руки какого-то злого шутника.

Лина услышала какие-то тихие звуки — шорохи, шепот. Сколько времени прошло? Самое длинное отключение в истории города

продолжалось три минуты четырнадцать секунд. Но сейчас явно прошло больше времени.

Все бы ничего, если бы она была одна. Но потерялась Поппи, и потерялась — вот за что казнила себя Лина, — потому что ее сестра забыла обо всем на свете, увидев пару цветных карандашей! Она тешила свою алчность, и вот теперь из-за нее потерялся ребенок. Она заставила себя сделать еще один шаг вперед, и тут ее пронзила ужасная мысль: «А вдруг я иду не в ту сторону?» Лина вся задрожала и почувствовала, как к горлу подступают слезы. Ноги больше не держали ее, она тяжело опустилась на землю и уткнулась лицом в колени. Ее душа превратилась в сплошной ком смятения и страха.

Прошла, казалось, целая вечность. Поблизости кто-то громко застонал. Хлопнула дверь. То слева, то справа слышались шаги. А что, если свет вообще никогда не загорится снова? Лина обхватила колени руками и затрясла головой, чтобы отогнать эту мысль. Свет, вернись, молила она беззвучно, свет, вернись!

И вдруг он вернулся.

Лина вскочила на ноги. Улицу снова было видно как на ладони, люди кругом озирались, разинув рты: одни плакали от пережитого потрясения, другие, наоборот, облегченно улыбались. Потом все разом заторопились, спеша добраться домой, пока темнота не опустилась на город снова.

Лина побежала в сторону Грингейт-сквер, останавливая каждого встречного.

— Вы не видели здесь маленькую девочку, совсем одну? Прямо перед тем, как свет по гас? — спрашивала она. — Девочку в зеленой курточке с капюшоном?

Но прохожие только отмахивались от нее.

На углу площади по-прежнему стояли Верные. Они говорили наперебой и возбужденно размахивали руками. Лина спросила их о Поппи. Они разом умолкли и удивленно уставились на нее.

— Как же это мы могли кого-нибудь видеть, если света не было? — сварливо сказала Намми Проггс, старая горбунья, спина которой была согнута до такой степени, что ей приходилось выворачивать голову вбок, чтобы взглянуть вверх.

— Да нет, — нетерпеливо объяснила Лина, — она куда-то ушла еще до того, как свет выключили. Куда-то убежала. Может, она где-то здесь?

— Что ж ты за ребенком не уследила? — язвительно спросила Намми Проггс.

— За детьми смотреть надо! — подхватила еще одна женщина.

Но тут вмешался флейтист:

— Пойдите-ка: малышка в зеленой курточке? Она вроде здесь, в лавке.

Он крикнул в открытую дверь магазина:

— Эй, это у вас там ребенка нашли?

И из магазина вышел человек, держа за руку Поппи.

Лина бросилась к ней и подхватила на руки. Малышка громко заплакала.

— Все в порядке, — сказала Лина, сжимая ее в объятиях, — не плачь, миленькая. Ты просто потерялась на минутку, но теперь все в порядке. Я тебя нашла, не плачь.

Она подняла глаза, чтобы поблагодарить спасителя Поппи, и увидела Дуна. Он ничуть не изменился, только волосы его были растрепаны больше, чем раньше. На нем была его вечная коричневая куртка.

— Она так гордо шествовала по улице совершенно одна, — сказал Дун без улыбки. — Никто не знал, чья она, я и отвел ее в лавку своего отца.

— Она моя, — сказала Лина. — Это моя сестра. Я так испугалась, когда потеряла ее. Я боялась, что она упадет и ушибется, или ее кто-нибудь толкнет, или... Я так тебе благодарна за то, что ты спас ее.

— Да не за что, — произнес Дун, насупившись и не поднимая глаз.

Поппи мгновенно успокоилась, вновь пришла в прекрасное расположение духа и сидела у Лины на руках, радостно улыбаясь и засунув в рот большой палец.

— А что твоя работа? — спросила Лина. — Как там у вас в Трубах?

Дун пожал плечами:

— Нормально. В целом интересно.

Лина ждала продолжения, но Дун явно не собирался что-либо рассказывать.

— Ну что ж, спасибо еще раз, — сказала она и посадила Поппи себе за спину.

— Тебе повезло, что Дун Харроу был рядом, — брюзжала Намми Проггс. — Он добрый мальчик. Что бы ни сломалось у меня дома, он-то уж всегда починит. — Она ковыляла за Линой и грозила ей пальцем. — А ты все-таки получше присматривай за ребенком!

— И не оставляй ее одну, — сказал флейтист.

— Знаю, знаю, — виновато ответила Лина, — все вы правы.

Вернувшись домой, Лина уложила малышку спать в их общей спальне. Бабушка дремала в кресле посреди гостиной и вообще не заметила, что свет выключали. Лина подробно описала ей аварию, но не стала

рассказывать, как потеряла и нашла Поппи.

Когда Поппи и бабушка заснули, Лина достала из кармана два цветных карандаша. Они показались ей совсем не такими красивыми, как в магазине. Держа их в руках, она вспомнила то непреодолимое желание, которое испытала в лавке, и это воспоминание было смешано со страхом, печалью и чувством вины.

ГЛАВА 6

Находка в чулане

Странно, но в городе совсем не обсуждали вчерашнее отключение света. Обычно о таких авариях долго сплетничали на всех перекрестках. Люди расспрашивали друг у друга, кто где был, когда выключили свет, ругали электриков («Да зачем они такие нужны — выгнать всех долой да новых набрать!») и так далее. Но на этот раз все было наоборот. Когда Лина следующим утром бежала на работу, улицы были необычно тихими. Все торопились по своим делам, не поднимая глаз. Поболтать останавливались очень немногие, говорили тихо и скоро вновь расходились в разные стороны.

В этот день Лине пришлось двенадцать раз передать одно и то же сообщение. Да и все остальные вестники, скорее всего, передавали то же самое. По городу разносились одни и те же два слова: «Семь минут». Семь минут в Эмбере не было света — вдвое дольше, чем когда-либо прежде.

Страх навис над городом. Лина ощущала его, словно чье-то холодное дыхание. Теперь она понимала, что Дун был совершенно прав, когда спорил с мэром в День предназначения. Городу Эмберу действительно грозила страшная опасность.

На следующий день на информационных стендах на Хакен-сквер появилось объявление:

ГОРОДСКОЕ СОБРАНИЕ

Прошу всех граждан прийти завтра в шесть вечера к ратуше.

Будет оглашена важная информация.

Мэр Лемандр Коул

Что еще за важная информация? Интересно, хорошие новости или плохие? Лина сгорала от нетерпения.

На следующий день горожане устремились на Хакен-сквер со всех концов города. Толпа собралась такая, что в ней едва можно было пошевелиться. Те, кто был поменьше ростом, протискивались в первые ряды, детишки сидели на плечах отцов. Лина заметила Лиззи и крикнула ей «Привет». Тут же была и Винди Шанс, которая принесла с собой маленького братишку. Лина решила на этот раз оставить Поппи с

бабушкой: одна мысль о том, что ребенок снова потеряется, да еще в такой толпе, приводила ее в ужас.

Городские часы пробили шесть, нетерпеливый гул, разносившийся над толпой, стал громче. Люди стояли на цыпочках, вытягивая шеи, чтобы лучше видеть. Наконец двери ратуши растворились, и на крыльцо в сопровождении двух стражей вышел мэр. Один из охранников подал мэру мегафон.

— Граждане Эмбера, — начал мэр и умолк, выжидая, когда шум на площади стихнет. Толпа обратилась в слух. — Граждане Эмбера, — повторил мэр и обвел взглядом площадь. Мегафон в его руках громко шипел и потрескивал. — Наш город пережил непши слошншш. Но давайте сошняш шпокошш!

— Плохо слышно! — крикнули в толпе.

— Говорит, «небольшие сложности», — передавали назад те, кто стоял в первых рядах. — Сохранять, говорит, спокойствие!

— Но я собрал вас сегодня, — продолжал мэр, — чтобы заверить: шо бу шошо! Мы прилагаем ше шомошшн шиши!

— Что? Тише! Что он говорит?

— Говорит, все будет хорошо. Прилагают все возможные усилия.

— Громче! — закричали сзади.

Мэр откашлялся и приблизил мегафон ко рту.

— Мышелны падаць панк! — сказал он. — Панк шушш хушесво!

— Что он сказал? Мы не должны впадать в панику? — переспрашивали в толпе. — Он говорит «паника хуже всего»!

— Вас плохо слышно! — снова крикнули из задних рядов.

Лина чувствовала, как позади нее нарастает рокот. Ее сильно толкнули в спину. Толпа напирала. Стражи на ступенях ратуши переглянулись и придвинулись ближе к мэру. Он снова поднес мегафон к губам.

— Решение проблемы, — слышалось сквозь треск и шипение, — уже найдено.

— Какое решение? — крикнула женщина, стоящая рядом с Линой.

Несколько голосов в толпе громко повторили тот же вопрос: «Какое решение? Расскажите нам, что за решение?» Голоса сливались в хор, и этот хор с каждой минутой звучал все более грозно.

На Лину напирали со всех сторон. Люди кругом размахивали руками и задевали ее, она была стиснута так, что с трудом могла пошевелиться. Ее сердце сильно билось. «Пора выбираться отсюда», — подумала она.

Лина начала протискиваться сквозь толпу, лавируя между телами, прочь, прочь от ступеней, к которым ее прижимали. Шум вокруг стал

оглушительным. Голос мэра окончательно превратился в бессвязные восклицания, а люди в толпе либо сердито кричали, либо визжали от страха, что их сейчас раздавят. Кто-то больно наступил Лине на ногу, с нее сорвали шарф, ее чуть не затоптали. Она каким-то чудом выбралась из толпы и побежала в сторону школы. Оглянувшись, Лина увидела, как охранники, прикрывая собой мэра, пятятся с ним назад, к дверям ратуши. Люди на площади закричали еще громче и начали швырять в стражей камни, комки бумаги и даже собственные шапки.

На другой стороне площади через толпу пробирались Дун и его отец.

— Давай быстрее, — сказал отец. — Не хоте лось бы, чтобы нас затянуло в самую середину.

Они пересекли Брод-стрит и пошли домой окольным путем, через маленькие переулки, пересекавшие под прямым углом позади школы.

— Папа, — сказал Дун, — по-моему, наш мэр — полный идиот. Как ты думаешь?

Отец помолчал, а потом мягко ответил:

— Он в очень трудном положении, сынок. А как бы ты вел себя на его месте?

— Во всяком случае, я не стал бы врать, — решительно ответил Дун. — Если у него и правда есть решение, он должен был бы рассказать нам. Незачем притворяться, что есть решение, если его нет.

— Да, прекратить врать — это было бы неплохо для начала, — согласился отец.

— Меня просто бесит, как он разговаривает с нами, — сказал Дун.

Отец улыбнулся и потрепал Дуна по плечу.

— В последнее время тебя что-то все бесит, не так ли?

— У меня есть для этого основания, — упрямо сказал Дун.

— Возможно. Но понимаешь, проблема в том, что гнев очень быстро захватывает человека. И человек себе больше не хозяин. Он делает то, что велит ему гнев.

Дун тихо вздохнул. Он знал, что собирается сказать отец, и ему совершенно не хотелось этого слышать.

— А когда человек во власти гнева, случаются...

— Знаю, — перебил Дун, — непредвиденные последствия.

— Именно. Например, кое-кто начинает швырять каблуками в собственного отца.

— Но я же не хотел!

— Конечно. Именно это я и имею в виду. Они шли по Пибб-стрит. Дун держал руки в карманах и смотрел себе под ноги. У отца, говорил он себе,

вообще нет эмоций. Он бесчувственный, как стакан воды. Он просто не может понять.

Лина бежала домой. Усилием воли она заставила себя выкинуть слова мэра из головы. Но пока она бежала вдоль Оттервилл-стрит, она не могла не слышать разговоров людей, вернувшихся с площади и снова открывавших свои лавки.

— Ждет, что мы ему поверим! Как же! — гневно говорил кто-то.

— Просто хочет, чтобы мы сидели тихо, — соглашался собеседник.

— Идем прямо к катастрофе, — подытожил третий.

И во всех этих голосах звучали гнев и страх.

Лина не хотела думать об этом. Ее ноги топали по булыжнику мостовой, волосы развевались на бегу. Она скоро будет дома, ее ждут Поппи и бабушка, она сварит картофельный суп, и они поужинают вместе, а потом она возьмет свои новые карандаши и будет рисовать.

Перескакивая через две ступеньки, она взлетела на второй этаж и ворвалась в квартиру. На полу что-то лежало, и она споткнулась и упала, больно ударившись коленями и локтями. Что еще такое? Дверь чулан была распахнута, и перед ней громоздилась огромная куча одежды и обуви, мешков и коробок. В чулане кто-то возился и падали какие-то тяжелые предметы.

— Бабушка!

Еще один глухой удар. Бабушка выглянула из чулана. На ее лице было написано огромное удовольствие.

— Мне следовало давным-давно порыться здесь. Разумеется, именно здесь это и должно было быть. Тебе стоит на это взглянуть!

Лина безнадежно вздохнула и обвела взглядом хаос, который устроила бабушка. Чулан был битком набит вековым хламом, упакованным в картонные коробки, старые наволочки и мешки, уложенные один на другой так тесно, что, если тронуть одну вещь, все остальное тут же рушилось — груды старой одежды, побитой молью и изъеденной плесенью. Теперь все это загромождало комнату.

В свое время Лина не раз пыталась разобрать чулан, но так и не смогла добиться в этом успеха. В лучшем случае удавалось найти старый платок, который распадался на части прямо в руках, или пыльную коробку, набитую ржавыми мебельными гвоздями. В конце концов Лина махнула на это рукой, кое-как запихала рухлядь обратно и больше не открывала дверь чулана.

Но бабушка подошла к делу более решительно. Что-то бормоча и тяжело дыша, она тянула и раскачивала слежавшийся хлам, а когда

удавалось оторвать от этой плотной массы какой-нибудь предмет, она просто выбрасывала его наружу. И явно получала от этого большое удовлетворение. Пока Лина в отчаянии озиралась, из чулана вылетел еще один мешок с тряпьем, а вслед за ним шмякнулся об пол старый коричневый башмак без шнурков.

— Бабушка, а где малышка? — спросила Лина с тревогой.

— О, она где-то здесь! — бодро крикнула бабушка из чулана. — Она так хорошо мне помогает!

Лина огляделась и увидела Поппи. Девочка сидела за диваном, в эпицентре хаоса. Перед ней стоял какой-то ящик, сделанный из темного блестящего материала. У ящика была откинута крышка.

— Поппи, — сказала Лина, — что это у тебя? Дай-ка посмотреть.

Она нагнулась. На крышке крепился какой-то механизм. «Наверное, это замок», — подумала Лина. Ящик был очень дорогой на вид, но почему-то весь исцарапан: его гладкая твердая поверхность была в зазубринах и вмятинах. Судя по всему, он предназначался для хранения каких-то ценностей, но в нем ничего не было. Лина закрыла крышку, потом снова открыла ее. Ящик был абсолютно пуст.

— Там что-нибудь было, Поппи? — спросила Лина. — Ты там ничего не находила?

Но Поппи только что-то счастливо промычала в ответ. Лина увидела, что рот сестренки набит жеваной бумагой. В обоих кулачках она тоже зажимала обрывки бумаги, и пол вокруг нее был усеян клочками бумаги. Лина подняла с пола один из них. Он был исписан крошечными, очень красивыми печатными буквами.

ГЛАВА 7

Испорченный документ

Лина с удивлением разглядывала буквы. Что-то не похоже, что они написаны от руки. Во всяком случае, она такого аккуратного почерка в жизни не видела. Больше всего это напоминало крошечные печатные буквы на этикетках консервных банок или на карандашах. Их тоже явно написала не человеческая рука, а что-то другое. Наверное, какая-то машина? Так умели писать только создатели. Значит, эти буквы тоже написаны создателями?

Лина подобрала с пола клочки бумаги, бережно разжала кулачки Поппи, потом осторожно извлекла бумажную жвачку изо рта малышки, сложила обрывки в исцарапанный ящик и унесла его к себе в комнату.

В тот вечер бабушка и Поппи заснули рано — сразу после восьми. У Лины оставался еще почти час на то, чтобы хорошенько изучить свою находку. Она достала обрывки из ящика и стала раскладывать их на столике в спальне. Бумага была тонкой, из оборванных краешков торчала бахромы волокон. Все, что осталось от целого листа, — это множество маленьких клочков и только один сравнительно большой кусок, да и то в нем было столько дыр, что он превратился в кружево. Кусочки, которые Лине удалось вытащить изо рта Поппи, было уже не спасти: они превратились в бумажную массу. Зато когда Лина расправила на столе большой кусок, она увидела вдоль левого края, который пострадал меньше, колонку цифр. Тогда она стала подкладывать к дыркам мелкие обрывки, надеясь, что хотя бы некоторые из них подойдут. Она долго перекладывала бумажки так и сяк, и вот что в конце концов смогла прочесть:

РАВИЛ ЭВА

Этот офиц док нился в строг секрет в течен лет. Жител бера жны Предприн ующ шаги:

1. следу ерег еки, рубо овод
2. мень пометкой «Э»
3. Спускай естни пример два с половиной метра вниз ступ воды
4. Поверни иной к р дверь с лодкой. Кл маленьк стальной ласти права от зьмите юч,

отопри

5. лодка снаряженная всем необхо

6. При помо анатов спусти дку на воду. Спускайтесь вниз по пользу весла, чтобы оттал от ска равнять на порог

7. лавание прод ок. трех часов, чаливай и вы тесь из лод Дале след по тропе.

Лина могла уловить смысл лишь нескольких слов. И все равно в этих бумажных кружевах скрывалось нечто чрезвычайно волнующее. Ни с чем подобным Лина никогда не сталкивалась. Она не отрывала глаз от первого слова на верху страницы — равил, — и внезапно ее осенило: да это же «правила», она ежедневно слышала это слово в школе!

Ее сердце ударило в ребра, словно кулак в дверь. Она что-то нашла. Она нашла что-то странное и важное: какие-то правила. Но правила чего? Какой все-таки ужас, что Поппи добралась до ящика раньше нее!

Лина вдруг подумала, что эта бумага, может быть, и есть та самая «важная потеря», о которой все беспокоилась бабушка. И конечно, не зная, что она ищет, старуха не обратила внимания на ящик и отшвырнула его прочь так же беззаботно, как она выбрасывала из чулана всю остальную рухлядь. А впрочем, так ли все это важно? В любом случае, здесь скрывалась какая-то загадка, и Лина была полна решимости разгадать ее.

Первым делом следовало как-то закрепить обрывки: они были так легки, что даже неосторожный вздох мог разметать их по комнате. У Лины было немного клея на доньшке маленького пузырька, и она осторожно капнула на каждый клочок и потом наклеила их на один из оставшихся у нее драгоценных листов чистой бумаги. Затем накрыла еще одним листом и прижала сверху таинственным ящиком. Не успела она закончить, как погасили свет. Она совершенно забыла о времени и не следила за часами на подоконнике. Пришлось раздеваться и ложиться в постель в темноте.

Но Лина была слишком возбуждена и почти не спала той ночью. Она снова и снова прокручивала в голове различные догадки: что же это такое она нашла? Почему-то она не сомневалась, что находка имеет какое-то отношение к спасению города. Что же это за правила? Может быть, правила ремонта генератора? Или правила изготовления переносных светильников? Это могло бы абсолютно все изменить.

Как только включили свет, Лина тут же бросилась к своей головоломке. Скольких же слов тут не хватает! Сможет ли она вообще когда-нибудь разобраться в этой бессмыслице? Натягивая свою красную куртку и завязывая истлевшие, состоящие из сплошных узлов и обрывков

шнурки своих башмаков, она не переставала ломать голову. Если это действительно важная бумага, она не может просто так оставить ее у себя. Но кому полагается рассказывать о таких находках? Наверное, бригадиру вестников: начальство должно знать, что делать с важными бумагами.

— Бригадир Флири, — сказала Лина, придя на работу. — Не могли бы вы выкроить минутку и заглянуть ко мне домой сегодня вечером? Буквально на секунду. Я кое-что нашла и хотела бы показать это вам.

— Что ты нашла?

— Какую-то бумагу с буквами. Я думаю, она может оказаться важной. Начальница недоуменно вскинула свои белесые брови.

— Важной? Что ты имеешь в виду?

— Я в общем-то не совсем уверена... Может, это вовсе и не важно. Не могли бы все же взглянуть?

Вечером бригадир Флири зашла домой к Лине.

— Ерег? Рубо? Естни? — спросила она недоуменно, склонившись над бумагой. — Что все это значит?

— Я не знаю, — задумчиво сказала Лина. — Но это только части слов: остальное изжевала Поппи.

— Вижу, — кивнула бригадир, ткнув пальцем в бумагу. — Вот здесь, похоже, написано «правила», да? Я думаю, это чье-то домашнее задание, которое ученик почему-то так и не отнес в школу.

— А как вы думаете, кто мог бы это написать? У кого может быть такой мелкий и аккуратный почерк?

— Так писали в старину, — сказала бригадир Флири. — Наверное, это очень старинное домашнее задание.

— Но зачем прятать домашнее задание в такой странный ящик? — Лина показала ящик бригадиру. — Я думаю, эту бумагу заперли здесь не зря. Зачем запирать то, что не имеет никакой важности?

Но бригадир Флири, кажется, не слышала ее.

— Смотри — «маленьк стальной ласти». Ластик, что ли? Стальной?.. Хм. Ну, не знаю, наверное, он был нужен, чтобы подготовить задание по какому-то предмету.

— А вы когда-нибудь видели похожие бумаги? Мне кажется, что это написано не в Эмбере, а в каком-то другом месте.

Начальница выпрямилась. По ее лицу пробежала тень недоумения.

— Нет никакого другого места, кроме Эмбера. — Она положила руки на плечи Лине. — Ты, деточка, слишком много воли даешь воображению. Может быть, ты устала, Лина? Тебя что-то тревожит? Я могла бы перевести тебя на некоторое время на сокращенный рабочий день.

— Нет, — сказала Лина. — Я в порядке. Честно, я в порядке. Но я не знаю, что делать с этим... — Она указала на бумагу.

— Выкинь это из головы, — сказала бригадир Флири. — Не думай об этом. Выброси эти обрывки. Ты все принимаешь слишком близко к сердцу. Знаю—знаю, мы все немного нервничаем. Что говорить, поводов для беспокойства и впрямь немало. Но давай не позволим выбить себя из колеи.

Бригадир Флири пристально смотрела на Лину.

— Помощь уже близко, — сказала она, понизив голос.

— Помощь?

— Нас скоро спасут.

— Кто спасет?

Начальница приблизила губы к уху Лины и спросила почти шепотом, словно речь шла о чем-то секретном:

— Кто построил наш город, деточка?

— Создатели, — недоумевая, ответила Лина.

— Так точно. И создатели скоро придут снова и укажут нам путь к спасению.

— Придут снова?

— И очень скоро, — шепнула Флири.

— Откуда вы знаете?

Бригадир вытянулась по стойке «смирно» и прижала ладонь к левой стороне груди.

— Это звучит здесь, в моем сердце, — произнесла она торжественно. — И я видела это во сне. Мы все это постоянно видим во сне, все Верные.

Так вот во что они верят, подумала Лина. И бригадир, оказывается, одна из них. Удивительно, как она уверенно говорит, хотя всего лишь видела что-то там во сне. Но может быть, она видела это так же отчетливо, как Лина видит свой сияющий город? Она просто хочет, чтобы все это было правдой.

Лицо бригадира Флири пылало вдохновением.

— Я знаю, что тебе нужно, деточка, — ты должна прийти на одно из наших собраний. Это укрепит твой дух. Мы там поем и...

— Ой, — сказала Лина. — Спасибо вам большое, но я не уверена... Может, как-нибудь потом... — Она изо всех сил старалась быть вежливой, но точно знала, что никуда не пойдет. Она не собиралась стоять в ожидании явления создателей. У нее были более важные дела.

Начальница ласково потрепала ее по плечу.

— Мы никого не заставляем насильно, деточка, — сказала она. —

Если надумаешь, дай мне знать. Но вот тебе мой совет: выкинь—ка ты из головы эту свою головоломку. Лучше ложись и вздремни немного. Отлично успокаивает душу.

Ее тощее лицо просто источало доброту.

— Завтра у тебя выходной, — добавила она, вскинула руку в прощальном жесте и стала спускаться по лестнице.

Так у Лины неожиданно образовался свободный день, и она использовала его, чтобы отправиться на склады и навестить Лиззи Биско. Лиззи отлично соображает — может быть, у нее возникнут какие—нибудь свежие идеи.

К дверям складов тянулись длинные беспорядочные очереди: владельцы магазинов пытались получить для своих лавок хоть какой—нибудь товар. Они нервничали, толкались и раздраженно огрызались друг на друга. Лина тоже пристроилась в хвост одной из очередей, и скоро ей стало страшно: люди находились в каком—то исступлении, и все до одного были полны решимости получить хоть что—то, пока запасы на складах не иссякли совсем.

Когда она подошла ближе к стойке, за которой работали складские клерки, она услышала, что снова и снова повторяется примерно один и тот же диалог.

— Прощу прощения, — говорил усталый клерк лавочнику, который пытался заказать десять упаковок швейных игл, дюжину стаканов и двадцать коробок электрических лампочек, — у нас осталось слишком мало этих наименований. Иголок могу выдать только одну упаковку.

А иногда клерк коротко бросал:

— Сожалею. Этот товар закончился.

— Совсем?

— Совсем.

Лина знала, что дела не всегда были так плохи. Когда город Эмбер только построили, склады просто ломались от вещей. Там было все, что душа пожелает, и в таком количестве, что припасы, казалось, не кончатся никогда. Бабушка рассказывала Лине, что во времена ее молодости школьников водили на экскурсию по складам — это было частью учебной программы. Дети спускались на лифте в длинный извилистый туннель. По обе стороны туннеля было множество дверей, а за ними — другие туннели. Экскурсовод вел группу по коридорам, открывая одну дверь за другой.

— В этом помещении, — объяснял он, — хранится консервированная пища. А сейчас перед нами хранилище школьно—письменных принадлежностей. В следующем зале — кухонная утварь, а за той дверью

— плотницкие инструменты. — И у каждой двери дети сбивались в кучку и вставали на цыпочки, чтобы лучше видеть.

— В каждом хранилище было что-то новенькое, — вспоминала бабушка. — Ящики с зубной пастой. Бутылки с маслом для жарки. Брикеты мыла. Лекарства. Одни только коробки с витаминными таблетками занимали двадцать больших залов, можешь себе представить? И огромное помещение, доверху набитое фруктовыми консервами. Там были даже ананасы, я их вкус до сих пор помню.

— Что такое ананасы? — спросила Лина.

— О, они были такие желтые и сладкие. — Бабушка мечтательно зажмурилась. — Я пробовала их целых четыре раза, прежде чем они совсем закончились.

Но эти экскурсии прекратились задолго до рождения Лины. Вероятно, сегодня прогулка по складам мало кому могла доставить удовольствие: полупустые полки, покрытые пылью... А в некоторых хранилищах, по слухам, и вовсе не осталось товара...

В былые времена школьник, заглянув в зал, где высились горы банок сухого молока, громоздились ящики с бинтами, носками, блокнотами или — самое главное — сотнями тысяч электрических лампочек, преисполнялся гордости за то, что его город невероятно богат. Но если устроить такую экскурсию сегодня, дети, скорее всего, просто перепугались бы.

Размышляя об этих грустных вещах, Лина терпеливо ждала, когда придет ее очередь подойти к стойке, за которой работала Лиззи. Добравшись наконец до подруги, она оперлась на прилавок и прошептала:

— Можем встретиться после работы? Я подожду тебя у выхода.

Лиззи с готовностью кивнула. В четыре часа Лиззи появилась в дверях складов. Лина кинулась к подруге:

— Слушай, давай зайдем ко мне на минуту. Я хочу кое-что показать тебе.

— Конечно, — ответила Лиззи, и подружки отправились к Лине.

Лиззи тараторила без умолку:

— Ох, у меня так рука болит, просто кошмар. Пишу целый день, не переставая, а нам говорят экономить бумагу и писать самыми махонькими буквами, а теперь у меня жуткая судорога в запястье и в пальцах. А люди! Ох, какие они грубые! Сегодня вообще был ужас. Я говорю одному парню: «Не могу я вам выдать пятнадцать банок кукурузы, вам полагается только три». А он мне: «Слушай, кончай мне голову морочить, я только вчера этих банок паршивых целую кучу видел в магазине на Потт-стрит».

А я ему: «Ну так, наверное, поэтому у нас их так мало и осталось», а он:

«Не умничай, ты, рыжая!» Кошмар, да? А что я могу сделать—то? Что мне, из воздуха эти банки достать?

Они пересекли Хакен-сквер, обогнули ратушу и пошли по Ровинг-стрит. На улице не горели три фонаря подряд, и вдоль домов легли черные тени.

— Лиззи, послушай. — Лина наконец прервала нескончаемый поток болтовни подружки. — Скажи мне, насчет лампочек — это правда?

— Что насчет лампочек?

— Что их немного осталось. Лиззи пожала плечами:

— Я не знаю. Нас ведь не пускают вниз, в хранилища. Все, что мы видим, — это рапорты, которые представляют доставщики: сколько вилок осталось в хранилище № 1146, сколько дверных ручек в № 3291, сколько пар детской обуви в № 2249...

— И что же написано в рапорте по электрическим лампочкам?

— А я его ни разу не видела, — беззаботно откликнулась Лиззи. — К этому рапорту и еще некоторым, например к витаминному, имеют допуск всего несколько человек.

— Кто?

— Ну, мэр Коул, конечно, и еще Висломордый.

Лина взглянула на подругу вопросительно.

— Да ты его знаешь, старый Фарло Баттен, начальник складов. Он такой придира, Лина, ты бы его просто возненавидела! Он записывает нам опоздание, даже если мы придем на работу в две минуты девятого, и стоит у нас над душой, когда мы пишем, а это ужасно, потому что у него так воняет изо рта, а потом он тычет пальцем в строчку, которую ты только что написала, и нудит: «Это слово не разобрать, то слово тоже не разобрать, эти цифры неразборчивы». Любимое словечко у него — «неразборчиво».

Когда они наконец добрались до дому, Лина на секунду заглянула в лавку, чтобы поздороваться с бабушкой, а потом подружки поднялись по лестнице в квартиру. Лиззи жаловалась, как это ужасно — стоять на ногах целый день, как у нее болят от этого колени и как жмут башмаки, — и прервала свои жалобы только на секунду — поздороваться с миссис Эвелин Мердо, которая сидела у окна с Поппи на руках. А потом снова затараторила.

— Лин, а ты где была во время долгого отключения? — спросила она, но тут же воскликнула, не дожидаясь ответа: — Я—то дома была, к счастью! А правду говорят, на улице очень страшно было?

Лина коротко кивнула. Она не хотела вспоминать тот день.

— Ненавижу эти отключения, — продолжала трещать Лиззи. — А знаешь, что люди говорят? Что свет будет отключаться все чаще и чаще, пока однажды, — она запнулась, на секунду нахмурилась, но тут же защебетала еще более беззаботно, чем раньше: — Ну и ладно, со мной, во всяком случае, ничего плохого не случилось. Наоборот, я сразу, как свет обратно включили, решила: дай-ка наряжусь получше и сделаю себе новую прическу.

Лина устало подумала, что Лиззи похожа на часы, пружину которых слишком сильно завели и которые поэтому слишком быстро идут. Лиззи всегда была такой, но сегодня она выглядела более возбужденной, чем обычно. Ее глаза блуждали, пальцы нервно теребили подол куртки. Она как-то потускнела, а ее знаменитые веснушки казались просто брызгами грязи на бледном лице.

— Лиззи, — сказала Лина, увлекая ее к столику в углу комнаты. — Дай я тебе кое-что покажу...

Но Лиззи не слушала ее.

— Ты такая везучая, что ты вестник, — тараторила она. — Это, наверное, так классно работать вестником! Я бы и сама хотела. И у меня бы так хорошо это получалось! А моя работа такая скучная!

Лина внимательно посмотрела на подружку:

— Неужели тебе в ней совсем ничего не нравится?

Лиззи вдруг как-то криво ухмыльнулась:

— Нет, кое-что нравится.

— Что же?

— Не могу сказать. Это секрет.

— Вот как, — сухо сказала Лина, подумав про себя: «Ну и не говорила бы тогда вовсе».

— Может быть, я расскажу тебе когда-нибудь, — продолжала Лиззи. — Я пока не знаю.

— Ну и ладно, — бросила Лина. — Моя работа мне, во всяком случае, нравится. Но я хотела поговорить с тобой о другом. Смотри, что я вчера нашла.

Она убрала со стола ящик и подняла лист бумаги, которым был накрыт склеенный документ. Лиззи взглянула на клочки бумаги:

— Это тебе кто-то такое послание передал? А почему оно все рваное?

— Нет, это было у нас в чулане. Поппи добралась до этой бумаги и чуть не съела ее. Поэтому все это в таком виде. Но посмотри на этот почерк. Разве не странно?

— Ага, — сказала Лиззи равнодушно. — А знаешь, у кого очень-очень

милый почерк? У Милы Боун, мы вместе работаем. Это надо видеть — у букв «р» и «у» такие миленькие хвостики, а заглавные буквы все с такими стильными петельками. Конечно, Висломордый ненавидит все это, говорит, что это «неразборчиво», и...

Лина вздохнула и снова бережно накрыла склеенный документ чистым листом бумаги. С какой стати она вообще решила, что Лиззи проявит интерес к ее находке?

С Лиззи было всегда весело. Но это веселье было неизменно связано с какой-нибудь беготней — прятками, пятнашками и вообще всякими подвижными играми, где требуется быстро бегать, ловко прыгать и куда-нибудь залезать. Лиззи вряд ли можно было бы заинтересовать хоть чем-то написанным на бумаге.

Так что Лина убрала документ с глаз долой, села рядом с подругой и рассеянно слушала ее щебетание, пока та не иссякла окончательно.

— Я, пожалуй, пойду, — сказала Лиззи. — Как здорово было повидаться с тобой, Лина! Я скучаю по тебе. — Она встала и слегка взбила свои волосы. — А ты вроде хотела мне что-то показать? Ах, ну да, этот смешной почерк... Правда, очень, очень мило. Везет тебе, найти такое! Приходи ко мне поскорее еще раз, ладно? Я так скучаю в своей кошмарной конторе.

Вечером Лина сварила свекольник. Поппи тут же разлила его и устроила на столе красное озеро. Бабушка смотрела в тарелку, помешивая суп, но есть так и не стала.

— Что-то не очень хорошо себя чувствую, — пожаловалась она и пошла прилечь.

Лина быстро убирала на кухне. Как только домашние дела будут сделаны, можно будет наконец посвятить себя исследованию загадочной бумаги. Она постирала одежду Поппи, пришила оторвавшиеся пуговицы своей красной куртки, убрала тряпье, мешки, узлы и коробки, которые бабушка выкинула из чулана. И когда она все это переделала и уложила Поппи спать, у нее еще осталось целых полчаса на изучение кусочков бумаги.

Она уселась за стол, оперлась подбородком на руки и стала сверлить бумагу взглядом. Хотя бригадир Флири и Лиззи не придали всему этому никакого значения, Лина по-прежнему не сомневалась, что имеет дело с чем-то чрезвычайно важным. Не зря же бумагу заперли в такой хитроумный ящик! «Может быть, следует показать ее мэру», — подумала она вдруг.

Эта мысль была ей неприятна. Ей не нравился мэр Коул. Более того,

она не верила ни единому его слову. Но если этот документ действительно имеет отношение к будущему Эмбера, мэр города обязан знать о нем. Конечно, нечего и думать просить мэра о том, чтобы он пришел к ней домой. Она представила, как грузный мэр тяжело взбирается по лестнице, протискивается в дверь, с неодобрением озирает хаос, царящий в их квартире, пытается увернуться от Поппи, которая тянет к незнакомому дяде липкие пальчики... Нет, это невозможно.

Но взять и отнести в ратушу драгоценный документ, который она так кропотливо клеила из крошечных кусочков, у нее просто рука не поднималась. Она не выпустит его из рук. Да и в конце концов, бумага слишком хрупкая, чтобы выносить ее из дома. «Самое лучшее, — подумала Лина, — это написать мэру письмо».

Она нашла почти чистый листок бумаги, взяла простой карандаш (не хватало еще тратить на мэра Коула драгоценные цветные!) и написала:

Уважаемый господин мэр. Я нашла у нас в чулане какую-то бумагу. Это правила для чего-то. Я думаю, что это важный документ, поскольку он написан очень старыми буквами. К сожалению, моя маленькая сестра изжевала бумагу, поэтому уцелело не все. Но некоторые слова все же можно прочесть:

«Маленький стальной ластик», «С пометкой «Э»» и некоторые другие. Я покажу вам эту бумагу, если вам интересно.

Искренне ваша

Лина Мэйфлит, вестник

Квиллиум-сквер, дом 34

Она сложила листок вдвое и надписала «Для мэра Коула».

На следующее утро по дороге на работу она забежала в ратушу. Охранник, всегда дежуривший в вестибюле, куда-то отлучился, но Лина оставила письмо на видном месте у него на столе, чтобы страж увидел записку, как только вернется. Затем с чувством выполненного долга побежала на свой пост.

Прошло несколько дней. Сообщения, которые доставляла Лина, были полны тревоги и страха. «Нет ли у тебя лишней бутылочки детского питания? Не могу найти в магазинах». «Слышал последние новости про генератор?» «Мы сегодня вечером не придем — дедушка уже не встает с постели».

Каждый день, вернувшись с работы, Лина первым делом спрашивала бабушку:

— Для меня никто не оставлял послания?

Но никакого ответа из ратуши так и не последовало. Может быть, мэр не получил ее письма? Или получил, но решил, что оно не заслуживает внимания?

Прошла неделя, и Лина решила, что больше ждать нечего. Мэру неинтересно? Тем хуже для него. Зато ей интересно. Она и сама во всем разберется.

Поппи и бабушка ложились спать раньше обычного, и Лине удалось выкроить немного времени. Она потратила его на изготовление копии документа — вдруг что-нибудь случится с хрупким оригиналом. На это ушло немало труда, и пришлось пожертвовать одним из листочков чистой бумаги, которые у нее еще оставались, — старой этикеткой от банки консервированного горошка, немного надорванной, но зато на обороте почти совсем белой. Лина тщательно скопировала документ и даже постаралась отметить, какого размера интервалы между словами там, где в оригинале были дыры. Для надежности она спрятала готовую копию под матрас.

И вот наконец наступил долгожданный свободный вечер. Поппи и бабушка уснули, в квартире царил полный порядок. Лина села за стол и снова достала свой документ. Она убрала волосы назад, чтобы они не падали ей на лицо, и положила рядом еще один листок бумаги — почти совсем чистый, если не считать нескольких каракуль Поппи, — чтобы записывать то, что удастся расшифровать.

Она начала с заголовка. Первое слово она, кажется, уже разгадала — должно быть, это «правила». Затем загадочное «Эва». Лина даже предположить не могла, что это должно значить. Может быть, чье-то имя? Эвард? Эванс? «Правила для Эванса»? Лина решила для краткости пока называть документ просто «Правила».

Теперь первая строчка. «Этот офиц док» — понятно: «Этот официальный документ».

Вторая строчка: «строгая секретность» или «строго секретный», потом «в течение», затем можно было разобрать слово «лет». В течение скольких-то лет? А дальше начинались сплошные загадки.

Лина попыталась прочесть пункт номер один. «Следу» могло значить и «следующий», и «следуйте». Может быть, «исследуйте»? А что это за «еки»? «Пасеки»? И что значат «руббо» и «овод»? Эти бессмысленные обрывки стояли так близко, что, вероятно, были двумя частями одного и того же слова. У какого слова в конце буквы «овод»? «Повод»? «Провода»? И что такое «руббо»? Может быть, «грубо»? Тогда получается какой-то

«грубо–повод» — полная бессмыслица... Внезапно ее озарило: так это же «трубопроводы»? Как она не догадалась сразу! Значит, в этом документе речь шла о Трубах?!

Тогда «еки» — это же скорее всего «реки». Она стремительно пробежала бумагу до пункта номер три. Там значилось «ступ воды»: наверное, какие–то ступени у воды? А в пункте четвертом полностью сохранилось слово «дверь».

Лина затаила дыхание. Дверь! Что, если речь идет о той самой двери, которая часто виделась ей в мечтах — двери, которая ведет из Эмбера в сияющий город ее грез? Может быть, этот город все–таки существует и эти «Правила» помогут его найти?

Ей хотелось вскочить с кресла и заорать во весь голос. Этот документ имел какое–то отношение к реке, к трубопроводам, к какой–то двери. А кто из ее знакомых знал о Трубах все? Конечно же Дун.

Она представила себе его худое серьезное лицо, глаза, пытливо глядящие из–под темных бровей. Она вспомнила, как он низко склонялся над своей партой, крепко сжимая в руке карандаш, как на переменах забивался куда–нибудь в угол, изучая бабочку, гусеницу или разобранные часы. В характере Дуна была по крайней мере одна очень симпатичная черта: любознательность. Его интересовало, как устроены разные вещи.

И ему было не все равно, что будет с городом. Лина вспомнила День предназначения: как он тогда кричал на мэра! И как потом предложил ей обменять ее плохую работу на свою хорошую, чтобы получить возможность помочь спасти Эмбер. А когда отключили свет, он спас Поппи и привел ее в лавку своего отца, чтобы она не испугалась.

Почему же они перестали быть друзьями? Эта история с фонарным столбом... Она сейчас с трудом могла припомнить ее подробности — так давно это было. Ну не смешно ли, столько лет дуться друг на друга из–за подобной чепухи! И чем больше она думала о Дуне, тем больше понимала: он как раз тот человек — может быть, единственный человек в городе, — кого заинтересует ее находка. Лина снова накрыла «Правила» чистым листком бумаги и поставила сверху ящик. «Надо поговорить с Дуном, — решила она. — Завтра четверг — и у него и у меня будет выходной. Я найду его завтра же и попрошу помочь».

ГЛАВА 8

Тайны туннелей

Дун полюбил бродить по Трубам в одиночку. Сначала он отправлялся в туннель, в который получил наряд, и старался сделать свою работу побыстрее — тому, кто научился хорошо управляться с гаечными ключами, щетками и банками замазки, это было не трудно. Большинство его коллег тоже быстро отделялись от работы, а потом собирались где-нибудь в туннеле небольшой компанией, чтобы перекинуться в картишки, организовать бега тритонов, а то и просто поболтать или вздремнуть.

Но Дуна не интересовало ни то, ни другое, ни третье. Если уж ему предстояло застрять под землей на несколько лет, он, по крайней мере, не собирался терять ни минуты. Тем более что после долгого отключения все стало казаться необычайно срочным. Стоило фонарям замигать, и он представлял себе древний генератор, который, может быть, в эту самую секунду содрогается в последний раз.

Так что пока его товарищи развлекались, он отправлялся в какой-нибудь укромный уголок туннеля, надеясь найти там что-нибудь интересное. «Не зевай», — сказал ему отец. Он и не зевал. Когда получалось, он шел по карте, но в некоторых местах от карты было мало толку. Некоторые туннели на ней вообще не были обозначены. Чтобы не заблудиться, он бросал позади себя разные мелкие предметы: шайбы, болты, куски проволоки — чего только не было у него в карманах рабочего пояса. А на обратном пути подбирал их.

Его отец был прав по крайней мере в одном: если внимательно смотреть по сторонам, в Трубах можно было обнаружить массу интересного. Он уже нашел новых тварей — двух ползучих и одну летучую: черного жука размером с булавоочную головку, мотылька с опущенными крыльшками и какое-то существо с мягким скользким тельцем и маленькой спиральной раковиной на спине. Он только поймал это животное, сел, привалившись к стене туннеля, и как зачарованный наблюдал за тварью, медленно ползущей вверх по его руке, как вдруг из соседнего коридора появились двое рабочих. Увидев, чем он занят, они начали дразнить его.

— Эй, ты, жукоед! — крикнул один. — Ловишь жуков на обед?

Оба загоготали. Дун вскипел, вскочил на ноги и бешено заорал на них.

От внезапного движения существо упало с его руки на землю, и он услышал хруст у себя под ногой. Рабочие ничего не заметили — они отпустили еще несколько острот в его адрес и ушли, — но Дун сразу понял, что натворил. Он поднял ногу и увидел на подошве башмака бесформенную массу.

Непредвиденные последствия, подумал Дун с горечью. Он злился на собственную злость — как это она смогла так быстро овладеть всем его существом! Дун счистил с подошвы кусочки раковины и еще что-то липкое. «Прости меня, — подумал он с жалостью, — я не хотел причинить тебе вред».

С каждым днем Дун заходил все дальше и дальше в Трубы, не оставляя надежды, что в конце концов найдет там что-нибудь не только интересное, но и важное. Но все, что он находил, не было важным. Он нашел старые плоскогубцы, которые невесть когда обронил какой-то рабочий. Дважды он находил монеты. Он набрел на кладовую, о которой, кажется, все забыли, но все, что в ней было, — это несколько ящичков с заглушками и шайбами и ржавая коробочка, хранившая сморщенные неаппетитные кусочки, бывшие некогда чьим-то обедом.

Он нашел и еще одну кладовую в дальнем южном конце трубопроводов — по крайней мере, он предполагал, что это юг. Поперек одного из туннелей была протянута толстая веревка, на которой висела табличка «Обрушение. Проход запрещен». Дун, конечно, тут же пролез под веревкой на четвереньках и отправился посмотреть, что там такое. Он не нашел никаких признаков обвала. Свет в туннеле не горел, и Дун на ощупь прошел шагов двадцать, а в конце был тупик, и в стене тупика — дверь. Дун не мог ее видеть, но нащупал в темноте дверную ручку и замочную скважину. Он подергал дверь — она была заперта. Дун вернулся назад, снова пролез под веревкой и пошел дальше. Недалеко от этого места он обнаружил люк в своде туннеля — квадратная деревянная крышка, вероятно, прикрывала лестницу, которая вела вверх, к складам. Если бы можно было на что-нибудь влезть, он достал бы до люка и попытался бы открыть его, но, как он ни прыгал, от его вытянутой руки до свода еще оставалось не меньше полуметра. Впрочем, люк, скорее всего, тоже был заперт. Может быть, создатели использовали такие отверстия во время строительства города, чтобы проще было добираться с одного конца стройплощадки до другого?

В те дни, когда он получал наряд в окрестности главного туннеля, Дун, выполнив задание, шел побродить вдоль реки. Он держался подальше от восточного конца тропы, подальше от генератора. Он не хотел думать о

генераторе. Вместо этого он отправлялся к устью реки, туда, где она проваливалась в трещину в скале и исчезала из Эмбера. Тропинка в этом месте была не такой ровной и гладкой, как выше по течению. Вдоль берега складками громоздились скалы, которые, казалось, выростали из земли, как гигантские грибы. Дун любил сидеть здесь, поглаживая причудливые борозды, которые, должно быть, прорезала неумолимо текущая вода. Некоторые из них выглядели совсем как буквы.

Но ничего важного Дун так и не нашел. Похоже, человеку, одержимому желанием спасти город, совсем нечего делать в Трубах. Правда, генератор... Но Дун уже махнул рукой на электричество: он никогда не сможет в нем разобраться. Прежде он надеялся, что со временем сможет изобрести переносной электрический фонарь, и упорно готовился к этому. Он разбирал электрические лампочки, однажды разобрал розетку, чтобы посмотреть, как сплетены там провода, — и как же его тогда шарахнуло током! Но когда он соединил проводочки точно так же, как в розетке, электричества не получилось. Свет порождали не провода, а нечто, что проходит через них, догадывался Дун. Но он совершенно не представлял себе, что бы это могло быть.

Сейчас он видел только две возможности: сдаться и плюнуть на все или начать работу над каким-то иным, не электрическим источником света. Сдаваться Дун не собирался. Так что в один прекрасный четверг он отправился в городскую библиотеку Эмбера, чтобы почитать что-нибудь про огонь.

Здание библиотеки вытянулось вдоль Билболио-сквер. Дун прошел по короткому коридору и толкнул дверь. В читальном зале никого не было, кроме библиотекаря — старого Эдварда Покета. Он сидел за столом и, зажав скрюченной рукой огрызок карандаша, что-то писал. Библиотека состояла из двух больших помещений, в одном из которых хранились истории, выдуманные разными людьми, а в другом — правдивые рассказы о реальном мире. Вдоль стен обоих залов стояли стеллажи, и на них было множество пачек бумаги, прошитых по одному краю веревкой или толстой нитью. Некоторые пачки стояли, прислоненные одна к другой, другие лежали неопрятными грудками. Одни были потолще, другие состояли лишь из нескольких листочков, собранных металлической скрепкой. Самые старые пожелтели и покоробились, листы стали волнистыми и сморщились, а их края истрепались.

Это были книги, написанные горожанами за долгие годы существования города. Их страницы, покрытые аккуратными буквами, содержали почти все, что было известно жителям Эмбера, все, чему они

научились.

Эдвард Покет поднял глаза и коротко кивнул Дуну, одному из постоянных своих посетителей. Дун кивнул в ответ и направился в зал, где хранились книги про реальную жизнь, к стеллажу, помеченному буквой «О». Книги были разложены по алфавиту, но подобрать то, что тебе нужно, все равно было нелегко. Книга о бабочках, например, могла лежать на стеллаже не только под буквой «Б», но и под «Н» («Насекомые») или даже «Л» («Летучие твари»). Как правило, приходилось прошерстить всю библиотеку, чтобы убедиться, что ты нашел все, что имеется по данному предмету. Но поскольку сейчас его интересовал огонь, разумнее всего было все-таки начать с буквы «О».

Огонь был большой редкостью в Эмбере. Когда он вдруг вспыхивал, это всегда было результатом аварии или чьей-то неосторожности: хозяйка бросила кухонное полотенце около раскаленной конфорки электроплиты или где-то перетерся провод и проскочившая искра подожгла занавески. Тогда горожане сбегались с ведрами воды, и начавшийся пожар быстро тушили. Конечно, разжечь огонь можно было и специально: например, если подержать щепку у конфорки, та вспыхивала, а затем несколько секунд горела, распространяя вокруг яркий оранжевый свет.

Штука была в том, чтобы найти способ заставить огонь гореть подольше. Тогда его можно было бы взять с собой в Неведомые области и исследовать их. Пробраться в Неведомые области всегда было заветной мечтой Дуна.

Он наугад взял с полки под буквой «О» две книги. Одна называлась «Оконное стекло», другая — «Как чинить одежду». Он положил их назад. Затем попались «Лечение опухолей», «Поделки из олова», «Работа над ошибками» и «Вкусные блюда из овощных консервов». А, вот оно! В руках у него была не очень толстая пачка бумаги, на верхнем листе выведено «Все об огне». Он сел за один из больших квадратных столов и стал читать.

К сожалению, человек, написавший эту книгу, знал об огне не больше самого Дуна. Речь в ней шла в основном об опасностях, которые представляет огонь. Подробно описывался известный городской пожар, случившийся сорок лет назад: тогда в одном доме на Винифред-сквер выгорели двери и оконные рамы, а дым висел над площадью еще несколько дней. В другой главе объяснялось, что делать, если у вас в квартире загорелась плита.

Дун вздохнул и встал. Книга была совершенно бесполезна. Он сам написал бы лучше. Он снова подошел к стеллажам. Иногда можно было наткнуться на что-нибудь полезное совершенно случайно. Дун проделывал

это тысячу раз — просто протягиваешь руку, берешь наугад книгу, а там обнаруживается именно та крупница информации, в которой ты нуждался. Кто-то когда-то записал пару фраз, совершенно не осознавая их важности, а у тебя в мозгу словно вспыхивало что-то и отдельные сведения о предмете вдруг складывались в цельную картину. Ах, как хотел бы Дун однажды собрать вот так воедино все, что знал, и тогда он смог бы найти решение для любой проблемы на свете.

Но хотя он часто находил на полках что-то интересное, он ни разу не нашел по-настоящему важного. Сегодняшний день не стал исключением. Ему попался сборник под названием «Загадочные старинные слова», в котором были перечислены слова и выражения из такого далекого прошлого, что их значение было безнадежно утрачено. От нечего делать он немного почитал оттуда:

«Небо в алмазах» — по-видимому, это означает нечто прекрасное. Смысл слова «алмазы» неясен. Возможно, когда-то алмазами называли уличные фонари.

«Бред сивой кобылы» — означает «вздор, чепуха, бессмыслица». Кто такая «сивая кобыла» и как она могла бредить, неизвестно.

«Выбить десять из десяти» — то же, что «большой успех». Возможно, речь идет об истреблении вредных жуков.

«Мы все в одной лодке» означает «мы все в сходных обстоятельствах». Что такое «лодка», никто не знает.

Занятно, но не более того. Он положил книгу обратно на полку и уже собрался уходить, как вдруг дверь библиотеки отворилась и на пороге появилась Лина Мэйфлит.

ГЛАВА 9

Дверь в огороженном туннеле

Лина сразу заметила Дуна — он как раз тянулся к полке, чтобы поставить на место какую-то книгу. Он обернулся, и его темные брови недоуменно взлетели. Лавируя между столами, Лина быстро подошла к нему.

— Твой отец сказал мне, что ты здесь, — сказала она. — Дун, я нашла кое-что. И хочу показать это тебе.

— Что нашла? И почему именно мне? — спросил Дун.

— Потому что это важно. И это имеет какое-то отношение к Трубам. Может, зайдешь ко мне, посмотришь?

— Прямо сейчас? Лина кивнула.

Дун подхватил свою старую коричневую куртку, и они отправились через весь город из библиотеки на Квиллиум-сквер.

Бабушкина лавка была закрыта, и Лина удивилась, обнаружив у себя дома Эвелин Мердо, которая, как обычно, дежурила на своем посту у окошка. Ликующая Поппи сидела рядом с ней на полу и изо всех сил колотила ложкой по ножке стула.

— Твоя бабушка у себя в спальне, — сказала соседка. — Она не очень хорошо себя чувствует, вот и попросила меня зайти.

Лина представила Дуна миссис Мердо, а потом проводила его в комнату, которую делила с Поппи. Он огляделся, и Лина внезапно почувствовала смущение, увидев комнату его глазами. Комнатушка была до предела забита всякой рухлядью. Две узкие постели, крошечный столик, втиснутый в угол, колченогая табуретка. На крючках, вбитых в стены, висела одежда, и еще больше тряпья беспорядочно валялось на полу. На подоконнике, где стоял горшок с фасолиной, темнело грязное пятно: Лина каждый вечер поливала землю, как и обещала Клэри, но в горшке по-прежнему ничего не было видно, кроме мокрой грязи, скучной и совершенно безнадежной.

На полках по обе стороны от окна хранились главные сокровища Лины: клочки бумаги, которые она повсюду собирала, чтобы было на чем рисовать, ее цветные карандаши, шарф, прошитый красивой серебряной нитью. На свободных от крючков и полок местах она развесила свои рисунки.

— Что это такое? — спросил Дун, внимательно разглядывая их.

— Это просто мои фантазии. — Лина вдруг смутилась. — Это... это другой город.

— Вот как! Ты придумала другой город?

— Вроде того. Иногда я мечтаю о нем.

— Я тоже рисую, — сказал Дун. — Но я рисую совсем другие вещи.

— Какие, например?

— Главным образом насекомых. — И Дун обстоятельно рассказал Лине о своей коллекции рисунков и о гусенице, за которой он теперь наблюдал.

С точки зрения Лины, это было совсем не так интересно, как таинственный город, но она не стала говорить этого вслух. Она подвела Дуна к столу, на котором стоял металлический ящик:

— Вот что я хотела тебе показать.

Дун взял ящик и стал внимательно его осматривать.

— Откуда это у тебя? — спросил он.

И Лина рассказала ему о бабушке, которая, как безумная, перерыла весь чулан, и о том, как, придя домой, она обнаружила открытый ящик, а рядом с ним — Поппи с полным ртом жеваной бумаги. Пока она рассказывала, Дун вертел в руках ящик, открывал и закрывал его, а потом стал разглядывать замок.

— Какой необычный механизм, — пробормотал он себе под нос, ощупывая небольшой металлический выступ на передней части ящика. — Хотел бы я взглянуть, как он устроен.

— А вот что было внутри, — сказала Лина, поднимая лист бумаги, которым был накрыт драгоценный документ. — Точнее, вот что от него осталось.

Дун поставил ящик на стул и склонился над бумажным кружевом, опершись о стол обеими руками.

Лина объяснила:

— Это называется «Правила для Эванса». Или «для Эварда». Ну, в общем, это, наверное, чье-то имя. Может, какого-то старинного мэра или стража. Я это называю просто «Правила». Я сообщила об этом документе мэру — я думала, что это важно. Я написала ему письмо, но он не ответил. Видно, ему это неинтересно.

Дун не отвечал.

— Да не надо сдерживать дыхание, — продолжала Лина. — Я склеила все эти клочки. Смотри, — она ткнула пальцем, — вот это слово должно значить «трубопроводы». А здесь «два с половиной метра». И смотри, вот

здесь сохранилось слово «дверь».

Дун по-прежнему молчал. Он еще ниже склонился над бумагой, волосы упали ему на лицо, и Лина не видела выражения его глаз.

— Сначала я подумала, — говорила она, все больше теряя уверенность, — что это какие-то правила, которые описывают, как правильно делать что-то. Ну, может, правила ремонта электричества. Но потом я подумала: а что, если это правила для тех, кому надо добраться куда-нибудь в другое место? — Дун упорно молчал, и Лина решила уточнить: — Я имею в виду совсем другое место, другой город. И я думаю, что здесь написано что-то вроде «спуститесь в Трубы и поищите там дверь».

Дун откинул волосы со лба, но не поднимал головы. Он насупился и не отрывал глаз от обрывков слов.

— «Поверни», — бормотал он. — «Маленьк стальной ластик»... Что это может значить?

— Может быть, «стальной ластик»? — предположила Лина. — У вас там, в Трубах, нет такого инструмента?

Но Дун не ответил. Казалось, он забыл о ее существовании. Он продолжал читать, водя пальцем по строкам.

— «Спускайтесь вниз», — шептал он. — «След по тропе».

Наконец он поднял голову и повернулся к Лине. Глаза его сняли.

— Я думаю, ты права, — воскликнул он. — Я думаю, что это действительно очень важно.

— О, я знала, что ты поймешь! — с жаром воскликнула Лина. У нее словно камень с плеч свалился. — Ты должен был понять, потому что ты всерьез относишься к жизни! Ты сказал мэру правду в День предназначения. Я тогда не хотела в это верить, но потом случилось долгое отключение, и я поняла — дела и вправду обстоят так, как ты говорил. — Лина остановилась, у нее перехватило дыхание. Она ткнула пальцем в документ. — «Дверь», — сказала она. — Дверь. Должно быть, эта дверь ведет из Эмбера.

— Почему обязательно из Эмбера? — возразил Дун. — Может быть, за этой дверью просто находится что-то очень важное.

— Настолько важное, что информацию об этом решили упрятать в такой затейливый ящик? Что, например?

— Ну, не знаю... Скажем, склад, на котором хранятся какие-то специальные инструменты... или что-то в этом роде... Постой-ка! — спохватился Дун. — Да я же только что видел дверь там, где вовсе не ожидал ее увидеть, — в туннеле номер триста пятьдесят один. Она была

заперта. Я подумал, что там, наверное, заброшенная кладовая для запчастей. Может быть, тут об этой двери речь?

— Точно! Это она! — вскричала Лина. Сердце ее бешено колотилось.

— Но это совсем не рядом с рекой, — неуверенно возразил Дун.

— Не важно, — заторопилась Лина. — Река же протекает через Трубы, так? Ну и все. Может быть, тут говорится что-то вроде «спустись вдоль реки, потом иди туда-то, затем туда-то и так придешь к двери», так?

— Может быть, и так, — сказал Дун с явным сомнением в голосе.

— Это должно быть так! — закричала Лина. — Я знаю, что это так! Эта дверь ведет прочь из Эмбера!

— Не думаю, что в этом есть смысл, — упирался Дун. — Дверь из Труб может вести только куда-то под землю, а как же тогда...

Но у Лины больше не было терпения слушать его рассуждения. Ей хотелось пуститься в пляс по комнате, так она была возбуждена.

— Мы должны это выяснить, — сказала она. — Мы должны это выяснить, причем не медленно!

Дун был несколько озадачен ее напором.

— Ну, я, конечно, могу пойти и снова попробовать открыть ее... Раньше она была заперта, но сейчас, я думаю... вероятно...

— Я тоже хочу пойти, — заявила Лина.

— Ты хочешь спуститься в Трубы?

— Да! А ты сможешь меня провести? Дун на секунду задумался.

— Думаю, смогу. Если ты придешь точно к окончанию рабочего дня и подождешь у входа, я спрячусь внутри и подожду, когда все рабочие уйдут. А потом впущу тебя.

— Давай завтра?

— Хорошо. Давай завтра.

На следующий день Лина забежала домой после работы только для того, чтобы сбросить красную форменную куртку, и понеслась через весь город к Управлению трубопроводов. Дун встретил ее у дверей, и она последовала за ним. Он выдал ей плащ и боты. Они спустились по длинной лестнице и вошли в главный туннель. Лина замерла, не отводя глаз от стремительно несущейся воды.

— Никогда не думала, что река такая большая, — прошептала она, когда к ней снова вернулся голос.

— Ага, — проворчал Дун. — И раз в несколько лет туда кто-нибудь сваливается. А если уж туда упадешь, то достать тебя никто не сможет. Река мигом проглотит и унесет навсегда.

Лина вздрогнула. В Трубах было холодно. Она чувствовала, что

промерзла до костей, а кровь, казалось, вот–вот застынет в жилах.

Дун повел ее по тропинке вверх по течению. Через некоторое время они добрались до бокового ответвления и свернули туда. Рокот реки у них за спиной слышался все глуше, пока они шли по извилистым коридорам. Их резиновые боты хлюпали по лужам. Лина подумала, как это, должно быть, ужасно — работать здесь с утра до вечера изо дня в день. Это было жуткое место. Казалось, человеку здесь совершенно нечего делать. И эта черная вода в реке... брр... словно из ночного кошмара.

— Здесь придется нагнуться, — сказал Дун. Они стояли у веревки, перегораживающей туннель.

— Но там же темно, — дрогнувшим голосом произнесла Лина.

— Темно, — подтвердил Дун. — Придется идти на ощупь. Но здесь недалеко.

Он подлез под веревкой, и Лина последовала за ним.

Они осторожно двинулись в темноту. Лина вела рукой по стене и старалась ступать как можно осторожнее.

— Здесь, — сказал Дун.

Он стоял впереди, в нескольких шагах от Лины. Она подошла к нему.

— Потрогай вот здесь. — Он положил ее руку на гладкую и твердую поверхность двери.

Лина нащупала круглую металлическую дверную ручку, а чуть ниже — замочную скважину. Самая обыкновенная дверь — ничего похожего на выход в новый мир. Снова все оказалось не так, как она себе представляла. Но в самой этой непредсказуемости было что–то невыразимо волнующее.

— Давай попробуем открыть, — прошептала она.

Дун подергал ручку.

— Заперто, — сказал он.

— А ластика тут нигде нет? — спросила Лина.

— Ластика?

— В «Правилах» же говорится о каком–то «маленьком стальном ластике». Может быть, он служит ключом?

Они ощупали стену по обе стороны двери, но там ничего не было — только грубо отесанный камень. Они выстукивали стены, прикладывали ухо к замочной скважине, трясли дверную ручку, тянули ее на себя и изо всех сил толкали дверь. В конце концов Дун сдался:

— Ладно, нам туда не попасть. Пошли от сюда.

И в эту секунду они услышали звук. Кто–то, сильно шаркая ногами, брел по темному туннелю совсем недалеко от них.

Лина затаила дыхание и вцепилась в плечо Дуна.

— Быстрее, — прошептал он и стал пробираться назад к освещенному коридору.

Лина поспешила следом. Они снова пролезли под веревкой, спрятались за углом и притаились там, тяжело дыша и вслушиваясь. Резкий скрежет... Глухой стук, словно упало что-то тяжелое... Пауза... Затем снова удар о землю... Хриплое неровное дыхание, потом грубый, сиплый голос пробормотал что-то неразборчивое.

Снова послышались шаркающие шаги. Кто-то приближался к ним из темноты.

Они вжались в стену и замерли. Неизвестный на секунду остановился и что-то проворчал. Затем опять раздалися шаги, но теперь они, кажется, удалялись. Через секунду издали послышался скрежет поворачивающегося ключа и сухой щелчок замка.

Лина была потрясена. Кто-то открыл дверь, у которой они только что стояли! Она приблизила губы к уху Дуна:

— Может, посмотрим, кто это? Дун затряс головой:

— Не стоит. Давай лучше уйдем.

— Хотя бы выглянем из-за угла!

Они подкрались к тому месту, где освещенный коридор поворачивал, отсюда был виден темный зев огороженного туннеля. Затаив дыхание, они стали ждать.

Через минуту они снова услышали глухой удар, а затем скрежет и щелчок — дверь закрыта и заперта. Снова шаги, на этот раз поспешные. Длинный тощий человек легко перемахнул через веревку и, не оглядываясь, быстро пошел по коридору прочь. Они видели только его спину в темной куртке и черные растрепанные волосы. Он слегка пошатывался на ходу и странно припадал на одну ногу, и это движение показалось Лине смутно знакомым. Через несколько секунд неизвестный растворился в полумраке туннелей.

Они поднялись на поверхность, скинули боты и плащи, выбежали на Пламмер-сквер, рухнули на скамейку и стали говорить наперебой.

— Кто-то вошел туда раньше нас! — воскликнула Лина.

— Туда он шел медленно, — вспоминал Дун, — словно что-то искал. А обратно почти бежал, как будто...

— Как будто что-то нашел! — подхватила Лина. — Но вот что именно? Я просто умру, если сейчас же не узнаю этого!

Дун вскочил и стал нервно расхаживать взад и вперед перед скамейкой.

— Но откуда же у него ключ? — спросил он. — Может, он тоже нашел

такие же «Правила», как ты? И как он попал в Трубы? Что-то не похоже, что он там работает.

— Мне почудилось что-то знакомое в его походке, — сказала Лина. — Но я никак не могу сообразить, что именно.

— Ладно, так или иначе, он открыл дверь, а нам это не удалось, — сказал Дун. — И если эта дверь действительно ведет куда-нибудь, если это выход из Эмбера, он очень скоро расскажет об этом всему городу. Он станет героем.

Дун снова сел на скамейку и помолчал.

— Если он нашел выход, мы все, конечно, будем очень рады, — сказал он, и голос его дрогнул. — Да и какая разница, кто найдет выход? Лишь бы это помогло городу.

— Верно, — сказала Лина.

— Правда, я надеялся, что это мы его найдем, — заключил Дун с горечью.

— Точно, — сказала Лина и вздохнула, представив себе, как это было бы прекрасно — встать на виду у всего города и торжественно объявить о своем открытии.

Некоторое время они сидели молча, погруженные в свои думы. Мимо прошел доставщик, толкавший полную тачку щепок. Женщина высунулась из освещенного окна на Гэппери-стрит и окликнула мальчишек, игравших на мостовой. Двое стражей в своей красно-коричневой униформе прошли наискось через площадь, о чем-то беседуя и посмеиваясь.

Городские часы начали бить шесть, и Лина вздрогнула.

Дун сказал:

— Я думаю, что теперь надо просто подождать, не будет ли какого-то официального объявления.

— Я тоже так думаю, — кивнула Лина.

— Может быть, за этой дверью и нет ничего особенного, — махнул рукой Дун. — Может, там просто какой-то старый склад, которым давно не пользуются.

Но Лина не была готова в это поверить. Возможно, эта дверь и не вела из Эмбера, но все равно она оставалась маленькой загадкой — частью большой тайны, которую они силились разгадать.

ГЛАВА 10

Голубое небо и одиночество

В ту ночь Лина спала беспокойно. Ей снился один и тот же кошмар: что-то опасное подстерегает ее в темноте. Когда утром включили свет и она открыла глаза, первая ее мысль была о Трубах. И сразу она ощутила укол ревности: кто-то — но не она — уже побывал за запертой дверью в темном туннеле.

Она пошла будить бабушку.

— Пора вставать, — ласково сказала Лина, но бабушка не ответила. Она лежала на спине с полуоткрытым ртом и как-то очень странно и хрипло дышала.

— Мне нездоровится, — проговорила она наконец слабым голосом.

Лина коснулась бабушкиного лба. Он был горячий. А руки ее были холодны как лед. Лина бросилась к миссис Мердо, позвала ее к бабушке, а сама понеслась на Кловинг-сквер доложить бригадиру Флири, что не выйдет сегодня на работу. Оттуда она побежала на Оливер-стрит к доктору Тауэр и барабанила в дверь, пока та не открыла.

Доктор была худая женщина с нечесаными волосами и кругами под глазами. Когда она увидела Лину, вид у нее словно стал еще более усталый.

— Доктор Тауэр, — сказала Лина, — бабушка заболела. Вы придете?

— Приду, — ответила доктор, — но помочь не обещаю. У меня почти не осталось лекарств.

— Но вы все равно приходите и осмотрите ее, пожалуйста. Может, ей и не нужны лекарства.

Увидев бабушку, доктор Тауэр вздохнула.

— Как вы, бабушка Мэйфлит? — окликнула она больную.

Бабушка с трудом подняла на доктора глаза.

— Кажется, приболела, — прошептала она.

Доктор Тауэр положила руку на лоб старухи, попросила ее показать язык, выслушала сердце и легкие.

— У нее жар, — сказала она Лине. — Сегодня тебе придется остаться дома и поухаживать за ней. Свари ей супа. Давай побольше пить. Смочи тряпочку в холодной воде и положи ей на лоб. — Она взяла костлявую руку старухи в свои, грубые и красные. — Лучше бы вам сегодня поспать подольше, бабушка Мэйфлит, — обратилась она к больной. — У вас

хорошая внучка, она позаботится о вас.

Этим Лина и занималась весь день. Она сварила легкий супчик из шпината и лука и покормила бабушку с ложечки. Она гладила бабушкин лоб, держала ее руки в своих и болтала о всяких приятных вещах. Она следила, чтобы Поппи вела себя как можно тише. И пока она все это делала, где-то в глубине ее сознания постоянно маячило воспоминание о том, как болел ее отец, как он с каждым днем угасал, словно лампа, теряющая мощность, а его дыхание становилось все больше похоже на звук воды, с трудом пробивающейся через засорившуюся трубу. Она вспоминала тот вечер, когда отец в последний раз тяжело вздохнул и больше не дышал. И то утро, когда доктор Тауэр вышла из спальни ее матери, держа на руках плачущую новорожденную девочку, и на лице врача были написаны скорбь и сочувствие.

Поздно вечером бабушка забеспокоилась, стала метаться, затем приподнялась на локте и спросила:

— Мы нашли это? Мы наконец нашли?

— Что нашли, бабушка?

— Вещь, которая тогда потерялась. Старую вещь, которую потерял мой дед.

— Да, — сказала Лина. — Не беспокойся, бабушка, мы нашли ее. Теперь с ней все в порядке.

— О, как хорошо! — Бабушка снова откинулась на подушки и улыбнулась, глядя в потолок. — Какое облегчение! — Она пару раз кашлянула, закрыла глаза и скоро забылась.

Лина не пошла на работу и на следующий день. Это был длинный день. Большую часть дня бабушка дремала. Поппи, очень довольная тем, что Лина дома и с ней можно поиграть, то и дело притаскивала ей всякий хлам, подобранный на полу, — пыльные тряпки, ложки, старые башмаки, — и колотила кулачками по коленям Лины, требуя: «Иглай с Поппи! Иглай!» Лина с удовольствием играла с малышкой, но скоро ей надоело стучать ложками по стульям, тянуть друг у друга из рук цветные лоскуты и кидаться башмаками.

— Чем бы нам с тобой еще заняться? — спросила она сестренку. — А давай-ка порисуем!

Бабушка проснулась, выпила на ужин полную чашку супа и опять уснула. Лина достала оба своих цветных карандаша и две этикетки от консервных банок, которые бережно хранила, — их обратная сторона была белой, и они, если их разгладить, вполне годились для рисования. Самым острым кухонным ножом она заточила карандаши так, что они стали

острые как иглы. Она дала Поппи одну этикетку и зеленый карандаш, а себе взяла голубой и расправила на столе вторую этикетку.

Что бы такое нарисовать? Как только Лина брала в руки карандаш, в душе у нее словно открывался какой-то кран, через который начинало свободно изливаться воображение. Она чувствовала, что образы так и рвутся наружу, физически ощущала их напор, словно давление воды в трубе. Начиная рисовать, она всегда предвкушала, что нарисует нечто прекрасное, но, когда рисунок бывал готов, он редко отвечал ее ожиданиям. Как будто пытаешься рассказать сон — никак не удается точно описать то, что так ясно видел.

Поппи зажала карандаш в кулачке и малевала на этикетке дикие зеленые зигзаги, радостно крича:

— Смотри! Смотри!

— Красиво! — похвалила ее Лина.

Так и не решив, что она хочет изобразить, Лина начала рисовать. Сначала высокий узкий прямоугольник — дом. Затем еще несколько прямоугольников — целый город. Потом она нарисовала маленьких человечков на улице, у подножия домов. Это был город ее грез — она почти всегда только это и рисовала. И всегда испытывала одно и то же чувство разочарования: ведь в этом городе должны быть и другие прекрасные вещи, а не только высокие дома. Там должны быть настоящие чудеса, но она никак не могла представить себе, на что они похожи. Все, что она знала об этом городе, — это то, что свет там не такой, как в Эмбере. Но откуда он берется, она тоже не могла придумать.

Она изобразила еще несколько домов, нарисовала у них окна и двери. Добавила уличные фонари. Нарисовала теплицу. Весь листок был теперь покрыт домами разных размеров. И все они были белыми, потому что белой была бумага, на которой она рисовала.

Лина на минуту отложила карандаш и критически осмотрела рисунок. Оставалось нарисовать только небо. Обычно она работала простым карандашом, и тогда небо получалось своего естественного цвета — черного. Но в этот раз поневоле придется сделать его голубым. Поппи увлеченно царапала бумагу карандашом, а Лина тем временем тщательно штриховала пространство между домами, пока все небо не стало голубого цвета.

Она откинулась на стуле и еще раз взглянула на свой рисунок. Ужасно необычно: небо — и вдруг голубое! Но в целом Лине понравилось, как это выглядит. Да, определенно это очень красиво — голубое небо.

Тут Поппи обнаружила, что самое интересное в рисовании —

дыривить карандашом бумагу. Лина отложила свой рисунок и забрала этикетку у сестренки.

— Пора ужинать, — сказала она.

Глубокой ночью Лина внезапно проснулась. Ей показалось, что она слышала какой-то странный звук. Или она еще спит? Она тихо лежала в темноте с открытыми глазами и прислушивалась. Снова раздался звук — слабый, дрожащий старческий голос:

— Лина...

Она вскочила и стала поспешно пробираться в спальню бабушки. Хотя она прожила в этом доме всю жизнь, ей по-прежнему трудно было ориентироваться ночью, когда кругом царила абсолютная тьма. Казалось, что стены чуть сдвинулись с мест, и мебель тоже кто-то слегка переставил. Лина держалась ближе к стене, идя на ощупь. Вот дверь ее спальни. Теперь она на кухне, где-то здесь должен стоять обеденный... Она ойкнула, врезавшись босым пальцем в ножку стола. А вот и дверь бабушкиной комнаты. Голос бабушки в темноте казался тонкой-тонкой линией, которая вот-вот прервется.

— Лина... Помоги мне... Мне нужно...

— Иду-иду, бабушка, — откликнулась девочка.

Она споткнулась обо что-то — башмак! — и упала прямо на бабушкину постель.

— Я здесь, бабушка! — Лина дотронулась до руки больной, она была очень холодной.

— Я так странно себя чувствую, — прошептала бабушка. — Мне снилась... Мне снилась моя маленькая... Или какая-то другая малышка...

Лина присела на кровать, осторожно провела пальцами по худой бабушкиной руке, погладила ее плечо, коснулась длинных спутанных волос. Потом приложила палец к бабушкиной шее, нащупала пульс, как учила ее доктор Тауэр. Пульс трепетал, словно раненый мотылек, который повредил себе крылышко и теперь беспомощно порхает ломаными кругами.

— Принести тебе воды? — спросила Лина. Она не могла придумать, чем бы еще помочь.

— Не надо воды, — еле слышно прошептала бабушка. — Просто посиди со мной немного.

Лина поджала под себя ноги и натянула на колени край одеяла. Она взяла в ладони бабушкину руку и нежно поглаживала ее одним пальцем.

Долгое время обе молчали. Лина вслушивалась в дыхание больной. Сначала глубокий, судорожный вдох, а потом — выдох, легкий как

дуновение. И после долгой–долгой тишины — опять тяжелый вдох. Лина закрыла глаза. Что толку держать их открытыми — все равно кругом ничего нет, кроме тьмы. Ее очень беспокоило, что у бабушки такая холодная рука и что она так странно дышит. Время от времени больная бормотала какие–то слова, которых Лина не могла расслышать, и тогда девочка гладила ее по лбу и приговаривала: «Не тревожься, все в порядке. Уже скоро утро», — хотя и не знала, так ли это на самом деле.

Спустя некоторое время бабушка слегка пошевелилась и, кажется, проснулась.

— Иди ложись, милая, — сказала она, — мне уже гораздо лучше. — Ее голос был ясен, но очень слаб. — Поспи еще немного.

Лина наклонялась вперед, пока ее голова не коснулась бабушкиного плеча. Мягкие волосы бабушки щекотали ее лицо.

— Хорошо, бабушка, — прошептала она. — Спокойной ночи!

Она нежно обняла старушку за плечи и встала. Внезапно на нее накатила волна ужасного одиночества. Ей так хотелось увидеть глаза бабушки, но кругом царил мрак. Может быть, до утра еще очень далеко — она не знала. Лина пробралась обратно к своей постели и тут же провалилась в глубокий сон.

А когда спустя несколько часов загорелся свет, она со страхом в душе вошла в бабушкину комнату. Бабушка лежала очень бледная и очень тихая, и жизнь уже отлетела от нее.

ГЛАВА 11

Мелочи Лиззи

Весь день Лина провела у миссис Мердо. Дом соседки был очень похож на бабушкин, только гораздо опрятнее. В гостиной стояли диван, пышное кресло, обитое ворсистой полосатой тканью, и большой стол, совсем не такой шаткий, как у Лины. На столе красовалась корзина, а в ней лежали три репки, и у каждой один бочок был нежно-лиловый, а другой — белый. Должно быть, подумала Лина, миссис Мердо положила их на видное место не только потому, что собиралась приготовить на ужин, но еще и потому, что они были такие красивые.

Лина полулежала на диване, вытянув ноги, и миссис Мердо принесла мягкое серо-зеленое одеяло и укрыла ее.

— Так тебе будет теплее, — приговаривала она, заботливо подтыкая одеяло со всех сторон.

Но Лина не чувствовала холода. Зато она чувствовала печаль, а это ведь почти одно и то же. Как приятно ощущать мягкое одеяло — как будто кто-то нежно обнимает тебя. Миссис Мердо дала Поппи поиграть со своим длинным лиловым шарфом, сварила грибной суп-пюре с картофелем, а Лина до вечера бездельничала — просто валялась под одеялом, свернувшись калачиком. Она думала о бабушке, которая прожила такую долгую и, в общем, счастливую жизнь. Потом немного поплакала и уснула, а проснувшись, поиграла с Поппи. День был немного странным, но по-своему уютным — словно маленькая передышка между концом одного этапа жизни и началом нового.

Утром следующего дня Лина встала и начала собираться на работу. Миссис Мердо приготовила на завтрак свекольный чай и тушеный шпинат.

— Скоро День песни, — заметила миссис Мердо, когда они сели завтракать. — Ты хорошо выучила свою партию?

— Да, — ответила Лина. — Я помню ее еще с прошлого года.

— Мне в общем нравится День песни, — сдержанно признала миссис Мердо.

— А я его просто обожаю! — с жаром воскликнула Лина. — Мой самый любимый день в году.

Раз в год жители города собирались вместе, чтобы пропеть хором три великие песни Эмбера. Даже воспоминание об этом заставило Лину

приободриться. Она наскоро закруглилась с завтраком и облачилась в свою красную куртку.

— Не беспокойся о Поппи, я о ней позабочусь, — сказала соседка, провожая Лину к дверям. — А когда ты вернешься вечером, мы обсудим, как нам жить дальше.

— В каком смысле?

— Ну, вы же не можете жить вдвоем с Поппи, правда?

— Почему не можем?

— Разумеется, не можете, — отрезала миссис Мердо. — Кто же будет сидеть с Поппи, пока ты разносишь свои сообщения? Знаешь что, перебирайтесь—ка вы ко мне. У меня есть свободная спальня, и довольно симпатичная. Посмотришь? — Она распахнула дверь в дальнем конце гостиной, и Лина заглянула внутрь.

Никогда в жизни не видела она такой уютной комнаты. Большая кровать была покрыта выцветшим голубым одеялом, а в изголовье высились четыре пухлые подушки. Рядом с кроватью стоял комод с ящиками, ручки которых были сделаны в форме капелек, а над комодом висело зеркало. Коврики, устилавшие пол, были всех оттенков голубого и зеленого, а в углу нашлось место крепкому квадратному столу и стулу с высокой спинкой, похожей на маленькую приставную лестницу.

— Это будет твоя комната, — сказала Эвелин Мердо. — Твоя и Поппи. Вам придется спать в одной постели, но она, как видишь, достаточно широкая.

— Как же здесь мило, — прошептала Лина. — Вы так добры, миссис Мердо!

— Пустяки, — энергично сказала миссис Мердо, — элементарный здравый смысл. Тебе нужна комната. У меня она есть. Давай беги, вечером увидимся.

Прошло три дня с тех пор, как Лина и Дун видели в туннелях неизвестного, а официального сообщения все не было и не было. Если этот человек действительно нашел путь из Эмбера, он предпочел сохранить свое открытие в тайне. Лина никак не могла понять почему.

Она снова бегала по городу, разнося сообщения, и ей казалось, что настроение людей за последние дни стало еще более сумрачным. У продовольственных магазинов стояли длинные молчаливые очереди, а прохожие на перекрестках сбивались в кучки и о чем-то судачили вполголоса. Во многих витринах — с каждым днем таких витрин становилось все больше — появились таблички «Закррито» или «Открыто только пн, вт». Свет то и дело начинал мигать, и тогда горожане замирали

на месте и в страхе поднимали глаза к фонарям. Но они, помигав, опять загорались ярко и ровно, и люди переводили дыхание и бежали дальше по своим делам.

Лину ни на минуту не оставляло странное чувство. Куда бы она ни бежала, в голове у нее в такт шагам, подобно маятнику, колотилась одна и та же мысль: «Я одна на белом свете, я одна на белом свете».

Конечно, это было не совсем так: у нее была Поппи, у нее были подруги. У нее, в конце концов, была миссис Мердо — нечто среднее между подругой и близкой родственницей. Но Лина чувствовала, что за последние три дня она стала гораздо старше. Сегодня она ощущала себя едва ли не мамой Поппи. Судьба ребенка всецело зависела от нее.

Но к вечеру ей надоело жалеть себя, и она стала представлять себе свою новую жизнь у миссис Мердо. Она думала о зелено-голубой спальне и уже воображала себе, как развесит там свои картинки. Последняя, нарисованная голубым карандашом, будет, вероятно, смотреться особенно выигранно — она ведь так подходит по цвету к коврикам. Она притащит из дома обе свои подушки, и тогда вместе с теми, что лежат на голубой кровати, их получится целых шесть. Может быть, в чулане найдется какое-нибудь старое голубое платье, и можно будет сшить наволочки для этих подушек? Комната в голубых и зеленых тонах, квартира, в которой царит полный порядок, плита, на которой всегда есть горячая еда, а тебе еще и одеяло так уютно подтыкают на ночь — все это наполняло Лину чувством покоя. Жизнь в комфорте, почти в роскоши! «Я так благодарна миссис Мердо за ее доброту, — думала Лина. — Я еще не готова остаться в этом мире одна-одинешенька».

Уже в самом конце рабочего дня ей поручили доставить сообщение на Лэмплинг-стрит. На обратном пути, пробегая мимо складов, Лина увидела, как из дверей конторы выходит Лиззи. Ее рыжую голову невозможно было не узнать.

— Лиззи! — окликнула ее Лина.

Лиззи как-то дернулась и, не оглядываясь, пошла прочь. Наверное, не услышала, подумала Лина и снова крикнула:

— Лиззи, подожди!

На этот раз было очевидно, что Лиззи слышит, однако, вместо того чтобы остановиться, она лишь ускорила шаг. «Что происходит?» — недоумевала Лина. Она догнала подругу и схватила ее сзади за куртку.

— Лиззи, да это же я!

Лиззи замерла как вкопанная, а потом медленно обернулась.

— О! — произнесла она. На лице ее было написано смятение. — Это

ты... Привет... А я думала, что это... Я не поняла, что это ты. — Она пыталась улыбнуться, но в глазах ее метался страх. — Я... я просто шла домой. — Она прижимала к себе небольшой мешок, набитый какими-то угловатыми предметами.

— Я тебя провожу, — сказала Лина.

— Да что ты? — воскликнула Лиззи. — Вот здорово! — Но как-то незаметно было, что она рада встрече.

— Лиззи, у меня большое горе, — сказала Лина. — У меня бабушка умерла.

Лиззи искоса взглянула на подругу.

— Плохо, — пробормотала она, явно думая о чем-то другом. — Бедная ты, бедная.

Да что с ней такое? Обычно Лиззи очень интересовалась чужими несчастьями и вполне могла искренне посочувствовать, если, конечно, не была погружена в этот момент в собственные проблемы. Лина решила сменить тему:

— Что у тебя в мешке?

— Да так, кое-какие мелочи, — быстро ответила Лиззи. — Забежала после работы в магазин.

— Правда? — Лина смутилась: она же своими глазами видела, как Лиззи только что вышла из складов.

Лиззи ускорила шаг и стала жаловаться:

— Сегодня было столько работы! Работать так трудно! Правда, Лина? Мне кажется, работать гораздо труднее, чем учиться в школе, и совсем не так интересно. Делаешь одно и то же изо дня в день... Я так устаю! И как только ты не устаешь бегать целый день?

Лина открыла было рот, чтобы объяснить, что любит бегать и вряд ли когда-нибудь устанет от этого, но Лиззи не ждала ответа.

— Правда, в работе есть и кое-что хорошее. Угадай, что? У меня теперь есть парень. Я познакомилась с ним на работе. Я ему очень нравлюсь. Он вечно шутит, что у меня волосы такого же цвета, как раскаленная электрическая конфорка.

— Это правда, — засмеялась Лина. — Ты выглядишь так, словно у тебя на голове пожар.

Лиззи тоже засмеялась и слегка взбила рукой волосы, другой рукой прижимая к себе узел.

— А еще он говорит, что я красивая, как красный помидор, — хихикнула она.

Они шли через Торрик-сквер. На площади было полно народу. Люди

возвращались с работы, у магазинов выстраивались очереди, а некоторые счастливчики уже торопились домой с пакетами. Несколько мальчишек сидели на земле, занятые какой-то игрой.

— А кто он, твой парень? — спросила Лина.

И в этот момент Лиззи споткнулась. Поглощенная мыслями о собственной красоте, она шла неестественной манерной походкой, вытянув губки бантиком и хлопая ресницами, и, конечно, не заметила выбоины в мостовой. Она споткнулась и растянулась на земле во весь рост. Ее мешок упал на мостовую, повалился набок, и из него во все стороны покатались консервные банки.

Лина бросилась к Лиззи, чтобы помочь ей подняться.

— Ты не ушиблась? — спросила она участливо.

Но Лиззи не обратила на нее внимания: она ползала на четвереньках, собирая банки, причем делала это с такой скоростью, что было совершенно очевидно — ничего страшного с ней не случилось. Две банки закатились под скамейку. Еще одна — прямо под ноги мальчишкам, которые во все глаза смотрели, как взрослая девушка, словно паук, ползает по земле. Желая помочь подружке, Лина вытащила из-под скамейки две банки, мельком взглянула на этикетку, и у нее перехватило дыхание: на ней было написано «Персики». Лина уже много лет не видела консервированных персиков, и ни один из ее знакомых не видел. Она посмотрела на банку в другой руке: еще одно чудо — кукурузная паста! Лина до сих пор помнила, как единственный раз в жизни пробовала кукурузную пасту: ей тогда было всего пять лет, и это было потрясающее наслаждение.

Послышался удивленный возглас. Лина подняла глаза. Один из мальчишек постарше высоко поднял банку над головой. Другие дети окружили его.

— Смотрите-ка! — крикнул он еще раз. — Это же яблочное пюре!

И ребята весело закричали на разные лады: «Яблочное пюре, яблочное пюре!» — словно никогда не слышали этих слов.

Лиззи поднялась на ноги. Она собрала все свои банки, кроме тех двух, что подобрала Лина, и той, что была у мальчишек, постояла секунду, тяжело дыша, переводя глаза с Лины на детей и явно что-то прикидывая в уме, а потом улыбнулась широкой деланой улыбкой.

— Спасибо, что помогли! — крикнула она. — Я нашла все это на дальней полке в магазине. Просто чудо, правда? Можете оставить себе.

Она помахала мальчишкам, кивнула Лине и пошла прочь.

Лина долго смотрела вслед подружке, а потом отправилась домой. Лиззин мешок не выходил у нее из головы. Случайно найти в магазине

персики и яблочное пюре? Совершенно невероятно! Лиззи явно лгала. А если банки не из магазина, то откуда же? Ответ мог быть только один: из хранилищ. Каким-то образом Лиззи, работавшая на складах, заполучила это богатство. Интересно, она заплатила за них? И если да, то сколько? Или все это досталось ей бесплатно?

В тот вечер миссис Мердо приготовила на ужин свекольно-фасолевое рагу. Когда Лина вытащила из карманов банки, соседка так и ахнула от изумления:

— Где ты их взяла?

— Мне дала подруга.

— А у подруги они откуда?

— Я не знаю, — смущенно ответила Лина. Миссис Мердо неодобрительно покачала головой, но не стала больше ни о чем спрашивать. Она вскрыла банки, и в этот вечер у них был настоящий пир: овощное рагу с кукурузной пастой и персики на десерт. Лина уже очень давно не ела так вкусно, но удовольствие было слегка подпорчено вопросом, на который она так и не узнала ответа: откуда же все это взялось?

На следующее утро Лина отправилась на Брод-стрит. До начала работы она хотела поговорить с Лиззи.

Она заметила подругу за полквартала от складов. Лиззи неторопливо шла по улице, разглядывая витрины. Длинный зеленый шарф был обмотан вокруг ее шеи. Лина быстро догнала ее и окликнула:

— Лиззи!

Лиззи резко обернулась. Увидев Лину, она отпрянула и, не сказав ни слова, попыталась уйти. Но Лина поймала конец ее зеленого шарфа и резко дернула.

— Лиззи, — сказала она снова, — постой-ка!

— Это еще зачем? — нервно спросила Лиззи. — Я спешу на работу. — Она попыталась вырваться, но Лина цепко держала шарф.

— Ты должна рассказать мне, где ты взяла те банки, — сказала Лина, понизив голос, потому что кругом было полно народу: двое стариков подпирали стену дома, разглядывая прохожих, мимо пробежала ватага смеющихся ребяташек, прямо перед Линой и Лиззи шла компания рабочих, направлявшихся на склады. Лине совсем не хотелось, чтобы ее услышали.

— Я же говорила: нашла их на дальней полке магазина. Пусти меня! — Лиззи попыталась вырвать свой шарф из рук Лины, но Лина держала его крепко.

— Это неправда, — сказала Лина. — Ни в одном магазине не могли бы

заваляться такие вещи. Скажи мне правду. — И она еще сильнее дернула за шарф.

— Прекрати! — взвизгнула Лиззи и вцепилась Лине в волосы.

Лина вскрикнула от боли, но шарф из рук не выпустила. Сердито сопя и хватая друг друга за куртки, они неуклюже возились посреди улицы, толкнули проходившую мимо женщину, которая рявкнула на них, и в конце концов потеряли равновесие и повалились на мостовую.

Лина засмеялась первая. Это было так похоже на их возню в детстве, когда подружки гонялись друг за другом, визжа и смеясь.

И вот теперь, уже почти взрослые девушки, они снова сидят в куче мусора на мостовой. Через секунду Лиззи тоже захохотала.

— Дура, — сказала она, пытаясь привести в порядок волосы. — Шарф мне порвала. Хорошо, я расскажу тебе. Я все равно собиралась. — Она склонилась вперед, уперев руки в колени, и заговорила почти шепотом: — В общем, у нас на складах работает такой Лупер. Он доставщик. Ты не помнишь его? Он учился на два класса старше нас — Лупер Уин дли.

— Я знаю его, — сказала Лина. — Я доставляла его сообщение в свой первый рабочий день. Высокий, с длинной тонкой шеей, с большими зубами, смешной такой.

Лиззи почему-то обиделась:

— Я бы так о нем не отзывалась. Мне кажется, он красивый.

Лина пожала плечами:

— Не важно. Продолжай.

— Лупер занят исследованиями складов. Он осмотрел все хранилища, которые не заперты. Он хочет знать, какова реальная ситуация, Лина. Он не такой, как большинство этих кошмарных работников, которые просто бродят туда-сюда, пока не кончится рабочий день, а потом идут домой спать. Лупер хочет знать, как все обстоит на самом деле.

— И как же?

— Он выяснил, что кое-где еще остались разные редкости. Немного там, чуть-чуть здесь. И ни одна живая душа об этом не помнит. Знаешь, Лина, — Лиззи еще больше понизила голос, — там внизу так много места! Некоторые хранилища в самом дальнем конце складов помечены в конторских книгах как пустые, и поэтому туда никто никогда не заходит. Но Лупер выяснил, что они не совсем пустые.

— Значит, он берет оттуда разные вещи...

— Совсем чуть-чуть! И очень редко!

— И дарит их тебе?

— Да. Потому что я ему нравлюсь. — Лиззи жеманно улыбнулась и

снова поправила волосы.

«Ах вот оно что, — подумала Лина. — Лупер, похоже, тоже ей нравится».

— Но это же воровство, — сказала Лина. — И послушай, Лиззи, он же ворует не только для тебя. У него ведь есть магазин! И он продает там ворованные вещи! Причем за огромные деньги!

— Он ничего такого не делает! — быстро проговорила Лиззи, но явно встревожилась.

— Нет, делает! Я точно знаю, потому что я сама у него кое-что купила всего несколько недель назад. У него есть целая коробка цветных карандашей.

— А мне он никогда не дарил цветных карандашей, — с досадой сказала Лиззи.

— Он тебе и не должен ничего дарить! И продавать не имеет права! Тебе не кажется, что о еде, которую он нашел, неплохо было бы узнать всем жителям в городе?

— Нет! — убежденно воскликнула Лиззи. — Послушай, Лина, если осталась всего одна банка консервированных персиков, этого же хватит только на одного человека, верно? Тогда зачем всем об этом знать? Все только передерутся из-за нее. И что в этом хорошего? Послушай. — Лиззи доверительно коснулась колена подруги. — Я попрошу Лупера, и он найдет что-нибудь и для тебя. Он сделает это, если я попрошу, я знаю.

Неожиданно Лина словно со стороны услышала собственный голос:

— Найдет? Что, например? Глаза Лиззи загорелись.

— Он видел там две пачки разноцветной бумаги. И кое-какие лекарства от кашля. И целых три пары девчачьих туфель.

Это были настоящие сокровища. Цветная бумага! И лекарства, и туфли... В последний раз ей покупали новые туфли почти два года назад. Сердце Лины забилось. Лиззи была права: если все в городе узнают, что на складах еще осталось некоторое количество этих прекрасных вещей, все сразу захотят получить их. Тут и в самом деле до драки недалеко. А если никто не узнает? Кому будет хуже от того, что у нее появится немного разноцветной бумаги или новые туфли? Она вдруг с такой силой захотела получить все это, что ей едва не стало плохо. Перед глазами у нее пронеслась картинка: полки в доме миссис Мердо забиты прекрасными вещами, и они с Поппи чувствуют себя гораздо счастливее и надежнее, чем все остальные в городе.

Лиззи придвинулась поближе и еще больше понизила голос:

— Лупер нашел банку ананасов. Он поделится со мной, но я дам и

тебе кусочек, если ты обещаешь никому не рассказывать.

Ананасы! Изысканное полузабытое лакомство, о котором рассказывала бабушка. Что плохого в том, что она попробует кусочек? Просто для того, чтобы знать, что это такое.

— Я уже пробовала персики, яблочное пюре и еще вкуснятину, которая называется «Фруктовый коктейль», — шептала Лиззи. — И сливы, и кукурузную пасту, и смородиновое пюре, и спаржу...

— Ты все это пробовала? — изумилась Лина. — Значит, там по-прежнему полно всяких деликатесов?

— Нет, — мотнула головой Лиззи. — Не полно. Если честно, мы почти все уже прикончили.

— Вы с Лупером? Лиззи кивнула:

— Лупер говорит, что все равно скоро всему конец, так почему не пожить напоследок в свое удовольствие?

— Но, Лиззи, почему именно вы должны всем этим пользоваться? Почему не кто-нибудь другой?

— Потому что это мы нашли все это. И потому что у нас есть возможность это взять.

— Мне кажется, это нечестно... — начала Лина, но Лиззи настойчиво повторила, словно разговаривая с непонятливым ребенком:

— Ты тоже можешь все это получить. Я же об этом и толкую. Там еще осталось кое-что.

Лина пыталась разобраться в себе. Что ее смущает? Несправедливость? Наверное, и в самом деле не совсем справедливо, что в распоряжении двух человек оказались вещи, которые желал бы иметь каждый. Но, в конце концов, банку консервированных персиков действительно невозможно поделить между всеми жителями города. Она не знала, как правильно поступить в таком случае, но твердо знала, что присвоить вещь только потому, что ты можешь это сделать, — неправильно. Она вспомнила похожую на смертельный голод алчность, которую испытала, когда Лупер показывал ей цветные карандаши. Это было отвратительное чувство. Лина не хотела желать какую бы то ни было вещь так сильно. Она встала.

— Мне не нужно ничего от Лупера. Лиззи пожала плечами.

— Что ж, ладно. Тебе же хуже, — проговорила она с деланным равнодушием, но на ее маленьком бледном личике была написана тревога.

— В любом случае, спасибо за предложение, — сказала Лина и пошла прочь через Торрик-сквер.

Она шла все быстрее и быстрее, а потом побежала.

ГЛАВА 12

Ужасное открытие

Примерно через неделю после того, как они с Линой видели под землей неизвестного, сумевшего открыть таинственную дверь, Дуну поручили прочистить засор в туннеле номер двести семь. Работа оказалась несложной. Он развинтил трубу, протолкнул в нее длинную тонкую щетку, и струя ржавой воды брызнула ему в лицо. Он снова собрал трубу, и делать больше было нечего. Дун решил прогуляться в туннель номер триста пятьдесят один и снова попытаться открыть дверь. «Странно, — думал он, — что до сих пор не появилось никакого официального сообщения о том, что найден выход из Эмбера. Вероятно, мы ошиблись: эта дверь ведет куда-то совсем в другое место».

Он отправился на юг, добрался до перегороженного веревкой тупика в туннеле номер триста пятьдесят один, пролез под веревкой и пошел на ощупь в темноте. В глубине души Дун был совершенно уверен, что дверь, как всегда, будет заперта, и рассеянно думал о другом. Он думал о своей зеленой гусенице, которая стала вести себя как-то странно: отказывалась есть и неподвижно висела на стенке своей коробочки, втянув голову. О Лине, которую он не видел уже несколько дней. Интересно, где она сейчас? Размышляя об этом, он протянул руку к двери и вдруг почувствовал под пальцами нечто, что заставило его поспешно отдернуть руку, словно что-то ужалило его. Он осторожно протянул руку снова. В замочной скважине торчал ключ!

Одну бесконечную минуту Дун стоял как вкопанный. Затем он повернул ручку, слегка надавил на дверь, и она беззвучно приоткрылась.

Он заглянул в щель. То, что он увидел, заставило его разинуть рот от изумления.

За дверью не было ни уходящей вдаль дороги, ни туннеля, ни лестницы. За дверью была ярко освещенная комната, размер которой Дун не смог оценить, потому что она была забита ящиками, коробками, мешками, узлами. Среди груд консервных банок валялись тюки с одеждой, высились пирамиды бутылок и штабеля коробок с электрическими лампочками, достававшие до низких сводов. Лишь в середине комнаты оставалось небольшое пространство, в котором было устроено нечто вроде крошечной гостиной: на полу лежал зеленоватый ковер, а на нем стояли

стол и кресло. На столе была грязная тарелка с остатками еды, а в кресле лицом к Дуну сидел какой-то грузный человек. Он откинулся на спинку кресла и так запрокинул назад голову, что мальчик мог видеть только вздернутый вверх подбородок. Человек храпел. Потом он невнятно пробормотал что-то и пошевелился, и Дун, отшатнувшись, закрыл дверь. Но он успел узнать мясистое ухо, обрюзгшую серую щеку и приоткрытые синюшные губы.

В тот день Лине пришлось доставить гораздо больше посланий, чем обычно. За последнюю неделю свет отключался пять раз подряд. Сами отключения были не очень страшными — Лина слышала, что самое долгое из них длилось четыре с половиной минуты, — но никогда еще аварии не следовали одна за другой так часто. Все в городе нервничали. Люди, которые в другое время с удовольствием прогулялись бы сами, чтобы повидать знакомых, теперь предпочитали послать сообщение. Иногда клиенты даже не выходили из дому, а окликали вестника из окон.

К пяти часам Лина доставила тридцать девять посланий. По большей части они были похожи одно на другое: «Я сегодня не приду, решила остаться дома», «Завтра меня не будет на работе», «Зачем нам встречаться на Кловинг-сквер? Приходи лучше ко мне в гости». Горожане затаились, забились в свои норы. В кругах света под фонарями больше не собирались поболтать группки людей. В лучшем случае жители Эмбера останавливались на минутку, чтобы перекинуться вполголоса парой слов, и спешили дальше.

Лина бежала домой, к миссис Мердо — они с Поппи уже переехали к соседке, прихватив все свои вещи, — как вдруг услышала, что ее кто-то догоняет. Она обернулась и увидела Дуна. Он так запыхался, что сначала не мог сказать ни слова.

— Что такое? Что случилось? — спросила Лина.

— Дверь, — задыхаясь, выговорил он. — Дверь в триста пятьдесят первом. Я открыл ее.

Сердце Лины прыгнуло.

— Открыл?!

Дун кивнул, тяжело дыша.

— Ты нашел выход? — не в силах сдержаться, вскрикнула Лина.

— Тише! — прошептал Дун. Он огляделся, схватил Лину за руку и потащил ее в тень подальше от фонаря. — За этой дверью нет дороги из Эмбера. Зато есть большая кладовая.

Лина изменилась в лице:

— Кладовая? А что в ней?

— Все, что душе угодно. Еда. Одежда. Консервы. Лампочки, целые штабеля лампочек. Все на свете. Коробки и ящики до самого потолка. — В его глазах горела ярость. — И посреди всего этого спал в кресле один наш общий знакомый.

— Кто?

Ужасная гримаса гнева исказила лицо Дуна.

— Мэр Коул, — сказал он. — Дрыхнет себе в кресле, а перед ним на столе — пустая тарелка.

— Мэр? — прошептала потрясенная Лина.

— Да. У нашего замечательного мэра есть потайная кладовка в Трубах. Они уставились друг на друга, не в силах вымолвить ни слова. Потом Дун вдруг топнул ногой. Он был весь красный от злости.

— Вот оно — решение, о котором он все время нам талдычит. Оказывается, это решение для него одного, вовсе не для города. У него есть все, чего душа пожелает, а нам — то, что останется. Он и не думает о нас. Все, о чем он заботится, — это его толстое брюхо!

Лина была так ошеломлена, словно ее ударили по голове.

— Что же нам теперь делать? — пролепетала она.

— Расскажем всем! — воскликнул Дун. Он весь трясся от гнева. — Расскажем всему городу, что наш мэр грабит нас!

— Погоди, погоди. — Лина положила ладонь на плечо Дуна и постаралась сосредоточиться. — Пошли, — сказала она наконец. — Пойдем сядем на Хакен-сквер. Я тоже хочу тебе кое-что рассказать.

На северной стороне площади стояли кружком Верные, хлопая в ладоши и распевая один из своих гимнов. В последнее время они, кажется, пели еще громче и радостнее, чем обычно.

— Приходите и спасите! — выводили пронзительные голоса. — Близок счастья день!

А в это время перед ратушей происходило нечто необычное. Около двух десятков человек ходили по кругу, неся высоко над головой лозунги, намалеванные на старых досках или на больших простынях. На плакатах было написано: «КАКИЕ решения, мэр Коул?» и «Мы требуем ОТВЕТА!». Время от времени демонстранты громко выкрикивали эти же слова. Лина спросила себя, обратит ли мэр на это хоть малейшее внимание.

Дун и Лина нашли пустую скамейку на южной стороне площади и уселись на нее.

— Послушай, — начала Лина.

— Да слушаю я, слушаю, — проворчал Дун, хотя по его раскрасневшемуся лицу было видно, что он все еще в ярости.

— Вчера я видела Лиззи. Она как раз выходила из складов. — И Лина рассказала Дуну о консервных банках и о том, чем занимается Лупер.

Дун ударил себя кулаком по колену.

— Вот чем они оба занимаются, вместе с этой твоей Лиззи, — поправил он.

— Подожди, это еще не все. Помнишь, мне почудилось что-то знакомое в том человеке, который вышел из двери? Я вспомнила что. Походка! Он будто ныряет на ходу из стороны в сторону, и еще я узнала его волосы, черные, нечесанные и торчащие во все стороны. Я видела этого человека дважды. Не знаю, почему я его тогда сразу не узнала. Может, потому, что до этого я его видела только спереди.

Я доставляла его сообщение в свой первый рабочий день.

— Так кто же это? Кто это такой?! — Дун даже подпрыгнул от нетерпения.

— Это Лупер. Лупер, который работает на складах. Парень Лиззи. Дун, — Лина наклонилась вперед, — он передал мне послание для мэра. И в послании говорилось: «Доставка в восемь».

— Значит...

— Значит, это он таскает для мэра разные вещи из хранилищ. А часть краденого дарит Лиззи, а еще что-то продает в своем магазине.

— Ах ты! — вскричал Дун, хлопнув себя ладонью по лбу. — Как же я раньше не догадался! Там же есть люк в своде, в этом триста пятьдесят первом! Он ведет наверх, прямо в хранилища! Через него-то и лазит Лупер! Помнишь, что мы слышали в тот день? Сначала скрежет — это открылся люк. Потом глухой стук — это он бросил в люк мешок с добром. А потом такой звук, будто кто-то спрыгнул откуда-то сверху и тяжело приземлился.

— И потом пошел медленно-медленно...

— Потому что он тащил тяжелый мешок!

— А обратно шел быстро, потому что оставил все у мэра. — Лина перевела дух. Ее сердце колотилось, а руки были холодны как лед. — Нам надо придумать, как поступить, — сказала она. — Если бы вором был кто-нибудь другой, надо было бы немедленно рассказать все мэру...

— Но мэр как раз и есть преступник, — с горечью закончил Дун.

— Тогда, мне кажется, надо сообщить стражам, — сказала Лина. — По старшинству они следующие за мэром. Хотя я не очень-то их люблю, — добавила она, вспомнив, как ее грубо волокли по лестнице с крыши ратуши. — Особенно старшего стража.

— Ты права, — согласился Дун. — Мы должны рассказать стражам.

Они спустятся в Трубы и убедятся, что мы говорим правду. Мэра арестуют, а весь товар вернут обратно на склады. А уже потом они смогут рассказать всему городу, что произошло.

— Отличная идея, — подхватила Лина. — А мы тем временем можем заняться более важными вещами.

— Какими?

— Разобраться с «Правилами». Теперь, когда мы знаем, что нашли не ту дверь, мы просто обязаны найти нужную.

— Ох, не знаю, — скептически вздохнул Дун. — Мы, может, насочиняли себе неизвестно что насчет этих «Правил». А что, если там речь всего лишь о какой-нибудь кладовке для инструментов? — Он издевательски протянул: — «Правила для Эванса»! А кто он такой, этот Эванс? Может, так звали какого-нибудь работягу в Управлении трубопроводов, настолько тупого, что для него пришлось составить специальные правила, чтобы он не потерялся в туннелях? Почему нет? — Он покачал головой: — Не знаю, не знаю. По-моему, эти инструкции просто бред сивой кобылы.

— Бред сивой кобылы? Это еще что такое?

— Это значит «бессмыслица». Старинное выражение. Вычитал его в одной книжке в библиотеке.

— Но они не могут быть бессмыслицей! Зачем же тогда надо было прятать их в такой красивый ящик? Да еще с таким хитроумным замком?

Но Дун не был расположен прямо сейчас ломать над этим голову.

— Завтра разберемся, — сказал он. — А сейчас пошли найдем стражей.

— Погоди, — сказала Лина, хватая его за рукав куртки, — я хочу еще кое-что тебе сказать.

— Что?

— У меня бабушка умерла.

— О! — Дун изменился в лице. — Как это грустно! — сказал он. — Мне так жаль!

Его искреннее участие настолько тронуло Лину, что из глаз у нее брызнули слезы. Дун мгновение колебался, а потом шагнул вперед и крепко обнял ее, так крепко, что она даже закашлялась, а потом засмеялась. В этот миг она поняла, что Дун, этот тощий черноглазый Дун со своим ужасным характером, со своей жуткой курткой, со своим добрым сердцем, — сейчас самый близкий ей человек. Ее лучший друг.

— Спасибо, — сказала она и улыбнулась ему. — Пошли и поговорим со стражами.

Они пересекли площадь и поднялись по ступеням ратуши. В вестибюле за столом дремал младший страж Бартон Сноуд, с которым Лина познакомилась еще во время своего первого визита сюда. Он опять что-то жевал, и его челюсть мерно двигалась из стороны в сторону.

— Страж, — обратился к нему Дун, — нам надо поговорить с вами.

Охранник медленно поднял глаза.

— Пожалуйста, — сказал он, — слушаю вас.

— С глазу на глаз, — добавила Лина.

Лицо младшего стража выразило недоумение. Он внимательно оглядел вестибюль, и его маленькие глазки так и впились в Лину.

— Так тут вроде и выходит с глазу на глаз, — медленно произнес он. — Тут же никого нет, кроме меня.

— А вдруг кто-нибудь войдет? — спросил Дун. — То, что мы хотим вам рассказать, — это тайна. И чрезвычайно важная.

— Важная тайна? — оживился охранник.

Он кряхтя поднялся со своего стула и отошел с ними к небольшой нише в боковой стене вестибюля.

— Ну, так в чем дело? — спросил он.

Они рассказали ему все. И пока они говорили, перебивая друг друга, стараясь не упустить ни одной детали, брови охранника ползли все выше и выше.

— Вы лично видели комнату? — уточнил страж, когда они закончили свой рассказ. — Все это правда? Вы уверены? — Он стал жевать быстрее. — Вы хотите сказать, что мэр... что мэр...

В эту секунду где-то стукнула дверь, и через вестибюль быстро прошли трое охранников и среди них — старший страж. Лина сразу узнала его по бороде. Проходя мимо, старший страж бросил взгляд на Лину. «Он меня узнал, — подумала Лина. — Или нет?» Она не могла понять.

Тем временем Сноуд наконец сумел выговорить фразу целиком:

— Вы хотите сказать, что мэр ворует?

— Именно, — сказал Дун. — И мы решили, что вам было бы неплохо об этом знать, потому что кто же, кроме вас, может арестовать мэра? А когда вы его арестуете, можно будет вернуть все украденные вещи на место...

— И объявить горожанам, что надо подыскать нового мэра, — подхватила Лина.

Бартон Сноуд стоял, привалившись к стене, и сосредоточенно тер подбородок. Было видно, что думать ему нелегко.

— Надо что-то предпринять, — пробормотал он наконец. — Но все

это ужасно, ужасно. — Он направился к своей стойке, Лина и Дун последовали за ним. — Я составлю записку, — сказал страж, доставая карандаш из ящика стола.

Лина следила, как он царапает на клочке бумаги: «Мэр ворует. Потайная комната». Закончив, он облегченно вздохнул.

— Очень хорошо, — сказал он. — Определенные действия будут предприняты, можете быть уверены. Определенные действия. В весьма сжатые сроки.

— Отлично! — сказал Дун.

— Спасибо, — сказала Лина, и они пошли к выходу.

Трое охранников все еще стояли в дверях. Старший страж сделал шаг в сторону, чтобы дать Лине и Дуну пройти, и они вышли и начали спускаться по широким ступеням. Лина оглянулась. Прежде чем дверь захлопнулась, она заметила, что старший страж подошел к столу Бартона Сноуда, и тот вскочил, вытянулся, и было видно, что его просто распирает от небывалых новостей.

ГЛАВА 13

Догадки и находки

На площади они расстались: Дун отправился домой, а Лина пошла в противоположную сторону через Хакен-сквер. Маленькой группки Верных уже не было на площади, но митингующие со своими лозунгами все еще мерили шагами мостовую перед ратушей. Некоторые из них по-прежнему выбрасывали в воздух кулаки и выкрикивали что-то, однако большая часть брела тихо с усталым и разочарованным видом. Лина тоже чувствовала что-то вроде разочарования. С той самой минуты, когда Дун рассказал ей про дверь, она верила, что это и есть та самая дверь, о которой шла речь в «Правилах». Она так на это надеялась! И это заставило ее сделать поспешные выводы. Она слишком поторопилась. Она вечно все делала слишком быстро. Иногда это было хорошо, но иногда — совсем нет.

Теперь Дун решил, что в этих «Правилах» нет ничего интересного. Ей не хотелось, чтобы он оказался прав. И она не верила, что он прав. Хотя она уже не понимала, чему верить. В голове у нее как будто уже не мысли, а какой-то спутанный клубок старых ниток. Нужно поговорить с кем-нибудь мудрым и рассудительным, с кем-то, кто поможет ей расставить все по своим местам. И Лина отправилась на Гринхауз-стрит.

Хотя было уже почти шесть вечера, она застала Клэри в ее мастерской, в дальнем конце теплицы номер один. Это была крошечная комнатуха, доверху забитая разными нужными вещами. Горшки и садовые совки громоздились на высоком верстаке в углу. На стене над верстаком висели полки, на которых стояли банки с семенами, коробки со шпагатом и проволокой, пузырьки с какими-то порошками. Валкий письменный стол Клэри был покрыт обрывками бумаги, исписанными ее аккуратным округлым почерком. Два колченогих стула стояли у стола. Лина села напротив Клэри.

— Мне надо рассказать тебе кое-что очень важное, — сказала она. — И это секрет.

— Хорошо, — ответила Клэри просто. — Я умею хранить секреты.

На ней была заплатанная рубашка, когда-то голубая, но давно уже ставшая бледно-серой. Короткие каштановые волосы она заправила за уши, и справа в них запутался обрывок зеленого листочка. Ее руки надежно покоились на столе. Вся она казалась такой основательной.

— Во-первых, — начала Лина, — я нашла «Правила». Но, к сожалению, Поппи успела почти все съесть.

— Правила? — переспросила Клэри. — Я что-то не совсем понимаю.

Лина объяснила. Она рассказала обо всем: как она показала инструкции Дуну, и как они вместе пытались их расшифровать, и как Дун исследовал Трубы и нашел там дверь, и что он увидел, когда открыл эту дверь.

Клэри хмыкнула и покачала головой.

— Плохо все это, — сказала она. — И очень грустно к тому же. Я помню, как мэр Коул только начинал работать. Он всегда был глуповат, но не всегда был плохим человеком. Жаль, что со временем дурные черты его характера, по-видимому, одержали верх. — Темные глаза Клэри, казалось, стали еще глубже и печальнее. — В Эмбере так много темноты, Лина, — продолжала она. — И не только во круг, но и внутри нас. У каждого из нас есть немного мрака внутри. И этот мрак вечно голоден. Он хочет сожрать тебя изнутри, и чем больше ты ему позволяешь, тем более свирепым он становится.

Лина знала это чувство. Она испытала нечто подобное, склоняясь над цветными карандашами в лавке Лупера. Ей вдруг стало жалко мэра Коула. Он так голоден, что уже никогда не сможет насытиться. Голод стал сильнее его. Голод заставил его забыть обо всем остальном.

Клэри вздохнула, и несколько бумажек на столе затрепетали. Она поправила волосы, нащупала листочек и сняла его. Потом сказала:

— Насчет этих правил...

— Да-да, — встрепенулась Лина. — Может быть, они важные, а может, и нет. Я уже ничего не понимаю.

— Я хотела бы взглянуть на них, если можно.

— Конечно же можно, но для этого тебе придется пойти ко мне.

— Давай пойдем прямо сейчас, если это удобно? — предложила Клэри. — До того, как погасят свет, еще полно времени.

Лина провела Клэри в свою новую спальню в доме миссис Мердо.

— Очень мило, — сказала Клэри, с интересом оглядывая комнату. — О, и, как я погляжу, у нас уже есть побег.

— Что? — переспросила Лина.

— Твоя фасолина проросла, — пояснила Клэри, указывая на цветочный горшочек на подоконнике.

Лина склонилась над горшком. Не было никакого сомнения, что земля в нем немного вспучилась. Лина осторожно очистила землю и обнаружила бледно-зеленую петельку, похожую на чью-то согнутую шею, словно

некое существо, скрытое в фасолине, пыталось вырваться из земли, но пока еще не могло поднять голову. Конечно, Лина и раньше знала, что растения растут из семян. Но одно дело знать, а другое — самой посадить белый боб в сырую землю, почти забыть о нем, а теперь увидеть, как он пробивает себе путь к свету...

— Она сделала это! — воскликнула Лина. — Она оживает!

Клэри, улыбнувшись, кивнула:

— До сих пор меня это поражает. Всякий раз, когда я это вижу.

Лина достала «Правила», и Клэри уселась за стол и стала изучать их. Она довольно долго водила пальцем по строчкам, бормотала обрывки слов и наконец сказала:

— Мне кажется, что пока ты все правильно разгадала. Я тоже думаю, что «рубо овод» значит «трубопроводы». А «ерег еки» — «берег реки». Потом вот здесь «ступ воды». Что это за «ступ», хотела бы я знать? Уступ?

— Может быть, — сказала Лина.

— Или, может, это значит «ступени»? Какие-то ступени, которые ведут, скажем, «к поверхности воды»?

— Нет, этого быть не может. Берег отвесно обрывается в воду, как стена. Никаких ступеней там нет. К реке нельзя подойти, в нее можно только упасть. — Лина представила себе стремительно несущуюся черную воду и поежилась.

— Что же это за слово? — ломала голову Клэри. — Если не «ступени», то что же? Выступ? Заступник? К чему здесь это? Бессмыслица.

Лина окончательно убедилась, что Клэри умеет разгадывать головоломки ничуть не лучше ее самой. Она горестно вздохнула и села на кровать.

— Это безнадежно, — сказала она. Клэри резко выпрямилась:

— Не говори так. Ничто в жизни не вселяло в меня такой надежды, как эта рваная бумага. Ты догадываешься, что это за слово? — Она ткнула пальцем в буквы «ЭВА» в заголовке документа.

— Я думаю, чье-то имя. Может быть, эта бумага называется «Правила для Эванса», или «для Эварда», или... Словом, для какого-то человека.

— Сомневаюсь, — сказала Клэри. — Я думаю, что это начало старинного слова «эвакуация». Знаешь, что оно означает?

— Нет, — удивленно протянула Лина.

— Оно означает спасение. Оно означает выход. Способ покинуть Эмбер. Подлинное название этого документа — «Правила эвакуации».

Когда Клэри ушла, до выключения света оставалось еще больше часа. Лина побежала через весь город на Грингейт-сквер. Она заглянула в

витрину мелочной лавочки. Отец Дуна стоял спиной к витрине и доставал что-то с полки. Она взлетела по лестнице и забарабанила в дверь квартиры. Внутри послышались быстрые шаги, и Дун распахнул дверь.

— Я должна показать тебе кое-что, — выпалила запыхавшаяся Лина.

— Входи.

Пробравшись между ящиками и корзинами, Лина подошла поближе к настольной лампе и вытащила из кармана клочок бумаги, на котором было написано «ЭВА».

— Посмотри-ка на это, — сказала она.

— Это же название твоих «Правил», — узнал Дун. — Чье-то имя, так?

— Нет, — сказала Лина. — Это не имя. Это старинное слово «эвакуация». Я показывала бумагу Клэри, а она знает это слово. Оно означает «спасение».

— Спасение? — воскликнул Дун.

— Да! Спасение! Выход из города. Это правила побега из Эмбера!

— Так этот выход и вправду существует? — не мог поверить Дун.

— Существует. Нам надо расшифровать остальное. Или, во всяком случае, как можно больше. Идем прямо сейчас ко мне?

Дун схватил свою куртку, и они побежали.

— Итак, — сказала Лина. Они сидели на полу в зелено-голубой комнате миссис Мердо. — Давай начнем прямо с пункта номер один. — Она медленно прочитала обрывки слов, ведя вдоль строки пальцем:

1. следуй ерег еки, рубо овод

— Мы уже знаем, что «рубо овод» означает «трубопроводы». А «следуй» может означать и «преследуй», и «последуй», и... «обследуй»? «Обследуйте берег реки»?

— Между словами «реки» и «трубопровод» очень большое расстояние, — перебил Дун. — Там должны быть еще какие-то слова.

— Но как нам узнать какие? — Лина нетерпеливо откинула со лба прядь волос. — Ладно, пошли дальше. Пункт номер два:

2. мень пометкой «Э»

Лина ткнула пальцем в буквы «мень»:

— Что бы это могло значить?

— Может быть, «меньше»? — размышлял Дун. — Или «ремень»? Или...

— А может, это значит «камень»? — предположила Лина. — У вас же там в туннелях кругом одни камни.

Дун был вынужден признать, что в этом есть резон.

— Значит, — сказал он, — речь идет о каком-то камне, помеченном буквой «Э»... — Он внимательно взгляделся в последние три отрыв ка. — Камень, помеченный буквой «Э», находится где-то на берегу реки?

Они в восторге переглянулись.

— «Э» значит «эвакуация»! «Э» значит «спасение»! — воскликнула Лина.

Они снова склонились над бумагой.

— Следующая строчка совершенно непонятна, — сказал Дун.

3. Спускай естни пример два с половиной метра вниз ступ воды

— Кроме середины: «два с половиной метра вниз».

— А, понятно: надо спуститься на два с половиной метра, и там будет «ступ воды». Что бы это могло значить? — Дун сел на корточки и уставился в потолок, как будто надеялся увидеть там ответ.

— Ступ воды, ступ воды, — бормотала Лина. Внезапно она вспомнила одну из догадок Клэри. — Может быть, это «выступ»? — воскликнула она. — Или «уступ»? Берег реки только кажется отвесным, но на самом деле где-то у самой воды может быть выступ.

— Да, наверное, он прямо под камнем с буквой «Э». Я думаю, мы на правильном пути.

Они снова склонились над документом, голова к голове.

— Давай дальше, — сказал Дун. — Пункт четыре.

4. Поверни иной кр дверь слодкой. Кл маленьк стальной ласти права от зьмите юч, отопри

— «Дверь», — сказала Лина. — Наверное, эта дверь где-то рядом с выступом? Может такое быть?

— Опять этот «маленький стальной ластик»? Стальной ластик? При чем тут вообще ластик?

— Смотри-ка, смотри. — Лина нетерпеливо ткнула в бумагу. — Видишь, вот здесь написано «кл», а вот здесь еще раз «юч». Речь явно идет о каком-то ключе.

— А куда же может вести эта дверь? — спросил Дун, откинувшись

назад и разминая затекшую ногу. — Если она проделана прямо в береге реки, она должна вести под Трубы.

Лина обдумала это соображение:

— А может быть, она ведет в какой-нибудь длинный туннель, который проходит под Эмбером, а потом поднимается все выше и выше, пока не приведет в другой город.

— Какой еще другой город? — Дун поднял глаза и обвел взглядом рисунки, развешанные по стенам. — А, — произнес он, — ты имеешь в виду этот город!

— А почему бы и нет? Дун пожал плечами:

— Не знаю. Может, этот другой город как две капли воды похож на наш.

Это была неприятная мысль. Оба почувствовали, что у них испортилось от нее настроение. Они постарались отогнать ее и снова сосредоточились на расшифровке.

— Следующая строчка, — сказала Лина.

Но Дун снова поджал под себя ноги и мечтательно смотрел в пространство, улыбаясь своим мыслям.

— У меня есть идея, — сказал он. — Если мы действительно найдем выход из города, мы должны будем объявить об этом публично. Почему бы не сделать это в День песни? Представляешь, встать перед всеми и рассказать, что мы нашли!

— Да, это было бы здорово, — согласилась Лина. — Но ведь осталось всего два дня.

— Что ж, значит, нам надо поторопиться. Они снова склонились над бумагой, но тут Дун вспомнил о часах. Было уже без четверти девять, он едва успевал засветло добраться до дома.

— Приходи завтра снова, — попросила его Лина. — А когда будешь на работе, ищи камень, помеченный буквой «Э».

В ту ночь Дун никак не мог заснуть. Он извертелся в постели, которая, казалось, превратилась в сплошные бугры и провалы и к тому же ужасно скрипела каждый раз, когда он поворачивался. В конце концов скрип разбудил отца, который пришел в темноте в комнату Дуна и спросил:

— Что случилось, сынок? Кошмар приснился?

— Да нет, — сказал Дун. — Просто не спится что-то.

— Тебя что-то тревожит? Чего-то боишься?

Дун мог бы ответить: «Да, отец. Меня тревожит, что наш мэр присваивает вещи, в которых нуждаются все остальные. Да, я боюсь, что в один прекрасный день свет погаснет навсегда. Почти постоянно меня

гнетут тревога и страх, но в последнее время я полон надежд, потому что я думаю, что выход есть и что мы с Линой Мэйфлит, может быть, сможем его найти. И вот я прокручиваю все это в голове и поэтому никак не могу заснуть».

Он мог бы рассказать своему отцу все, что угодно. Отец подошел бы к делу с великим энтузиазмом. Он помог бы им расшифровать «Правила» и изобличить мэра; он, наверное, даже спустился бы с ним в трубопроводы и помог отыскать камень, помеченный буквой «Э». Но Дун не хотел ни с кем делиться. Завтра стражи объявят на площади, что один бдительный молодой человек раскрыл преступление, совершенное мэром, и отец Дуна, слушая это объявление вместе со всеми остальными горожанами, обернется к соседу и скажет: «Это о моем сыне они говорят! О моем сыне!»

Так что на вопрос отца он ответил просто:

— Нет, папа, я в порядке.

— Что ж, тогда попробуй полежать тихонько, и заснешь, — посоветовал отец, закрывая дверь. — Спокойной ночи, сынок.

Дун до самого подбородка укутался в одеяло и закрыл глаза, но все еще не мог заснуть.

Тогда он решил испробовать способ, который часто ему помогал. Он выбирал какое-нибудь место, которое хорошо знал, — например, школу — и представлял себе, как идет по ней, видя классы и коридоры в мельчайших деталях. Иногда его мысли рассеивались, но он усилием воли снова и снова заставлял себя вернуться к воображаемой прогулке и довольно быстро уставал и засыпал. На этот раз он попытался представить туннели, которые он так тщательно исследовал. Он воображал со всей ясностью, на которую был способен, все, что видел в своих подземных владениях: длинную лестницу, трубы, дверь, тропу вдоль реки, скалы вдоль тропы. Он почувствовал, как сон подбирается все ближе, конечности его налились тяжестью, но в ту секунду, когда он уже готов был провалиться в сон, он вдруг увидел мысленным взором складчатые скалы на западной границе Труб — скалы, чьи прихотливые гребни и морщины всегда напоминали ему какую-то тайнопись. Сна как не бывало, и Дун оставил попытки забыться и пролежал остаток ночи с открытыми глазами и с сильно бьющимся сердцем.

ГЛАВА 14

Путь наружу

На следующий день была назначена последняя репетиция перед Днем песни. Все уходили с работы уже в полдень, чтобы вволю порепетировать с друзьями перед праздником. С самого утра у Лины не было ни одного клиента. Зато у нее было много свободного времени, чтобы посидеть на лавочке у диспетчерской и подумать. Опершись локтями на колени и положив подбородок на ладони, она пристально разглядывала мостовую, отшлифованную множеством ног. Она думала о мэре: вот он сидит там один в своей кладовке, набитой награбленным, обжирается персиками и спаржей, облачает свое тучное тело в новые элегантные одежды. А его запасы электрических лампочек? Она покачала головой. О чем он вообще думал? Неужели ему доставило бы удовольствие сидеть одному в ярко освещенной комнате, когда у всех остальных в Эмбере лампочки кончатся и город утонет в темноте? А когда электричество испортится окончательно, эти лампочки окажутся совершенно бесполезными. Все богатства мэра не могли спасти его — как же он этого не понимал? А может быть, он, как и Лупер, полагал, что все равно городу скоро конец, так почему бы не пожить в свое удовольствие, пока можно?

Она снова откинулась на спинку скамейки, вытянула ноги и вздохнула. Вот-вот стражи ворвутся в потайную кладовую и схватят мэра, который как раз в это время набивает себе брюхо краденым добром. А может, уже схватили. Может быть, уже сегодня придет ошеломляющая новость: мэр арестован! Арестован за ограбление граждан! Наверное, это заявление сделают в День песни, так чтобы каждый мог его услышать.

Время шло к двенадцати дня, а ни один человек так и не поручил ей доставить сообщение. Подождав еще немного, Лина решила, что с работой на этот раз можно закругляться. Она вытащила из кармана копию «Правил», которую сделала еще тогда, когда писала письмо мэру, развернула листок и начала изучать его.

Этим она и занималась, когда, незадолго до полудня, услышала шаги. Подняв глаза, она увидела Дуна. Он, должно быть, явился прямо из Труб — на одной штанине у него темнело большое мокрое пятно.

— Я везде тебя искал! — выпалил он. — Я нашел ее!

— Кого?

— Букву «Э»! Во всяком случае, это очень похоже на букву «Э». Это должна быть буква «Э», хотя, если ее специально не искать, ни за что не поймешь, что это она.

— Ты имеешь в виду камень, помеченный буквой «Э»? В Трубах?!

— Да, да, я нашел его! — Дун тяжело дышал, глаза его сияли. — Я и раньше его видел, но никак не думал, что это буква «Э». Думал, это просто какая-то загогулина в скале, похожая на букву. Там много таких скал, которые словно покрыты надписями.

— Каких скал? Где это? — спрашивала Лина, пританцовывая от волнения.

— Там, на западе, у самого конца реки. Недалеко от того места, где река исчезает в пропасти. — Он помолчал, пытаясь отдышаться. — Послушай, — продолжал он минуту спустя, — давай пойдем туда прямо сейчас?

— Прямо сейчас?

— Да, потому что сегодня репетиция. Все ушли домой, вход в туннели заперт, и внизу никого нет.

— А как же мы туда попадем, если все заперто?

Ухмыльнувшись, Дун вытянул из кармана куртки большой ключ.

— Я зашел в контору и взял на время запасной ключ. Листер — директор Управления — заперся в душе и пел там во всю глотку, репетировал. Он не заметит, что ключа нет. А завтра вообще никого не будет на работе. — Он сделал нетерпеливое движение: — Так пойдем же!

Городские часы начали бить двенадцать. Лина сунула копию в карман.

— Пошли.

В Управлении трубопроводов было пустынно и тихо. В раздевалке стояли ряды резиновых ботов и покачивались на крючках плащи. Они не стали надевать их: ведь они направлялись туда, где наверняка не будет капающей сверху воды и ржавых луж под ногами.

Они спустились по длинной лестнице и вышли в главную галерею. Тропа тянулась по обрыву над грохочущей рекой, и на темной поверхности воды играли отблески фонарей.

Дун повел Лину вдоль берега реки к тому месту, где громоздились причудливые скалы, о которых он рассказывал. Изрезанные, складчатые, они напоминали лица дряхлых стариков. Чуть дальше темнел провал, в котором с ревом исчезала река.

Дун опустил на колени рядом с грудой камней и провел пальцем по изъеденной поверхности одного из них.

— Иди-ка сюда, — крикнул он. Река так ревела, что им приходилось

кричать, чтобы услышать друг друга.

Лина наклонилась и всмотрелась в глубокие складки, покрывавшие камень. Сначала букву «Э» было довольно трудно распознать, потому что вокруг нее вилась целая паутина других линий. Кроме того, Лина ожидала, что это будет письменное «Э», мягкое и круглое, но буква оказалась печатной. Во всяком случае, не было никаких сомнений, что это не игра природы, а дело рук человеческих: буква была размещена точно в центре камня, а линии были прочерчены глубоко и уверенно.

— Значит, отсюда мы должны смотреть вниз на реку и искать какой-то уступ, — прокричал Дун. — Помнишь, в «Правилах» — «два с половиной метра вниз к ступ воды»?

Он лег на живот рядом с камнем, осторожно подполз вперед и высунул голову над отвесным обрывом берега. Лина со страхом смотрела на него. Локти Дуна торчали по бокам, а головы совсем не было видно. Несколько долгих мгновений он лежал неподвижно, а потом раздался его крик:

— Есть! Я вижу там что-то! — Он отполз назад и поднялся на ноги. — Теперь ты посмотри, — крикнул он Лине. — Смотри вниз на берег, точно под нами.

Лина тоже легла и осторожно подвинулась вперед, пока ее голова не повисла над обрывом. Под ней на глубине около трех метров неслась черная вода. Лина опустила голову и стала вглядываться в гладкую отвесную скалу берега, блестящую от брызг. Сначала она ничего особенного не увидела, но приглядевшись, заметила прямо под собой короткие металлические бруски, вделанные в скалу один над другим. Они были похожи на перекладины переносной лестницы. Так это же и есть лестница, осенило Лину. По этим ступенькам, похоже, можно спуститься к воде. Выглядело это чрезвычайно рискованно: железные прутья казались скользкими, а вода под ними неслась так ужасающе быстро. К тому же в полумраке невозможно было разобрать, есть там внизу какой-нибудь выступ или нет. Но буква «Э» была налицо, а эти прутья явно были предназначены для того, чтобы спуститься вниз. Это было правильное место.

— Кто ползет первым? — спросил Дун.

— Давай лучше ты, — поежилась Лина, встав на ноги и уступая ему место.

— Хорошо.

Дун снова лег на живот спиной к обрыву, осторожно свесил ноги и потихоньку начал сползать по скале, пытаясь нащупать ногой верхнюю ступеньку. Лина следила, как он шаг за шагом спускается. Через несколько

минут снизу донесся его голос:

— Я спустился! Теперь ты!

Лина свесила ногу и стала нащупывать ступеньку. Потом перенесла вес своего тела на эту ногу, цепляясь внезапно окоченевшими пальцами за край обрыва, сползла еще немножко и встала на ступеньку обеими ногами. Ее сердце колотилось так сильно, что она боялась, что из-за этих ударов у нее разожмутся пальцы, вцепившиеся в скалу.

Надо было идти дальше. Она нащупала ногой следующую ступеньку, опустилась на нее. В общем, спускаться было совсем не трудно, если только не думать о реке, подстерегающей внизу и готовой поглотить тебя в любую секунду.

— Ты почти на месте! — крикнул Дун откуда-то снизу и справа. Его голос, казалось, доносился прямо из скалы. — Здесь есть выступ. Еще одна ступенька, и ты его почувствуешь.

И она действительно почувствовала, что под ногой у нее не очередная ступенька, а твердый камень. Еще секунду она стояла, не в силах заставить себя разжать пальцы. Черная вода неслась всего в нескольких сантиметрах под ней. «Не думай об этом», — приказала себе Лина. Прижавшись к стене, она сделала два шага вправо, и там оказалась прямоугольная ниша, выбитая в скале и похожая на вход в туннель или вестибюль какого-то здания. Хотя ниша была около двух с половиной метров в ширину и примерно такой же высоты, ее совершенно не было заметно с берега. Увидеть ее можно было только от самой воды, спустившись по обрыву.

Они осторожно вошли в эту нишу. Из туннеля за их спиной проникало немного света, но глубину ниши трудно было оценить.

Лина взгляделась в полумрак и вдруг остановилась.

— Здесь дверь!

— Что? — не расслышал Дун.

— Дверь! — крикнула Лина во весь голос, вне себя от счастья.

— Да! — прокричал Дун в ответ. — Я вижу ее!

В конце коридора действительно была видна широкая и очень прочная с виду дверь. Она была темно-серого цвета, испещренная зеленоватыми и коричневатыми пятнами, похожими на плесень. Лина положила на нее ладонь. Это был металл, и он был холодный. Ручка у двери тоже была металлическая, а прямо под ней зияла замочная скважина.

Лина извлекла из кармана своих штанов копию «Правил» и развернула ее. Дун заглянул ей через плечо. Прищурившись, они пытались разобрать буквы в тусклом свете, льющемся от реки.

— Вот тут написано про это место, прямо здесь, — сказал Дун, ткнув в

бумагу.

3. Спускай естни пример два с половиной метра вниз ступ воды

4. Поверни иной к р дверь с лодкой. Кл маленьк стальной ласти права от зьмите юч, отопри

Лина провела пальцем вдоль третьей строки головоломки:

— Это должно значить «Спускайтесь по лестнице примерно на два с половиной метра вниз к выступу — что-то такое — воды». Может быть, «у самой воды»? Хорошо, так или иначе, это мы уже сделали. Теперь пункт четвертый: «Повернитесь спиной к реке — что-то такое — дверь — что-то такое — с лодкой». С какой еще лодкой? Ладно, поехали дальше: тут явно слово «ключ». И опять этот «маленький стальной ласти»... Ты видишь там что-нибудь похожее на ластик?

Дун внимательно изучал листок.

— Пока нет. Но тут написано «справ». Давай поищем справа от двери.

И они довольно легко нашли то, что искали. Конечно, никакого ластика тут не было, зато была маленькая стальная пластина, вмурованная в стену! Лина пробежала по ней пальцами, нащупала с одной стороны какое-то углубление, нажала — и пластина легко и бесшумно сдвинулась в сторону, словно была очень рада, что ее наконец нашли. За ней открылась маленькая ниша, а в нише на крючке висел серебряный ключ.

— «Ключ спрятан за маленькой стальной пластиной», — прошептала Лина и протянула к нему руку, но тут же отдернула ее.

— Можно я возьму? — робко спросила она Дуна. — Или хочешь ты?

— Давай уж ты, — сказал Дун.

И Лина сняла ключ с крючка, вставила его в замок, повернула, и замок послушно щелкнул. Она надавила на дверь, но ничего не произошло. Она надавила сильнее.

— Не поддается, — сказала она.

— Может быть, она открывается наружу? — подсказал Дун.

Лина потянула дверь на себя, но та по-прежнему не поддавалась.

— Ты должна открыться, — рассердилась Лина. — Мы же отперли тебя!

Она тянула, толкала, вертела дверную ручку, и вдруг дверь слегка сдвинулась, но не внутрь и не наружу, а в сторону.

— Ах, вот как она открывается! — воскликнула Лина.

Теперь она потянула ручку вбок, и сдвижная дверь со скрежетом скользнула в сторону, в щель в стене. За дверью была абсолютная темнота.

Лина была слегка разочарована: в глубине души она надеялась, что увидит за дверью залитую ярким светом дорогу. Или хоть что-нибудь. Но

тут было совершенно темно.

— Войдем? — спросила Лина. Дун кивнул.

Внутри было сыро и душно, зато гораздо тише. Лина протянула правую руку в сторону и коснулась стены. Стена была очень гладкой. Пол тоже был ровным.

— Здесь где-то должен быть выключатель, — сказала она и стала ощупывать стену возле двери, от пола до высоты своего роста и выше, куда могла дотянуться. Но выключателя не было.

Дун тем временем обыскал стену слева от двери. Тоже никакого результата.

— Ничего, — пожал он плечами в темноте.

Очень медленно, ведя рукой по стене и ощупывая ногой пол перед каждым шагом, Дун и Лина двинулись по комнате — один налево, другая направо. Очень скоро они уперлись в боковые стены и пошли вдоль них, все дальше углубляясь во мрак. Помещение было довольно узким, а его длину невозможно было определить. Оба задавали себе один и тот же вопрос: значит, им предстоит теперь двигаться в абсолютной темноте? Интересно, сколько километров?

Вдруг Лина вскрикнула. Ее нога наткнулась на что-то твердое.

— Здесь что-то лежит на полу, — сказала она.

Она встала на колени и осторожно потрогала находку. На ощупь было похоже на какой-то металлический куб размером примерно тридцать на тридцать сантиметров.

— Я думаю, это ящик. Два ящика, — уточнила она, продолжая шарить рукой в темноте.

Тем временем Дун, сделав еще один шаг во тьме, тоже на что-то налетел.

— У меня тут тоже что-то есть, — сказал он. — Но это не ящик. — Недоумевая, он ощупывал предмет. — Это что-то большое, и у него закругляется край.

— Послушай, эти ящики не очень большие, — сказала Лина. — Давай вынесем их на свет и рассмотрим как следует. Иди сюда, помоги мне.

Дун добрался в темноте до Лины и поднял один ящик. Лина взяла другой, и они вернулись в вестибюль и поставили ящики на землю. Ящики были сделаны из темно-зеленого металла, и у них были серые металлические ручки сверху и защелки сбоку. Защелки легко открылись. Лина и Дун подняли крышки и заглянули внутрь.

То, что они увидели, озадачило и разочаровало их. Ящик Лины был полон каких-то белых стержней длиной примерно двадцать пять

сантиметров. Из каждого стержня торчал короткий кусок бечевки. В ящике Дуна обнаружилось множество маленьких коробочек, завернутых в какую-то скользкую ткань. Он открыл одну из коробочек, и оказалось, что в ней лежат коротенькие палочки с ярко-синими головками. На внутренней стороне крышек обоих ящичков были наклейки. На ящике Лины было написано «СВЕЧИ», на ящике Дуна — «СПИЧКИ». Кроме того, на крышке его ящичка была прикреплена полоса какого-то грубого, рубчатого материала.

— Что значит «свечи»? — спросила Лина недоуменно.

Она взяла в руки один из белых стержней. Он был гладкий и слегка жирный на ощупь.

— А что такое «спички»? — спросил Дун. Он достал одну палочку из коробки. Синяя головка была не деревянной, а сделана из какого-то другого вещества. — Может, этим пишут? Что-то вроде карандашей? Наверное, они должны писать синим цветом.

— Какой смысл прятать здесь целый ящик крошечных синих карандашей? — спросила Лина. — Совершенно не понимаю.

Дун разглядывал маленькую палочку.

— Но я не представляю, для чего еще они могут служить, — сказал он наконец. — Попробую что-нибудь написать этой штукой.

— На чем?

Дун огляделся. Пол был слишком сырой, писать на нем было нельзя.

— Попробуй на этом, — сказала Лина и про тянула ему копию «Правил».

Он осторожно провел синим кончиком по краешку бумаги. Палочка не оставила следа. Он провел палочкой по своей руке. Никакого результата.

— Может, на этом получится? — Лина указала на полоску грубого белого материала на внутренней стороне крышки.

Дун с силой провел палочкой по шершавой поверхности, и внезапно синяя головка вспыхнула. Дун вскрикнул и отбросил палочку. Она упала на пол, несколько секунд ярко горела, а потом зашипела и погасла.

Они уставились друг на друга, разинув рты от изумления. Их ноздри щекотал странный острый запах.

— Она делает огонь! — сказал Дун. — И свет!

— Дай я тоже попробую, — сказала Лина. Она достала палочку из коробки и провела ею по грубому материалу. Палочка ярко вспыхнула, но Лине удалось удержать ее. Потом огонь обжег ей пальцы, и она выпустила спичку из рук, и та упала прямо в реку.

— Огненные палочки! — сказал Дун. — Это и есть спасение Эмбера?

— Как же они могут нас спасти?! — возразила Лина. — Они такие маленькие. И так быстро прогорают.

Она поежилась. Все почему-то все время оборачивается не так, как ей представлялось. Она повертела в руках один из белых стержней:

— Ну ладно, а эти-то штуки зачем нужны? Дун в замешательстве покачал головой.

— Может быть, это что-то вроде рукояток? Может быть, эти бечевки для того, чтобы привязать к ним огненную палочку, и тогда она не обожжет пальцы? И можно будет держать ее дольше.

— Но она все равно прогорит так же быстро, — возразила Лина.

— Да, — признал Дун. — Но мне больше ничего не приходит в голову. Давай попробуем.

С немалым трудом они обмотали бечевку на конце одного из стержней вокруг огненной палочки. Лина придерживала стержень, а Дун чиркнул палочкой и поджег ее. Они смотрели, как палочка горела ярким светом и тени танцевали по стенам вокруг них. Дерево стало черным, и перегоревшая спичка скрючилась и упала на землю. Но огонь не погас: веревочка продолжала гореть сама по себе. Они смотрели на нее, а она затрещала, подымила, а потом загорелась ровным пламенем, наполняя маленькую комнату теплым сиянием.

— Это же переносной свет! — прошептал ошеломленный Дун.

Все воодушевление Лины тут же вернулось к ней.

— А теперь, — воскликнула она, — мы можем вернуться в темную комнату и посмотреть, что там еще есть!

Они вернулись к двери и снова вошли внутрь. Лина несла высоко над головой горящую свечу, и в ее мерцающем сиянии они увидели какой-то большой предмет, сделанный из серебристого металла. Они медленно обошли его, внимательно рассматривая. Он был длинный и низкий и занимал почти всю комнату. С одного конца предмет был заострен, а противоположный конец был плоским. Сверху он был открыт, и поперек него тянулись две металлические полосы, похожие на лавки, а под ними лежали две длинные палки, широкие и сплюснутые на одном конце. Снаружи к предмету были привязаны четыре крепких каната: по одному спереди и сзади и по одному с боков.

— Смотри, — сказала Лина, — на нем какая-то надпись.

Они нагнулись над заостренным концом, и Лина поднесла свечу поближе. На предмете большими черными печатными буквами было написано: «ЛОДКА».

— «Лодка», — прочел Дун. — Что все-таки значит это слово?

— Понятия не имею, — сказала Лина. — Ой, смотри, на этих палках тоже что-то написано: «ВЕСЛА».

Она снова вытащила из кармана копию «Правил» и сверилась с ней, держа ее рядом с пламенем.

— Погляди-ка, — сказала она:

5. лодка оснащенная всем необхо

— Наверное, это значит «лодка, оснащенная всем необходимым». Видимо, имеются в виду те ящики со свечами и спичками. Те перь дальше. — Лина провела пальцем по следующей строке:

6. При помо анатов спусти дку на воду. Спускайтесь вниз по

— «Анатов» — это, должно быть, «канатов», — сказала Лина. — «При помощи кана тов спустите лодку на воду. Спускайтесь вниз по...» По чему, Дун? «Спускайтесь вниз по лестнице»?

Дун помотал головой:

— Бессмыслица. Тут нет никаких лестниц, кроме той, что ведет из Труб наверх. — Он еще раз всмотрелся в листок бумаги и вдруг охнул: — Вниз по течению! — воскликнул он. — «При помощи канатов спустите лодку на воду. Спускайтесь вниз по течению». — Он поднял глаза на Лину и медленно проговорил дрогнувшим от изумления голосом: — Лодка плавает по воде. Она для того, чтоб на ней ездить.

Они смотрели друг на друга в мерцающем свете свечи, пытаясь осознать то, что им только что открылось. Никакой тропы, ведущей из Эмбера, не существует. Единственный путь из города пролегает по реке. Чтобы уйти из Эмбера, им предстоит плыть по воде.

ГЛАВА 15

Беги со всех ног

— Но послушай, здесь все же что-то не так, — сказал Дун. Они сидели на полу, привалившись к серебристому металлу лодки. — Если река — это единственный путь, то почему тогда эта лодка всего одна? В ней же поместятся не больше двух человек!

— Не знаю, — ответила Лина. — Но это действительно странно.

— Давай посмотрим, может быть, здесь есть еще лодки?

Они встали. Дун сходил в вестибюль, где остались ящики, и принес еще одну свечу. Они зажгли ее, и в комнате стало вдвое светлее. Они тут же заметили то, чего раньше не видели, — дверь в дальней стене комнаты. Теперь они знали, как открываются сдвижные двери: Дун взялся за ручку на правой стороне двери, потянул, и дверь мягко откатилась влево, и за ней тоже открылась тьма.

Они вошли. Их шаги отдавались гулким эхом: помещение было очень обширным, хотя и невысоким — они видели свод прямо у себя над головой. Свет их свечей отразился в чем-то блестящем, и когда они подошли ближе, то увидели, что комната полна серебристых лодок, точно таких же, как та, которую они нашли. Ряды за рядами уходили вдаль и терялись в темноте.

— Я думаю, здесь хватит на всех, — прошептал Дун.

Они немного побродили по хранилищу, но смотреть там было особо не на что. Все лодки были совершенно одинаковые. В каждой лежало два металлических ящика и два весла. В хранилище было холодно, и они чувствовали, что воздух здесь очень спертый. Огоньки их свечей дрожали и, казалось, готовы были потухнуть, так что они вернулись в первую комнату и задвинули за собой дверь.

— Мне кажется, — сказала Лина, — эта первая лодка — что-то вроде учебника. Эти надписи по могли нам понять, что есть что. Свечи. Спички. Лодка. Вот только зачем нужны эти весла?

Они снова подошли к воде, Лина задула свечу и защелкнула крышки ящиков. Дун тоже погасил свою свечу и сунул ее в карман куртки.

— Возьму с собой! — крикнул он. — Изучу ее потом получше. И несколько спичек захвачу.

Они отнесли ящики к лодке и задвинули дверь. Потом немного

постояли, глядя на воду у себя под ногами и наблюдая, как ниже по течению поток проваливается в черный зев пещеры и исчезает.

— Что ж, — вздохнул Дун, — вот мы и нашли.

— Мы нашли, — откликнулась Лина как зачарованная. Она до сих пор не могла поверить в это.

— А завтра, в День песни, — сказал Дун, — мы поднимемся на ступени ратуши и расскажем о нашей находке всему городу.

Когда они поднялись из Труб, было уже почти шесть часов вечера. Они никак не думали, что пробыли внизу так долго. И отец Дуна, и миссис Мердо, наверное, волнуются: куда подевались дети? Они секунду постояли под фонарем, торопливо условились о времени, когда должны встретиться завтра, чтобы подготовить свое заявление, и разбежались по домам.

Дома отец спросил Дуна, почему он так поздно пришел, и Дун солгал, что очень затянулась репетиция. Хотя его так и подмывало крикнуть: «Мы нашли путь спасения из города! Мы спасены!» Он с трудом сдержался, он не хотел испортить грядущий миг славы. Завтра, когда отец увидит Дуна на ступенях ратуши, неожиданность и гордость за сына так потрясут его, что у него ослабнут колени, и людям, стоящим рядом с ним, придется поддержать его.

А тут еще и заявление о воровстве мэра! Его, наверное, тоже огласят завтра. Дун почти забыл об этом за треволнениями, связанными с находкой лодок. Арест мэра и спасение города, и все это разом! Это будет великолепный день! Лихорадочные мысли опять не дали Дуну уснуть почти до утра.

День песни был всеобщим выходным днем. Все магазины и конторы были закрыты. Дуну не нужно было сегодня идти на работу. Его отцу тоже совершенно незачем было спускаться в лавку, но он все равно пошел. Если он не был в магазине, не возился со своим товаром, то он абсолютно не знал, чем заняться.

Дун вяло ковырялся в своем завтраке — морковные палочки и пюре из репы — и дожидался, когда отец наконец уйдет. Надо подготовиться к плаванию. Вероятно, оно начнется только через несколько дней, ведь людям нужно время, чтобы собраться, прежде чем они смогут покинуть город. Но Дун был слишком возбужден, чтобы просто так сидеть и ничего не делать.

Как только отец ушел, Дун бросился в спальню и сорвал наволочку со своей подушки. Это будет дорожный мешок. Он положил в него свечу и коробок спичек, положил ключ, взятый в Управлении, и добрый моток веревки, который нашел на мусорной свалке несколько лет назад. Положил

бутылку для воды и старинный складной нож, который подарил ему отец. Нож переходил в их семье из поколения в поколение, а Дун использовал его, чтобы подрезать свою челку, когда она отрастала слишком длинной и лезла в глаза. Положил кое-какую запасную одежду, на случай, если они промокнут, а также немного бумаги и карандаш, чтобы вести дневник путешествия. Впихнул в наволочку маленькое одеяло — вдруг в новом городе окажется холодно? — и запас еды: шесть морковок, пригоршню витаминных таблеток, несколько стручков гороха, пару грибов, завернутых в лист салата, две вареные свеклы и две репы. Этого должно хватить. Уж наверняка, когда они доберутся до цели, люди, которые там живут, покормят их. Он завязал наволочку узлом, но тут же развязал ее снова. Он ничего не забыл?

Дун стоял посреди кухни и озирался, оглядывая беспорядочные кучи домашнего хлама. Здесь не было ничего, что ему хотелось бы унести с собой. Нет, пожалуй, одна вещь все-таки была. Он вернулся в свою комнату и вытащил из-под кровати свою будущую книгу о насекомых. Пролистал ее. Белый паук. Мотылек с зигзагообразным узором на крыльшках. Пчела с желто-коричневым полосатым тельцем. Он долго вглядывался в рисунки. Какие все-таки красивые и странные существа! Крошечные волоски, миниатюрные коготки, суставчатые лапки. Не взять ли эти рисунки с собой? Может быть, там, куда они отправляются, не водятся такие животные и он никогда больше не увидит ничего подобного?

Но нет, это придется оставить — в багаже не должно быть ничего лишнего. Дун снова сунул дневник под кровать и вместо него вытащил коробку, в которой жила гусеница. Он откинул шарф, чтобы взглянуть на свою пленницу. Несколько дней назад гусеница проделала любопытную вещь: соткала из тонких нитей оболочку и завернулась в нее.

С тех пор она неподвижно висела на листе капусты. Дун внимательно наблюдал за ней. Либо она умерла, либо с ней происходят изменения, о которых он читал в одной книге в библиотеке, но в которые не мог до конца поверить: ползучее существо якобы должно было превратиться в летучее. Правда, до сих пор укутанная в кокон гусеница не подавала признаков жизни.

Но теперь Дун заметил какое-то движение. Оболочка, похожая по форме на большую витаминную таблетку, слегка изгибалась из стороны в сторону, затем успокаивалась, а потом снова начинала корчиться. Что-то толкалось в нее изнутри, и вот оболочка вдруг прорвалась, и в отверстии появилась темная пушистая головка. Дун следил затаив дыхание. За головкой показались тонкие, как волоски, лапки, энергично царапавшие и

дергавшие покров. Через несколько минут из кокона выбралось какое-то существо. «Эвакуация», — подумал Дун и улыбнулся.

У существа были крылышки. Сначала они были прижаты к тельцу, но скоро распахнулись, и Дун увидел, в кого превратилась его зеленая гусеница: на листе капусты сидела бабочка со светло-коричневыми крылышками. Дун отнес коробку на подоконник, открыл окно и высунул руку с коробкой наружу. Бабочка пошевелила своими пушистыми усиками и проползла немного вперед по листу. Несколько минут она оставалась на месте, только крылышки ее слегка трепетали, а потом вспорхнула и стала подниматься все выше и выше, пока не превратилась в бледное пятнышко на фоне черного неба.

Дун следил за ней, пока бабочка не исчезла из виду. Он понимал, что стал свидетелем чуда. Что за волшебная сила превратила гусеницу в бабочку? Даже создателям это, наверное, было бы не под силу, подумал он. По сравнению с этим волшебством электричество, которое поддерживало жизнь Эмбера, казалось ничтожным, да к тому же оно грозило в любой момент иссякнуть.

Несколько минут он стоял у окна, глядя на площадь и соображая, что еще может пригодиться в путешествии. Может быть, захватить пригоршню гвоздей? Или моток проволоки? Брать ли деньги? Может, кусок мыла?

Потом он усмехнулся и хлопнул себя по лбу. Он все время забывал, что весь город отправится в плавание вместе с ним. Если ему понадобится что-то, кто-нибудь с ним наверняка поделится.

Так что он снова завязал в узел верхушку наволочки и уже собирался закрыть окно, как вдруг увидел, что к дому подходят трое крупных мужчин в красно-коричневой униформе стражей. Они остановились, осмотрелись по сторонам, а затем один из них обратился к старой горбушке Намми Проггс, стоявшей у дверей мелочной лавки. Здоровенный страж навис над ней, а она вывернула шею вбок и исподлобья взглянула на него.

Дун ясно услышал голос стража:

— Мы разыскиваем парня по фамилии Харроу.

— А что он натворил? — спросила Намми.

— Распространение порочащих слухов, — ответил страж. — Не знаете, где он может быть?

Намми на секунду замялась, а потом сказала:

— Отправился на мусорную свалку буквально минуту назад.

Страж кивнул и сделал знак своим товарищам. Все трое быстро ушли.

Распространение порочащих слухов? Дун был так потрясен, что на минуту просто окаменел. Что они имеют в виду? Это наверняка связано с

визитом Лины и Дуна в ратушу, с тем, что они рассказали охраннику. Но почему стражи называют это «порочащими слухами»? Это же чистая правда! Дун не понимал, что происходит.

«Спасибо, Намми Проггс, вы выручили меня». Старуха, должно быть, догадалась, что ему не приходится ждать от стражей ничего хорошего. Она спасла его, по крайней мере на какое-то время.

Дун усилием воли заставил себя успокоиться и хорошенько подумать. Почему стражи решили, что они лгут? Видимо, они так и не побывали в тайнике в туннеле номер триста пятьдесят один. Иначе они бы знали, что Дун и Лина говорят правду.

А может быть, стражи — по крайней мере, некоторые из них — и так уже знали, чем занимается мэр?! Они знали, но хотели, чтобы это осталось в тайне! А почему? Ответ мог быть только один: стражам тоже доставались вещи, украденные из хранилищ.

В одну секунду страх, который он испытал, увидев стражей, сменился яростью. Знакомая горячая волна поднялась в нем, и Дун с трудом удержался от искушения зачерпнуть из отцовских ящиков пригоршню гвоздей или черепков и изо всех сил швырнуть в стену. И тут он вдруг сообразил: если стражи приходили за ним, они же придут и за Линой!

Он должен ее предупредить. Дун слетел вниз по лестнице, и ярость превратилась в силу, мощно толкавшую его вперед. Как стрела он понесся на Квиллиум-сквер.

У Лины до сих пор в ушах отдавался рев реки. Низкий мощный рокот слышался в ее душе, и она ощущала в себе ответный отклик: в ней самой жила теперь частица этой мощи. Скоро она поплывет по реке — хотя она до сих пор не могла себе представить, как это будет, — и река унесет ее в сияющий город, о котором она грезила. А может быть, и утопит. Когда-то она представляла себе путь из города в виде гладкой, пологой тропинки, но теперь эти мечты казались ей совершенно детскими. Разве путь в новый мир может быть таким легким? Она ужасно боялась плыть по воде, но одновременно страстно желала этого. Она была готова к эвакуации.

В этот вечер Лина лежала на большой ухабистой постели в красивой зелено-голубой комнате, и Поппи свернулась у нее под боком. Лина чувствовала себя здесь в полной безопасности. Миссис Мердо зашла к ним, перед тем как погасили свет, подоткнула ей одеяло, а потом присела на кровать и спела Поппи на сон грядущий смешную старинную песенку про каких-то двух веселых гусей.

— А кто такие гуси? — спросила Лина сонно, но миссис Мердо не знала этого.

— Это очень старая песня, — сказала она. — Скорее всего, это просто какая-то бессмыслица.

Она пожелала Лине спокойной ночи и ушла в гостиную, и Лина слышала, как она тихонько напевает, раздеваясь. Миссис Мердо была очень аккуратным человеком. Она никогда не оставляла свои чулки на спинке стула, а шитье — разбросанным на столе. Лина закрыла глаза.

Но мысли, роившиеся у нее в голове, не давали ей уснуть. Так много всего должно было случиться завтра — весь город будет в смятении. Люди ринутся в Трубы, чтобы увидеть лодки. Они будут кричать, смеяться и плакать, они быстро соберут свои пожитки и двинутся по улицам. Если лодок не хватит на всех, может начаться драка. Будет настоящая свалка. Надо им всем держаться поближе друг к другу — и Поппи, и миссис Мердо, и им с Дуном. И, наверное, отцу Дуна. И, конечно, Клэри. Надо будет покрепче прижать к себе Поппи, чтобы с ней ничего не случилось.

Ей показалось, что она едва успела закрыть глаза, а Поппи уже колотит ее в бок своими маленькими пятками и голосит:

— Тавать! Иглать!

Лина встала, оделась сама и одела Поппи. Миссис Мердо на кухне готовила на завтрак картофельное пюре. Как же все-таки здорово, подумала Лина, когда кто-то готовит для тебя завтрак: в кастрюле булькает вода, а на столе тебя поджидают миска с ложкой, а рядом с чашкой свекольного чая аккуратно выложена дорожка витаминных таблеток. «Я бы могла прожить здесь всю жизнь», — подумала Лина, прежде чем вспомнила, что через день или два все жители уйдут отсюда.

Внезапно кто-то забарабанил во входную дверь. Миссис Мердо вытерла руки и пошла спросить, кто там, однако и трех шагов не успела сделать, как раздался еще более громкий стук.

— Иду, иду! — крикнула миссис Мердо и открыла дверь.

За дверью стоял Дун. Его лицо было разгоряченным, он тяжело дышал. Через плечо у него был перекинут какой-то узел. Он смотрел мимо соседки прямо на Лину.

— Мне надо поговорить с тобой, — сказал он. — Прямо сейчас, только... — Он бросил смущенный взгляд на миссис Мердо.

Лина выбралась из-за стола.

— Проходи, — сказала она, распахивая перед ним дверь зелено-голубой комнаты.

Дун рассказал ей, что случилось.

— Они придут и за тобой, — говорил он, тяжело дыша. — В любую минуту. Нам надо бежать отсюда. Нам нужно спрятаться от них.

Лина с трудом понимала, что он говорит. Им угрожает опасность?! У нее ослабели ноги.

— Спрятаться? — переспросила она. — Но где?

— Мы можем спрятаться в школе — там сегодня никого не будет. Или в библиотеке. Она почти всегда открыта, даже по праздникам. — Дун нетерпеливо переминался с ноги на ногу. — Надо спешить, идем же. Они развесили объявления по всему городу!

— Объявления?

— Просят, чтобы люди сообщили им, если где-нибудь увидят нас!

Лина совершенно не могла думать: в голове у нее словно жужжал рой насекомых.

— Долго нам надо будет прятаться? Весь день?

— Я не знаю. И у нас сейчас нет времени думать об этом. Лина, они могут стоять у твоей двери в эту самую минуту!

Тревога в его голосе передалась Лине. Они выбежали обратно в гостиную. Лина быстро поцеловала Поппи и крикнула в кухню:

— До свидания, миссис Мердо! У нас неожиданно появилась срочная работа. Если кто-то будет спрашивать меня, скажите, что я скоро вернусь.

И прежде чем миссис Мердо успела что-то ответить, они уже мчались вниз по лестнице. Очутившись на улице, они побежали.

— Куда мы? — крикнула Лина.

— В школу! — крикнул в ответ Дун.

Они бежали по Грейстоун-стрит, стараясь по возможности держаться в тени. Когда они пробежали мимо обувной лавки, Лина заметила листок бумаги, белевший в витрине. Она задержалась на секунду, и у нее перехватило дыхание.

Большими черными буквами на бумаге было написано:

ДУН ХАРРОУ И ЛИНА МЭЙФЛИТ

Разыскиваются за распространение порочащих слухов. Где бы вы ни увидели их.

немедленно сообщите старшему стражу.

Не верьте тому, что они говорят.

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ГАРАНТИРУЕТСЯ.

Она сорвала объявление, скомкала его и бросила в ближайшую урну. В следующем квартале она сорвала с витрин еще два объявления, а Дун — еще одно с фонарного столба. Но объявлений было слишком много, чтобы

сорвать их все, а у них было слишком мало времени, чтобы тратить его на это.

Они побежали быстрее. В праздничный день все старались поспать подольше, и улицы были почти пусты. Тем не менее они на всякий случай побежали окольным путем, оставив в стороне Спарк-сквер, где даже сейчас могли прогуливаться горожане, миновали теплицы и повернули на Дэдлок-стрит. Когда они пересекали Найт-стрит, Лина увидела в двух кварталах впереди троих стражей, быстрым шагом направлявшихся к Грингейт-сквер. Заметили ли их охранники? Лина надеялась, что нет. Их, наверное, окликнули бы, если бы заметили.

Они добрались до школы и вошли с черного хода. Шаги отдавались эхом в пустом вестибюле. Было странно находиться здесь снова, и странно, что здесь так тихо. Вестибюль со своими восемью дверями показался Лине гораздо меньше, чем когда-то, и выглядел гораздо более потрепанным. Половицы были серые и все в царапинах, а вокруг каждой дверной ручки темнело грязное пятно, составленное из отпечатков сотен детских пальчиков.

Они вошли в класс мисс Торн и машинально уселись на свои старые места.

— Не думаю, что они будут искать нас здесь, — сказал Дун. — А если будут, мы спрячемся в шкафу с бумагой.

Дун опустил свой узел на пол рядом с собой. Какое-то время они сидели молча, стараясь отдышаться. В комнате царил полумрак — свет проникал лишь из-под шторы на окне.

— Эти объявления... — сказала наконец Лина.

— Да уж. Каждый их наверняка прочтет.

— А что они с нами сделают, если поймают?

— Понятия не имею. Что-нибудь, что помешает нам рассказать о том, что мы знаем. Посадят в арестантскую, наверное?

Лина потрогала пальцем букву «В», вырезанную на парте. Казалось, с того времени, как она сидела за этим столом, прошла целая вечность.

— Но мы же не можем прятаться здесь всю жизнь, — сказала она.

— Не можем, — ответил Дун. — Но мы должны где-то продержаться до начала праздника. А когда все соберутся на Хакен-сквер, мы выйдем вперед и расскажем про лодки и про мэра. Так ведь? Я, честно говоря, еще не придумал, как мы это сделаем. Этим утром у меня не было ни секунды свободной.

— Но там же всегда полно стражей. Они всегда стоят рядом с мэром, — подумав, сказала Лина. — Они схватят нас, не успеем мы

открыть рот.

Дун сдвинул брови:

— Ты права. Так что же нам делать? «Тупик, — подумала Лина. — Безвыходная ситуация». Она обвела безучастным взглядом предметы, которые раньше были спутниками ее повседневной жизни, — учительский стол, кипы исписанной бумаги, «Книгу города Эмбера» на специальной полке. Старые слова пронесли в ее голове: «Эмбер есть единственный остров света в мире тьмы. И нескончаемый мрак простирается во все стороны за пределами града». Теперь она знала, что это неправда. Где-то во мраке был еще какой-то остров света — остров, куда унесет их лодка.

Дун словно прочитал ее мысли. Он поднял голову и сказал:

— Нам надо уходить.

— Уходить? Куда? — спросила Лина, хотя прекрасно знала ответ.

— Туда, куда уведет нас река, — серьезно ответил Дун. Он указал на узел, валявшийся у его ног. — Я собрал все вещи сегодня утром. Я совершенно готов. И тут хватит на двоих, я уверен.

Сердце Лины сжалось.

— Значит, мы уйдем одни? И никому ничего не расскажем?

— Нет, разумеется, расскажем. — Дун вскочил, подошел к шкафу и вытащил оттуда лист бумаги. — Мы напишем письмо, в котором все объясним. И оставим это письмо кому-нибудь, кому мы можем довериться.

— Но я не могу просто взять и исчезнуть, — возразила Лина. — Как я оставлю Поппи? Брошу ее, даже не попрощавшись с ней и не зная, куда я отправляюсь и вернусь ли когда-нибудь? А ты? Как ты сможешь уйти, не простившись со своим отцом?

— Да ведь как только они найдут лодки, весь город последует за нами, — нетерпеливо сказал Дун. — Мы же не прощаемся с ними навсегда. — Он подошел к столу мисс Торн, выдвинул ящик и стал рыться в нем. — Так кому мы можем написать?

Лина не была уверена, что это хорошая идея, но она не могла придумать ничего лучше. Так что она сказала:

— Мы можем написать Клэри. Она видела «Правила». Она поверит нам. И она совсем близко живет — прямо за Торрик-сквер.

— Отлично. — Дун выудил из ящика стола карандаш. — Слушай, — сказал он, глядя прямо в глаза Лине, — это и в самом деле превосходная идея. Мы удерем от стражей и оставим письмо. И мы будем первыми, кто доберется до нового города! Мы должны быть первыми, потому что это мы нашли выход!

— Это правда. — Лина минуту подумала. — Как ты считаешь, сколько

времени пройдет, прежде чем они найдут лодки и приедут вслед за нами? Надо же кучу всего организовать. — Она стала загибать пальцы, рассчитывая, что придется сделать для подготовки эвакуации: — Клэри надо будет найти начальника Управления трубопроводов и спуститься с ним вниз, чтобы найти лодки. Потом ей надо будет сделать заявление. Потом каждому в Эмбере надо будет собраться в дорогу, спуститься к реке, вытащить лодки из того большого хранилища и погрузиться в них. Это будет настоящий хаос, Дун. Я буду нужна Поппи. — Лина представила себе толпы возбужденных, нервничающих людей и Поппи, маленькую, одинокую и потерянную в толпе.

— У Поппи есть миссис Мердо, — сказал Дун. — С ней все будет в полном порядке. Ведь миссис Мердо такая организованная.

Это тоже была правда. Мысль, не взять ли Поппи с собой, мучившая Лину, тут же исчезла. «Я думаю только о себе, — укорила себя Лина. — Мне просто жалко расставаться с Поппи. Но все это слишком опасно, не следует брать ее с собой. Миссис Мердо привезет ее через пару дней». Это решение казалось более разумным, хотя ей сразу же стало от него так грустно, что даже предвкушаемая встреча с новым городом как-то поблекла.

— А если что-нибудь пойдет не так? — спросила она.

— Да все будет в порядке, — горячо воскликнул Дун. — Лина, это отличный план, правда. Мы окажемся там раньше всех. Мы можем встретить их, когда они прибудут, мы все им там покажем! — Дун просто изнемогал от нетерпения. Его глаза горели, он даже подпрыгивал на месте.

— Ох, ну ладно, — сдалась Лина. — Давай же писать письмо.

Дун долго царапал карандашом, а потом показал письмо Лине. Там подробно объяснялось, как найти камень, помеченный буквой «Э», как войти в хранилище с лодками и даже как пользоваться свечами.

— Хорошо, — сказала Лина. — Теперь надо как-то его доставить.

Она помолчала, прислушиваясь к себе: а хватит ли у нее на все это храбрости? И решила, что хватит, хотя храбрость эта была очень сильно разбавлена страхом и волнением.

— Давай я отнесу, — сказала она, протягивая руку. — В конце концов, я же вестник. Я знаю всякие закоулки, где меня никто не заметит. — Внезапно ее осенило: — Дун, ведь Клэри, наверное, дома! Может быть, спрятаться у нее? Она поможет нам сделать заявление, и нам не придется уходить из города одним!

Дун упрямо помотал головой:

— Сомневаюсь. Она сейчас, скорее всего, готовится к празднику

вместе со своим хором. Тебе надо будет всего лишь просунуть письмо ей под дверь.

Лина почувствовала: Дун совершенно не хочет, чтобы Клэри оказалась дома. Видимо, он твердо решил уходить по реке. Дун посмотрел на часы на стене класса:

— Уже третий час. День песни начинается в три. К этому времени все соберутся на Хакен–сквер, и улицы будут совершенно пусты. Я думаю, мы сможем незаметно добраться до Управления. Давай выйдем где–то в четверть четвертого.

— Ключ у тебя? Дун кивнул.

— Тогда я отнесу письмо Клэри и сразу назад, — сказала Лина.

— Давай. И потом мы немного подождем, а в три пятнадцать пойдем.

Лина с трудом вылезла из–за тесной парты, подошла к окну, слегка отодвинула штору и выглянула в окно. На улице не было ни души. В пыльном классе стояла тишина. Она подумала об отце Дуна: он наверняка придет в бешенство, увидев имя сына на этих объявлениях. А потом еще выяснится, что Дун бесследно исчез... Она подумала, что миссис Мердо, может быть, уже видела эти объявления и, наверное, испугается, когда стражи придут искать Лину. А когда Лина не вернется ночевать, она будет просто в ужасе. О Поппи она старалась вообще не думать — это было невыносимо.

— Давай письмо. — Лина взяла лист бумаги, аккуратно сложила его и сунула в карман. — Скоро буду, — сказала она, вышла из класса и направилась через вестибюль к задней двери.

Дун стоял у окна и следил за ней. Он отодвинул штору лишь настолько, чтобы видеть Пибб–стрит. Лина бежала, выбрасывая свои длинные ноги, и ее волосы развевались на ветру. Она добежала до конца Стоунгрит–лейн, и тут из–за угла Нэк–стрит вышли двое охранников. Лина бежала прямо на них. У Дуна душа ушла в пятки.

Один из охранников бросился вперед, растопырив руки, а другой заорал так, что Дун даже за несколько улиц услышал его:

— Это она! Держи ее!

Лина среагировала моментально. Она резко отпрянула, повернула назад, снова пролетела по Пибб–стрит, повернула на Скул–стрит и в мгновение ока скрылась. Охранники с криками гнались за ней.

Дун следил за происходящим, побелев от страха. Она бежит гораздо быстрее, чем они, внушал он себе. Она обведет их вокруг пальца — она знает все укромные местечки в городе. Он замер у окна, едва дыша. Только бы они не поймали ее, молился он. Только бы не поймали.

ГЛАВА 16

День песни

Когда Лина увидела стражей и услышала их крик, она даже не успела испугаться. Она сразу побежала так быстро, как никогда еще не бегала, ее сердце бешено колотилось. Охранники гнались за ней и громко кричали, и она поняла, что если рядом окажутся их товарищи, то они тоже побегут за ней. Нужно срочно найти убежище. Она выбежала на Билболио–сквер — может быть, там есть какое–то укрытие, где она может затаиться? И вдруг она отчетливо услышала слова Дуна: «Библиотека. Она почти всегда открыта, даже в праздники». У Лины не было времени думать. Она не стала спрашивать себя, захочет ли старый библиотекарь Эдвард Покет спрятать ее. Да и есть ли вообще в библиотеке где спрятаться? Она просто взбежала по ступеням и рванула на себя дверь.

Но дверь не открылась. Лина бешено вертела ручку, она дергала и толкала дверь, и, только когда на площадь с топотом выбежали стражи, она заметила записку, приколотую к косяку: «В День песни закрыто».

Стражи были совсем близко. Если она побежит, они увидят ее. Лина вжалась в стену, надеясь, что они не заметят ее.

Но они заметили.

— Вот она! — заорал один из стражей.

Она попыталась проскочить у него под рукой, но он успел схватить ее за плечо. Она вырывалась и дралась, но тут подоспел старший страж и схватил ее за другую руку — его пальцы были как железные.

— Прекратить сопротивление! — загремел старший страж.

Лине удалось дотянуться до его жесткой бороды, и она дернула за нее изо всех сил. Старший страж зарычал от боли, однако не выпустил ее. Он рванул ее вперед, почти оторвав от земли, и вместе с другим охранником поволок ее через площадь.

— Мне больно! — кричала Лина. — Пустите! Уберите свои лапы!

— Поговори еще, — прошипел старший страж. — Разберемся, когда тебя отпускать. Будем держать, пока не приведем куда надо.

— Это еще куда? — спросила Лина с вызовом. Она так разозлилась на свое невезение, что даже забыла о страхе.

— С тобой сейчас будет говорить господин мэ́р, душечка, — сказал старший страж. — А уж он решит, как с тобой поступить.

— Но я ничего плохого не сделала!

— Распространение порочащих слухов, — отчеканил страж, — опасной клеветы, рассчитанной на провокацию общественных беспорядков!

— Это не клевета! — закричала Лина и снова попыталась вырваться, но страж схватил ее за локоть еще крепче и дал ей такого тычка, что она чуть не упала.

— Поговори еще! — снова цыкнул он, и они потащили ее дальше в угрюмом молчании.

На Хакен-сквер уже собирались люди, несколько рабочих заканчивали подготовку к празднику. Метельщики сновали по площади взад и вперед; в доме на углу Гилли-стрит какой-то человек, высунувшись из окна второго этажа, разворачивал одну из растяжек, которые всегда вывешивали в День песни, — длинную полосу красной ткани. Ткань давно выцвела, но рисунок — волнистые линии, изображающие реку, источник всей жизни города, — был по-прежнему хорошо различим и сразу вызывал в памяти «Песнь реки».

А на том углу площади, где к ней примыкает Бруд-стрит, тоже повесят растяжку — цвета темного золота и с рисунком, напоминающим решетку: «Песнь города». Еще одна растяжка украсит Оттервилл-стрит — черная как смоль и с узкой желтой полосой: «Песнь тьмы».

Стражи протащили Лину по ступеням ратуши, втокнули в широкие двери и повели через вестибюль. Перед ней открывается дверь приемной, еще один пинок напоследок — и она совершенно недостойным образом вваливается в комнату и налетает на спинку стула.

В прошлый раз она была в этой комнате в иной, гораздо более удачный день своей жизни — в первый рабочий день вестника Мэйфлит. Здесь ничего не изменилось: ветхие красные шторы, кресла с вытертой обивкой, ковер какого-то грязного цвета. Лишь портреты на стенах смотрели на нее еще более сурово, чем в тот раз.

— Садись, — буркнул старший страж и указал на маленький и очень жесткий с виду стул прямо напротив большого кресла.

Лина села. Рядом с креслом стоял маленький стол, который она помнила с прошлого раза, а на столе — фарфоровый чайник, поднос со щербатыми чашками и латунный колокольчик размером с кулак.

Старший страж вышел. Наверное, пошел искать мэра, предположила Лина. Второй страж стоял неподвижно, скрестив руки на груди. Некоторое время ничего не происходило. Лина попыталась продумать разговор с мэром, но ее голова отказывалась работать.

Наконец дверь из вестибюля отворилась, и вошел мэр Коул. Лина впервые видела его вблизи с тех пор, как доставляла ему послание от Лупера. Кажется, он еще больше расплылся. Его обрюзгшее лицо стало какого-то землистого цвета. На нем был застегнутый на одну пуговицу черный пиджак, который едва сходил на обширном брюхе.

Мэр грузно прошествовал через комнату и втиснулся в кресло, едва поместившись между подлокотниками. Минуту он пристально смотрел на Лину, и глаза его были похожи на два входа в туннели. Затем он повернулся к стражу.

— Свободен, — сказал он. — Вернешься, когда я позвоню в колокольчик.

Страж вышел. Мэр продолжал сверлить глазами Лину.

— Я почему-то не удивлен, — произнес он наконец. Затем наставил на Лину толстый палец: — С тобой и раньше были проблемы. Вечно шастаешь там, где не положено.

Лина открыла рот, чтобы возразить, но мэр поднял руку. Это была на удивление маленькая рука, с короткими пальцами, похожими на спелые стручки гороха.

— Любопытство, — продолжал мэр, — опасная черта характера. Нездоровая. Прискорбная черта, особенно у такого юного существа.

— Мне уже двенадцать, — вставила Лина.

— Молчать! — повысил голос мэр. — Сейчас я говорю.

Он слегка поерзал в кресле, пытаясь устроиться удобнее. Его потом из этого кресла и лебедкой не вытащишь, вдруг подумала Лина.

— Эмбер, как тебе известно, — продолжал мэр, — переживает временные трудности. Для их устранения представляется необходимым принять решительные меры. В подобные времена долг гражданина — проявить максимальную лояльность, неукоснительно следовать закону. В целях всеобщего блага.

Лина ничего не ответила. Она смотрела, как плоть под подбородком мэра вздымается и опадает, пока он говорит, а затем отвела глаза от этого неаппетитного зрелища и незаметно оглядела комнату. Она напряженно размышляла, но вовсе не над словами мэра.

— Обязанности мэра, — продолжал он тем временем, — эти обязанности... они... кхм... они довольно сложные. И не могут быть поняты во всей своей полноте рядовыми горожанами. И особенно детьми. Вот почему, — мэр все больше наклонялся вперед, и его толстое брюхо легло ему на колени, — вот почему определенные вещи должны оставаться скрытыми. Скрытыми от глаз общественности. Общественность пока не

готова их понять. Общественность должна сохранить веру, — говорил мэр, снова поднимая руку и назидательно указывая в потолок, — веру в то, что для ее блага будет сделано все возможное. Для ее же собственного блага.

— Бред сивой кобылы, — сказала вдруг Лина.

Мэр откинулся назад и нахмурился, его глаза превратились в темные щелочки.

— Что ты сказала? — переспросил он. — Я что-то не понял...

— Я сказала «бред сивой кобылы», — повторила Лина. — Это значит...

— Знать не хочу, что это значит! — вскричал мэр. — Не сметь! Бесстыдство только отягчит твою вину. — Он тяжело дышал, и его речь становилась все более отрывистой. — Заблудший подросток... вроде тебя... нуждается в хорошем уроке. — Его толстые пальцы вцепились в ручки кресла. — Ты же такая любопытная, — издевательски протянул он, — тебе наверняка любопытно, каково там, в арестантской? Холодно небось? Темно? Интересно, правда? — Он улыбнулся той самой улыбкой, которая так запомнилась Лине еще со Дня предназначения. Его губы растянулись и обнажили ряд мелких зубов, серые щеки собрались в складки. — У тебя есть отличная возможность узнать все это. Ты весьма близко познакомишься с арестантской. Сейчас стражи отведут тебя туда. А твой сообщник — еще один известный смутьян — присоединится к тебе, как только будет обнаружен.

Мэр отвернулся от Лины и потянулся к колокольчику на столе. Это был тот самый момент, которого Лина ждала, чтобы попытаться вырваться на свободу. Пока мэр болтал, она успела прикинуть, что у нее есть шанс, если она будет действовать быстро. И то, что случилось в следующую секунду, оказалось ей очень на руку.

Неожиданно погас свет.

На этот раз лампы не мигали — просто внезапно упала полная темнота. Хорошо еще, что Лина заранее запланировала бросок и точно знала, куда бежать. Она прыгнула вперед, сильно оттолкнув свой стул, и одновременно подцепила рукой и опрокинула чайный столик, стоявший рядом с креслом мэра. Мебель с треском повалилась на пол, фарфоровый чайник разлетелся вдребезги, грохот, звон и проклятия мэра неслись ей вслед, пока она пробиралась к двери, ведущей на крышу. Только бы она была не заперта! Она лихорадочно нащупывала дверную ручку. Хриплые стоны позади нее — мэр пытается выбраться из кресла. Она рванула ручку — дверь распахнулась настежь. Она изо всех сил захлопнула ее за собой и побежала наверх, прыгая через две ступени. Даже в кромешной тьме она ни

разу не споткнулась. Внизу в комнате неистово звонил колокольчик и ревел мэр.

Когда Лина добралась до первой лестничной площадки, к хаосу звуков внизу добавились крики стражей. Послышался треск, звук падения тяжелого тела и новый взрыв проклятий — кто-то налетел в темноте на перевернутый столик.

— Где она? — орали внизу. — Держи дверь!

Знают ли они, через какую дверь она ушла? Лина пока не слышала на лестнице погони за собой.

Добраться бы только до крыши — оттуда она сможет спрыгнуть на крышу арестантской, а оттуда на землю. Тогда, возможно, ей удастся уйти. Ее легкие были как в огне, дыхание обжигало горло, но она лезла и лезла вверх, не останавливаясь, и наконец добралась до самого верха, вырвалась на крышу и побежала по ней.

И тут свет вдруг загорелся снова — словно его отключали специально ради ее побега! «Мне везет, — успела подумать Лина, — просто невероятно везет!» Прямо перед ней громоздилась часовая башня. Лина стремительно обогнула ее. На сей раз никаких танцев на крыше.

Низкий парапет тянулся по краю плоской кровли. Она осторожно выглянула из-за него и увидела, что люди стекаются на площадь со всех сторон. Прямо под ней был вход в ратушу, и она увидела, как из дверей вылетели двое стражей и бросились вниз по ступенькам. «Отлично, побежали совсем не в ту сторону. Наверное, думают, что я попытаюсь раствориться в толпе». На какое-то мгновение она была в безопасности. Часы на башне пробили три. Над площадью поплыл торжественный звон. Начинался День песни.

Лина смотрела сверху на своих сограждан, собравшихся, чтобы спеть три великие песни города. Они молча стояли плечом к плечу, так тесно, что она видела только лица, воздетые к небу, и резкий яркий свет заливал эти лица. Люди молча ждали, когда на ступени ратуши поднимется Главный хормейстер. Это было странное молчание — словно весь город затаил дыхание. Эта тишина перед началом праздника всегда была для Лины одним из самых волнующих моментов. Она вспомнила прошлые годы, когда она стояла на площади со своими родителями — слишком маленькая, чтобы увидеть знак, который даст хормейстер, слишком маленькая, чтобы увидеть хотя бы что-нибудь, кроме чужих ног и спин, — и ждала, когда зазвучит первая нота. И каждый год в этот момент она чувствовала, как сжимается ее сердце. Волны звука вздымались вокруг нее, как вода, и

казалось, вот–вот поднимут ее над землей.

И сейчас она почувствовала то же самое. Тысячи голосов вдруг запели «Песнь города», широко и сильно. И она ощутила то же, что и много лет назад: внутренний трепет, так что покалывало под ребрами, и радость, смешанную с грустью. Глубокие, рокочущие аккорды песни заполнили площадь. Лине показалось, что она могла бы шагнуть через парапет и пойти прямо по воздуху, до такой степени он был насыщен звуком.

«Песнь города» была длинной — в ней пелось про «улицы света, стены из камня», воспевались «сердца наших граждан, отваги полны», с гордостью говорилось об «изобилии складов во веки веков» (это неправда, подумала Лина). И в конце концов песня подошла к концу. Певцы долго держали последнюю ноту, и она звучала все нежнее и мягче, а потом угасла совсем. Снова наступило молчание. Лина опять выглянула из–за парапета. Освещенные улицы, разбегающиеся во все стороны, — как хорошо она их знала! Она любила свой город, пусть он такой потертый и разваливается прямо на глазах. Она снова посмотрела на часы — десять минут четвертого. Дун, конечно, ждет ее. Видел ли он, что ее схватили? Если видел, то он, наверное, думает сейчас, должен ли он попытаться ее спасти или надо спускаться к реке одному.

Надо спешить. Но печаль лишила ее сил, словно тяжелый камень лег ей на грудь. Она уткнула лицо в ладони и сильно надавила пальцами на веки. Как она может уйти из Эмбера и оставить Поппи одну? Но ведь и с собой ее брать нельзя! Как взять ребенка в такое опасное путешествие?

Она вздрогнула, когда зазвучала «Песнь реки» — сначала низкие рокочущие мужские голоса, мрачно поющие с нарастающей мощью, потом с ними сплелись высокие женские и детские — сложная мелодия, которая, казалось, борется с течением. Лина слушала, не в силах сдвинуться с места. От этой песни ей всегда становилось как–то тревожно. Монотонный, безостановочный ритм — он будто подталкивал Лину, убеждал ее: «Давай, иди вперед, прямо сейчас!» Чем дольше она слушала, тем больше ей казалось, что река протекает прямо через нее. Довольно болезненное чувство.

А потом пришел черед «Песни тьмы» — последней из трех песен Эмбера, самой страстной и самой величественной. Вся душа города воплотилась в ней. Она вобрала в себя всю печаль и всю твердость духа обитателей города. И когда сотни голосов пели кульминацию — «Во тьме коварной и бездонной», — сам воздух, казалось, содрогается.

И в этот самый момент свет снова погас. Голоса дрогнули, но лишь на мгновение, и снова зазвучали во тьме, увереннее и сильнее, чем прежде. И

Лина тоже запела. Она встала и пела во весь голос, бросая вызов глубокому, непроглядному мраку.

Песня закончилась. Последние ноты отозвались эхом, и воцарилась ужасная тишина. Лина стояла как неживая. Вот и пришел всему конец, пронеслось в ее голове, песня и город кончились одновременно. Она вдруг ощутила каменный холод, исходящий от часовой башни позади нее. Она ждала.

И тут ей в голову пришла мысль, от которой у нее даже мурашки по спине побежали. А что, если прямо сейчас закричать в темноту: «Эй, послушайте, люди! Мы нашли дорогу, которая выведет нас из Эмбера! Это река! Мы уйдем по реке!» Ведь они с Дуном собирались объявить об этом в День песни? Вот она и сделает это. Да, но что потом? Стражи тут же бросятся на крышу и схватят ее. А люди на площади — поверят ли они ей? А вдруг они решат, что это всего лишь детские фантазии? Или все-таки поверят?

Но пока Лина колебалась, внизу послышался ропот голосов. Кто-то вскрикнул «Не двигайтесь!», кто-то пронзительно завизжал. Ропот становился все громче, со всех сторон в темноту понеслись крики. В толпе начиналась паника.

Теперь не было никакой надежды, что тебя услышат. Лина вцепилась в холодные камни часовой башни, словно смятение внизу могло сбросить ее с крыши. Она напряженно вглядывалась в темноту. В темноте ей не добраться до Труб. Свет, вернись, молила она. Пожалуйста, зажгись снова.

И тут она что-то увидела. Сначала Лина подумала, что ее обманывают глаза. Она крепко закрыла их и открыла снова. Но она по-прежнему видела ее: крошечную движущуюся точку света. Точка медленно двигалась по прямой линии. Потом повернула и снова поползла по прямой, только слегка изменив направление. Кажется, она движется куда-то в сторону Ривер-роуд. Что это такое? И вдруг Лина поняла: это был Дун. Он шел со свечой в руках в сторону Управления трубопроводов.

Ей ужасно захотелось к нему. Бежать, встретиться с ним, спуститься к реке, уплыть, найти новое место для жизни. Но она прислушалась к воплям и стонам испуганных людей на площади и представила себе там, внизу, миссис Мердо: ее толкают, пихают со всех сторон, а она в темноте крепко прижимает к себе Поппи. В одну секунду Лине стало ясно, что ей следует сделать дальше. Только бы свет загорелся, только бы эта авария не стала последней в истории Эмбера. Не отрывая глаз от крошечной точки света, упрямо пробивающейся сквозь мрак к своей цели, она снова всеми силами своего сердца и ума взмолилась: свет, вернись!

Фонари моргнули и загорелись. Сотни людей на площади разом вскрикнули. Лина стремглав подбежала к парапету и одним прыжком перемахнула на крышу арестантской. В толпе, устремившейся с площади в боковые улицы, не было видно стражей, и Лина спрыгнула на землю и влилась в людской поток. Она шла в толпе в сторону Грейстоун–стрит, стараясь никого не обгонять и вообще не выделяться. Проходя мимо стоявших у дома мусорных баков, она незаметно отделилась от толпы, присела за ними на корточки и притаилась. Ее сердце колотилось, но она чувствовала себя сильной и целеустремленной. У нее был план. Как только она увидит миссис Мердо и Поппи, идущих домой, она приведет его в действие.

ГЛАВА 17

В путь

В три часа двадцать минут Дун взял свой узел, выбрался из школы через черный ход и быстро пошел по Пибб–стрит. Он слегка нервничал: незадолго до трех часов на несколько минут погасли фонари, и он чувствовал себя не очень уверенно на улице. Тем более что до входа в Управление предстояло добираться окольным путем, по самым окраинам города, ведь стражи, скорее всего, еще искали его.

Он боялся за Лину. Он не узнает, что с ней случилось, пока не дойдет до Труб. А там уж она либо появится, либо нет. Во всяком случае, все, что он мог сделать сейчас, — это бежать, да побыстрее.

Он мчался по Нэк–стрит. Как странно выглядит безлюдный город. Без прохожих, снующих взад–вперед, улицы казались шире и темнее. Нигде никакого движения — только бегущий Дун, его тень и его отражения в витринах лавок. На Селвертон–сквер на информационном стенде он увидел объявление о розыске. Два имени — его и Лины. Наверняка все в городе уже прочли их. «Вот я и прославился, — сказал себе Дун, криво усмехнувшись. — Да только совсем не так, как я ожидал. Ничего общего с минутой славы на ступенях ратуши. Вместо того чтобы заставить отца гордиться мной, я заставил его ужасно волноваться».

Эта мысль до того поразила Дуна, что он внезапно остановился. Как же он может просто взять и исчезнуть, не сказав никому ни слова? Но уже поздно об этом думать, пути назад нет. Ах, если бы только была возможность отправить отцу весточку! И тут он вдруг понял, что возможность–то есть. Он достал из своей наволочки клочок бумаги и карандаш и нацарапал: «Отец, мы нашли выход из города — он в конце концов оказался в Трубах. Ты все подробно узнаешь завтра. Люблю тебя. Дун». Он сложил записку вчетверо, большими буквами написал сверху «Доставить Лорису Харроу» и нацепил на гвоздик на стенде. Вот! Это было лучшее, что он мог придумать. Ему хотелось надеяться, что кто–то отнесет записку отцу.

Издали до него доносились звуки пения. Он прислушался — это была «Песнь реки», самый конец.

Из–под спуда вытекающая. Слово кровь самой земли. Ты струишься, как живая, Чтобы жить и мы могли, — пропел он себе под нос. Как и любой в

Эмбере, он знал наизусть слова всех трех песен. Он негромко пел вместе с далекими певцами:

Фонари питая верно, Освещай наш милый край! И вовеки неизменно
Притекая, утекай.

Теперь по Рим–стрит и дальше на Ривер–роуд. Оставалось примерно полдороги. Певцы затянули «Песнь тьмы» — его любимую. Мощные, глубокие гармонии — даже немного жаль, что он пропустил праздник. Он пробежал по пустой Риверроуд–сквер, где на стенде криво висело еще одно объявление с его именем, и уже повернул на Норт–стрит, когда фонари опять замерцали и потухли.

Он резко остановился. Стоять тихо и ждать — такова была привычная реакция любого горожанина на отключение света. Он услышал, что певцы на секунду растерялись, несколько испуганных голосов нарушили гармонию, но потом песня снова выправилась, бросая вызов тьме. На мгновение мысли об отце, о Лине, о лодке оставили Дуна. В мире не существовало ничего, кроме мужества и бесстрашных слов песни:

Во тьме коварной и бездонной Храбро дети Эмбера стоят.
Никогда мы не сдадимся ночи темной, Наши фонари всегда горят.

Он во весь голос пел вместе со всеми в крошечной тьме. Песня кончилась, и он подождал еще немного. Несколько минут царил полная тишина, а потом очень далеко, но совершенно ясно Дун услышал крики. Похоже, началась паника. Он и сам ощущал что–то похожее на панику, его так и подмывало сорваться с места и сломя голову вслепую броситься в темноту.

Но тут его озарило: ему–то совершенно незачем ждать, когда свет снова зажжется. Ведь у него есть нечто, чего никогда не было ни у одного жителя Эмбера, — способ видеть в темноте. Он опустил на землю свой узел, развязал его и стал рыться в нем, пока не выудил свечу. Коробок спичек оказался на самом дне узла. Он чиркнул спичкой по мостовой, и огненная палочка тут же вспыхнула. Он поднес пламя к веревочке свечи, и веревочка загорелась. У него был свет. У него, единственного в городе, был свет.

Правда, света было не очень много, но достаточно, чтобы, по крайней мере, видеть мостовую непосредственно перед собой. Он медленно двинулся вдоль Потт–стрит, потом повернул налево на Норт–стрит. Эта улица упиралась прямо в Управление трубопроводов.

У подъезда никого не было. Маленькое облачко мотыльков трепетало

крылышками вокруг пламени его свечи, и это было единственное, что двигалось на Пламмер–сквер. Оставалось только ждать. Дун задул свечу — он не хотел израсходовать ее всю: неизвестно, когда свет загорится снова. Он присел на корточки, положив рядом свой узел и прислонившись к одному из больших мусорных баков. Он ждал, внимательно прислушиваясь к отдаленным звукам, и вдруг фонари мигнули, потом мигнули еще раз и зажглись.

Лины нигде не было видно. Если стражи нашли ее и схватили... Но Дун предпочитал пока об этом не думать. Он подождет еще немного. Наверняка ее задержали эти отключения, она же в это время была на улице. Отсюда не видно часовую башню, но, вероятно, четырех еще не было.

А что, если она не придет? День песни кончился, люди рассыпались по городу, и стражи, вне всякого сомнения, скоро снова начнут охотиться за ним. Дун обхватил себя руками и посильнее сжал, чтобы прекратить тошнотворную дрожь.

Если она не придет, оставалось два пути: можно остаться в городе и попытаться спасти Лину. А можно попробовать сесть в лодку одному: рано или поздно Лине удастся освободиться, и она покажет всем, где находятся лодки. Ему не нравился ни один из этих планов: он хотел спуститься по реке, и он хотел сделать это вместе с Линой.

Дун встал и поднял свой узел. Он слишком нервничал, чтобы сидеть на одном месте. Он дошел до угла Гэппери–стрит и посмотрел в обе стороны. Ни души. Он заглянул на Пламмер–стрит, подумав, что Лина, вероятно, тоже выберет окольный путь через окраины, чтобы не попасться кому–нибудь на глаза. Но и здесь никого не было. Он прошел по Саблин–стрит до самой границы города. Ни души. Надо на что–то решаться.

Он подошел к двери Управления. Думай, приказал он себе. Думай! Он даже не был уверен, что сможет совершить путешествие по реке в одиночку. Как он спустит лодку на воду? Сможет ли он хотя бы поднять ее без посторонней помощи? С другой стороны, чем он поможет Лине, если она в лапах стражей? Что он мог бы предпринять, чтобы самому при этом не попасться?

Он чувствовал себя так, словно заболевает. У него замерзли руки. Он еще раз внимательно оглядел площадь. Никого, только мотыльки вьются вокруг фонарей.

И тут на Гэппери–стрит появилась Лина. Она неслась через площадь, и он рванулся ей навстречу. Лина прижимала к груди что–то, завернутое в одеяло.

— Я пришла. Я здесь. Я еле вырвалась. — Она так запыхалась, что

едва могла говорить. — И посмотри-ка! — Она откинула край одеяла, и Дун увидел прядь пушистых каштановых волос и два испуганных круглых глаза. — Я взяла с собой Поппи.

Дун был так рад видеть Лину, что совсем не обратил внимания на то, что с ними отправляется Поппи, и рискованное путешествие становится, таким образом, еще более рискованным. Облегчение и воодушевление переполняли его. Они уходят! Они уходят!

— Отлично, — сказал он. — Пошли!

Дун отпер дверь Управления, и они пробежали мимо желтых плащей, висевших на своих крючках, и рядов резиновых ботов. Дун на секунду заскочил в контору, чтобы вернуть на место ключ, а потом они открыли дверь на лестницу и начали спускаться. Лина шагала медленно, прижимая к себе Поппи, а Поппи прильнула к ее шее, притихшая и явно понимающая, что происходит нечто странное и важное. Спустившись в главный туннель, они поспешили по тропинке на запад и скоро добрались до камня, помеченного буквой «Э».

— Как мы спустим туда Поппи? — спросил Дун.

— Я привяжу ее к себе, — ответила Лина.

Посадив Поппи на землю, она сняла кофту, а потом поддетый под нее свитер и свернула свитер в перевязь. Затем с помощью Дуна она посадила туда Поппи и завязала рукава узлом, так что малышка опиралась на них спиной и затылком, потом снова надела кофту и застегнула ее на все пуговицы.

Дун скептически осмотрел эту неуклюжую конструкцию:

— А ты сможешь так спуститься? Ты вообще дотянешься до ступеней, когда она болтается у тебя на груди?

— Смогу, не беспокойся, — ответила Лина. Теперь, когда Поппи была с ней, она снова чувствовала себя храброй и уверенной. Она сумеет сделать абсолютно все, что понадобится.

Дун спустился первым. Теперь была очередь Лины.

— Пожалуйста, сиди спокойно, Поппи, — попросила она. — Не вертись.

Поппи послушно прижалась к Лине, но спускаться с ней по лестнице все равно было нелегко. Дун был прав: Лина едва могла дотянуться до ступеней и спускалась очень медленно. Добравшись до выступа у воды, она сделала шаг в сторону, схватила протянутую руку Дуна и с глубоким вздохом облегчения шагнула в нишу.

Дун откинул стальную пластину и достал ключ. Дверь скользнула в сторону, и они вошли в комнату, где их ждала лодка. Дун вытащил свечу из

своего узла и зажег ее. Лина отвязала Поппи и посадила ее на пол подальше от выхода.

— Никуда не уходи, — сказала она. Поппи немедленно сунула в рот большой палец, а Дун и Лина принялись за работу.

Узел Дуна полетел в заостренный конец лодки: они решили, что это, наверное, передняя часть. Назад они положили ящики со свечами и спичками. Было понятно, что им там и место, они очень плотно и устойчиво встали на дно.

Но эти таинственные палки, называющиеся «весла»... Это была совершенная загадка. Лина предположила, что это оружие, предназначенное для того, чтобы отгонять какие-нибудь враждебные существа, которые могут встретиться на пути. Дун думал, что это своего рода поручни, которые надо как-то укрепить вдоль лодки, чтобы за них можно было держаться. Однако приспособить их таким образом он не смог. В конце концов они просто бросили палки на дно лодки, решив, что по ходу дела разберутся, зачем они нужны.

Дун накапал на пол немного воска и прилепил свечу, так что обе руки его оказались свободны.

— Давай посмотрим, сможем ли мы приподнять лодку, — сказал он.

Дун взялся сзади, а Лина спереди, и они подняли ее без всякого труда. Она была на удивление легкой, даже вместе с ящиками и узлом Дуна. Они снова поставили ее на пол. Теперь предстояло спустить лодку на воду, а потом самим сесть в нее.

— Мы не можем просто бросить ее в воду, — сказала Лина. — Река тут же ее утащит.

— Наверное, для этого и нужны канаты, — сказал Дун. — Помнишь, «при помощи канатов спустите лодку на воду»? Мы опустим ее, держа за канаты. И привяжем их к чему-нибудь, чтобы она не уплыла.

— К чему?

— Тут в стене должен быть крюк или что-то в этом роде.

Дун подошел к самому краю выступа, встал на колени, опустил одну руку в воду и стал ощупывать берег. Сначала под его пальцами был лишь гладкий мокрый камень, но он продолжал шарить под водой, взад и вперед, вверх и вниз. Река струилась сквозь его пальцы. И наконец он нащупал металлический стержень, вбитый в берег под водой и похожий на ступеньку, по которым они только что спустились.

— Нашел! — крикнул Дун. Он вскочил на ноги и вернулся к лодке. — Давай вытащим ее наружу, — сказал он.

Они подняли лодку и осторожно понесли ее к воде. Когда они

выходили в дверь, Поппи захныкала.

— Не плачь! — крикнула ей Лина. — Сиди на месте! Мы сейчас вернемся!

Они подтащили лодку к кромке берега и осторожно опустили ее острым концом по течению. Дун снова встал на колени, нащупывая металлический прут.

— Давай мне конец каната, — попросил он.

Какого именно? Лина на секунду задумалась, а потом сообразила, что это должен быть канат, который привязан к дальнему от реки боку лодки — этот бок окажется у берега, когда они спустят ее на воду. Она размотала канат, перебросила его через лодку и протянула конец Дуну, а он лег на живот, опустил голову над самой водой и привязал его к железному пруту. Потом поднялся на ноги, вытирая рукавом мокрое лицо.

— Теперь, — сказал Дун, — мы можем спустить ее на воду.

Из темной комнаты снова послышался плач.

— Иду! — крикнула Лина и бросилась к Поппи. Она подняла ее высоко над головой и шепнула заговорщическим голосом, которым обычно объявляла о начале какой-нибудь интересной игры: — Мы отправляемся в путешествие, Поппи! Мы отправляемся кататься, кататься по воде! Это будет весело, вот увидишь! — Она задула свечу, оставленную Дуном, и вынесла Поппи на берег.

— Мы готовы? — спросил Дун.

— Думаю, да.

«Прощай, Эмбер», — подумала Лина, и на мгновение перед ее глазами мелькнуло видение сияющего города ее грез — мелькнуло и тут же исчезло. Она совершенно не представляла себе, что ждет их впереди.

Лина посадила Поппи к стене у входа в галерею.

— Сиди здесь, — сказала она. — Пожалуйста, не двигайся с места, пока я тебе не скажу.

Поппи уселась на камень, раскинув свои пухленькие ножки, ее глаза были широко раскрыты.

Лина взялась за канат, привязанный к задней стороне лодки, Дун — за передний. Они подняли лодку и развернулись так, чтобы она нависла над водой. Лодка угрожающе раскачивалась на канатах.

— Опускай! — крикнула Лина, и канаты скользнули по их ладоням.

Лодка пошла вниз и плюхнулась в бурлящую воду. Она тут же стала биться и рваться, но узел Дуна держал крепко. Лодка ждала их.

— Я сажусь! — крикнул Дун.

Он нагнулся, схватился за край лодки одной рукой, повернулся спиной

к воде и шагнул в лодку. Лодка сильно качнулась, Дун пошатнулся, но тут же снова поймал равновесие.

— Все в порядке! — крикнул он. — Давай мне Поппи!

Лина подняла Поппи, которая, увидев дергающуюся лодку и вспененную реку, заревела и начала брыкаться. Но надежные руки Дуна были рядом, и Лина передала ему ребенка, а в следующую секунду спрыгнула сама, и всех троих сразу бросило на дно лодки, так сильно ее качнуло.

Но Дун быстро встал на колени и начал подтягивать канат, которым была привязана лодка. Подтянувшись близко к берегу, он стал распутывать узел под водой. Река плескала ему в лицо. Он дернул за узел, тот развязался, он отпустил канат — и лодка рванулась вперед.

ГЛАВА 18

Куда ведет река

Несколько секунд Лина могла видеть проносящийся мимо обрыв берега и неумолимо надвигающуюся огромную пасть провала. Потом эта пасть поглотила их, и свет туннеля остался позади. В полной темноте лодку бросало и крутило, и Лина, сидя на дне, одной рукой прижимала к себе Поппи, а другой отчаянно пыталась ухватиться за что-нибудь. Дуна бросало на нее, а ее бросало на ящички. Поппи ревела во весь голос.

— Дун! — крикнула в отчаянии Лина, и он крикнул в ответ:

— Держись! Держись!

Но рука, которой она держалась за край лодки, сорвалась, и ее стало швырять из стороны в сторону. Лина боялась, что Поппи ударится о металлическую скамейку или ребенка вырвет у нее из рук и выбросит в реку.

Лодка налетела на что-то под водой, на секунду замедлила ход, но тут же понеслась дальше. «Словно тебя проглотили, — успела подумать Лина, — словно ты в чьем-то брюхе: кругом темно, и все крутится и ревет на тысячу голосов».

Лина уже не могла понять, где ее ноги, а где — Дуна. Поппи так вцепилась ей в шею, что Лина едва могла дышать. Но темнота и скорость были страшнее всего — ужасно нестись так быстро в кромешной тьме.

Она закрыла глаза. Если им предстоит врезаться в стену или провалиться в какую-нибудь бездонную дыру, все равно уже ничего не поделаешь. Все, что оставалось, — это как можно крепче держать Поппи. Она так и делала, и прошло, казалось, очень много времени.

Но постепенно течение замедлилось, и лодку уже не бросало так сильно. Лине удалось сесть, и она почувствовала, что Дун тоже пошевелился. Поппи уже не могла плакать и только тихонько скулила. Кругом по-прежнему было темно, но Лина чувствовала над собой и по сторонам какое-то обширное пространство. Где они? Надо оглядеться.

— Дун! — позвала она. — Ты в порядке? Можешь найти свечу?

— Попробую, — откликнулся Дун, и она почувствовала, как он протискивается мимо нее в заднюю часть лодки, а потом услышала скрежет, когда Дун вытаскивал ящик из-под перекладки. — Не могу нащупать замок, — слышался в темноте его голос. — А, вот он. Так,

здесь спички, значит, свечи в том, другом.

Снова скрип и стук. Лодка накренилась, Лину качнуло вперед, Дуна тоже, и он сзади упал на нее.

— Спичку уронил! — сказал он сердито. — Погоди еще секунду, сейчас.

Снова какая-то возня сзади, и наконец вспыхнул огонек, а над ним появилось резко оттененное лицо Дуна. Он прикоснулся спичкой к свече, и свет стал более мягким и ровным.

Маленький язычок пламени бросил отблески света на стены туннеля и на блестящую поверхность воды. Лина увидела, что над ней — высокий свод, похожий на своды туннелей Эмбера, но только гораздо выше и шире. Река неспешно текла вперед, подобно широкой движущейся дороге.

— Можешь зажечь еще одну? — спросила Лина.

Дун кивнул и снова повернулся к ящикам, но лодка опять за что-то зацепилась, в лицо им плеснула вода, и свеча потухла.

Прошло довольно много времени, прежде чем Дуну удалось зажечь ее снова, и еще несколько минут, пока он зажег вторую. Он воткнул одну свечу в зазор между перекладиной-скамейкой и бортом лодки, а вторую держал в руке. Волосы упали ему на лоб, с них капала вода. Его коричневая куртка была разорвана на плече.

— Так-то лучше, — проворчал он.

Действительно, теперь стало гораздо лучше, но не только потому, что у них был свет: течение еще больше замедлилось, и лодка плыла ровно и спокойно. Лина смогла наконец отцепить ручки Поппи от своей шеи и оглядеться по сторонам. Она увидела, что туннель впереди делает поворот. Лодка вошла в этот поворот, ударилась о стену, выровнялась и поплыла быстрее.

— Дай мне тоже свечу, — попросила Лина. Дун отдал Лине свечу, которую держал в руке, и зажег еще одну. Они нашли на лодке удобные места, куда можно было воткнуть все три свечи, так что руки их теперь были свободны. Некоторое время они плыли вперед совсем медленно, а река текла так спокойно, что вода стала похожа на лист стекла.

Скоро течение совсем замедлилось, а туннель стал расширяться.

— Мы вплываем в какой-то зал, — прошептала Лина.

Высоко над ними круглился свод. Каменные колонны свисали с него, а другие колонны вздымались им навстречу из воды, отбрасывая длинные тени, которые искажались и смешивались в свете свечей, пока лодка медленно проплывала мимо. Колонны мерцали, отливая розовым, бледно-зеленым и серебром. Их причудливые бугристые формы были, казалось,

сделаны из какого-то мягкого вещества, которое внезапно застыло, — похоже на окаменевшее картофельное пюре, неожиданно сравнила Лина.

Время от времени лодка мягко ударялась в колонну и останавливалась, и тут оказалось, что загадочные весла прекрасно подходят для того, чтобы оттолкнуться от камня и продолжить путь. При помощи весел они пересекли огромный зал, и в другом его конце проход опять сужался, а течение вновь становилось быстрее. Причем намного быстрее: казалось, лодку толкает вперед чья-то могучая рука. Река снова забурлила, и брызги воды опять потушили свечи.

Лина и Дун съжились на дне, уложив между собой Поппи и прикрыв ее руками. Они стиснули зубы, зажмурили глаза, и скоро в их мире не осталось ничего, кроме рывков и бросков лодки, а их тела были способны только на одно — изо всех сил держаться и не дать сбросить себя в воду. Однажды вода загрохотала как-то особенно страшно, и лодка так резко нырнула, что их опять бросило вперед, и они чуть не вылетели в воду. Казалось, они кубарем падают с лестницы, но это продолжалось всего несколько секунд, а потом они поплыли вперед, как и раньше.

Лина потеряла счет времени. Но скоро — через несколько минут? через час? — течение опять замедлилось. Свечи, которые они прикрепили к лодке, давно свалились за борт, и Дун зажег новые. Они увидели, что снова находятся в большом зале. Здесь не было узловатых каменных колонн — ничего не было видно, кроме бесконечного зеркала воды, простиравшегося перед ними, насколько хватало мерцающего света свечей. Свод был гладким и не очень высоким — всего метрах в трех над их головой. Лодка покачивалась на воде, словно потеряла представление, куда плыть дальше. Оттолкнувшись веслом от стены, Дун направил ее к дальнему берегу подземного озера.

— Я не понимаю, куда дальше течет река, — сказал Дун. — А ты видишь что-нибудь?

— Нет, — сказала Лина, — может быть, туда? Вон она втекает в маленькое отверстие в стене.

И Лина показала на щель шириной около десяти сантиметров.

— Но лодка же туда не пройдет.

— Не пройдет. Щель слишком узкая.

Он подтолкнул лодку. Их тени на стене росли, пока они приближались к берегу.

— Хотю домой, — жалобно пролепетала Поппи.

— Мы уже почти приехали, — успокоила ее Лина.

— Мы никак не можем вернуться тем же путем, что приплыли, —

сказал Дун.

— Не можем. — Лина опустила пальцы в воду. Вода была такая холодная, что у нее заломило руку.

— Значит, это конец? — спросил Дун. Его голос в этом замкнутом пространстве прозвучал глухо.

— Конец? — Лина вздрогнула.

— Ну, я имею в виду — конец плавания, — бодро пояснил Дун. — Наверное, мы должны выйти из лодки вон там.

Он указал на широкий уступ скалы, полого уходящий от берега в темноту. Это было единственное место, где можно было высадиться: вокруг, насколько хватало глаз, скалы отвесно обрывались в воду.

Дун подтолкнул лодку к уступу. Днище заскрежетало о камни — здесь было совсем мелко.

— Я вылезу и пойду посмотрю, есть ли там проход, — сказала Лина. — В любом случае, мне просто необходимо снова ощутить под ногами твердую почву.

Она передала Поппи Дуну и встала. Держа свечу, она перешагнула через борт лодки и ступила в мелкую ледяную воду.

Место выглядело не слишком приветливым. Уступ полого поднимался вверх, а навстречу ему опускался свод. Пройдя немного вперед, ей пришлось пригнуться. В нескольких метрах впереди путь перегораживала огромная куча каменных глыб, видимо обрушившихся откуда-то сверху. Лина медленно обошла осыпь, повернулась боком, чтобы протиснуться в узкий проход между камнями, и стала пробираться дальше, держа перед собой свечу. «Тут нельзя пройти, — думала она в отчаянии. — Мы в западне».

Но через несколько шагов она почувствовала, что снова может распрямиться, еще через несколько шагов повернула — и внезапно свеча осветила туннель с высоким сводом и гладким полом. Вдаль уходила ровная прямая тропа.

Лина дико закричала:

— Есть! Это здесь! Тут есть дорога!

Дун что-то крикнул в ответ, но она не разобрала, что именно. Она стала пробираться обратно к лодке и, выйдя на берег, снова закричала:

— Я нашла тропу! Тропу!

Дун уже вышел из лодки и стоял на берегу, держа на руках Поппи. Он осторожно посадил ее на землю, а потом они с Линой взялись за лодку, подняли ее из воды и вытащили подальше на каменный уступ. Их воодушевление передалось Поппи. Она радостно лепетала, размахивала

кулачками, словно крошечными дубинками, и топала ножками, радуясь, что вновь находится на твердой земле. Потом подобрала несколько камушков и стала бросать их в воду, отвечая ликующими воплями на каждый всплеск.

— Хочу взглянуть на тропу, — сказал Дун.

— Иди прямо, а потом обогни кучу камней, — махнула рукой Лина. — А я пока вытащу вещи из лодки.

Дун взял из ящика еще одну свечу и ушел. Лина посадила Поппи в уютный уголок между округлым валуном и небольшой нишей в скале.

— Никуда не уходи, — сказала она и стала вытаскивать из лодки узел, который принес с собой Дун.

Он был сырой, но не насквозь мокрый. Может быть, продукты не пропали. Она внезапно почувствовала, до чего голодна. Мы же не ужинали, напомнила она себе. А сейчас, наверное, глухая ночь, а может быть, даже снова утро.

Она вытащила на берег узел, потом ящики со свечами и спичками, и тут как раз вернулся Дун. Его глаза сияли, и в каждом зрачке отражался маленький огонек свечи.

— Точно, — сказал он. — Мы сделали это. — Он посмотрел куда-то ей через плечо и удивленно поднял брови: — А что это у Поппи?

Лина быстро оглянулась. В руках у ребенка было что-то темное и прямоугольное. Не камень. Скорее это было похоже на завернутую во что-то коробочку. Поппи увлеченно дергала за обертку, а потом поднесла ко рту, явно собираясь попробовать находку на зубок.

— Нельзя! — не своим голосом завопила Лина.

Испуганная Поппи уронила коробочку и заревела.

— Не плачь, миленькая, все в порядке! — сказала Лина, подбирая предмет, который чуть не изжевала Поппи. — Сейчас будем ужинать. Тише, тише, ужин уже готов. Ты же голодная, я знаю.

Лина села поближе к свече, и Поппи, хлюпая носом, уткнулась ей в колени.

Предмет был обернут в гладкую зеленоватую ткань и перевязан ремешком. Завязано было не очень старательно. Похоже, что человек, который это сделал, очень торопился. Ткань была покрыта белесыми пятнами плесени. Лина осторожно сняла ремешок. Он наполовину истлел, на конце его болталась маленькая квадратная пряжка, изъеденная ржавчиной. Лина развернула обертку.

Дун перевел дыхание.

— Это книга, — сказал он и поднес свечу по ближе.

Лина открыла коричневую обложку. Страницы были расчерчены

бледными голубыми линиями и исписаны наклонными черными буквами, совсем не такими аккуратными, как в книгах из библиотеки Эмбера. Строчки расползались и сталкивались, словно писавший чрезвычайно спешил.

Дун провел пальцем по строке:

— Тут написано: «Они сказали, что мы ухо дим... Они сказали, что мы уходим сегодня ночью».

Он поднял глаза и встретился взглядом с Линой.

— Кто уходит? Откуда? — непонимающе спросила она.

— Из Эмбера? Неужели кто-то прошел этим путем еще до нас? — недоумевал Дун.

— Или кто-то уходил из какого-то другого города?

Дун снова внимательно осмотрел книгу и пролистал страницы. Их было много.

— Давай пока спрячем ее, — сказала Лина. — Мы прочтем ее, когда найдем новый город.

Дун кивнул:

— Да, там и видно будет лучше.

И Лина снова завернула книгу и заботливо спрятала ее в узел. Они немного посидели на скальном выступе и поели. Свечи, которые они укрепили на лодке, ровно горели, и свет их был таким же уютным, как свет фонарей города. Золотые блики играли на спокойной поверхности воды.

— Я видел, как за тобой погнались стражи, — сказал Дун. — Расскажи, что случилось?

Лина рассказала.

— А Поппи? Что ты сказала миссис Мердо?

— Правду. По крайней мере, я надеюсь, что это правда. Я встретила ее, когда она возвращалась домой после праздника. Она уже видела объявления о нашем розыске и была в ужасе, но, прежде чем она успела задать мне хоть один вопрос, я сказала, что забираю Поппи. Сказала, что хочу отвести ее в безопасное место. Потому что, Дун, я кое-что вдруг поняла там, на крыше ратуши. Раньше мне казалось, что я обязана оставить Поппи, потому что с миссис Мердо она будет в безопасности. Но когда свет снова выключился, я внезапно осознала: нет ничего безопасного в Эмбере. Ни на минуту. Ни для кого. Я не могу ее оставить. Что бы ни произошло с нами дальше, это все равно лучше, чем то, что вот-вот случится там.

— И ты все это объяснила миссис Мердо?

— Нет. Я ужасно торопилась встретиться с тобой в Трубах и понимала, что мне нужно успеть добраться туда, пока на улицах толпы народу и

стражам будет труднее меня заметить. Я просто сказала, что должна отвести Поппи в безопасное место. Миссис Мердо отдала ее мне, но стала говорить что-то вроде: «Куда ты?» и «Зачем это?». Но я ответила: «Вы все поймете через несколько дней. Все будет в порядке». И убежала.

— Но перед этим ты ведь отдала ей письмо, да? — уточнил Дун. — Письмо, которое мы собирались передать Клэри?

— Ой! — Лина уставилась на Дуна, потрясенная. — Письмо Клэри! — Она сунула руку в карман и вытащила измятый листок бумаги. — Я совершенно забыла про него! Все, о чем я думала, — это как забрать Поппи и добраться до тебя.

— Значит... никто не знает о комнате с лодками?

Лина молча помотала головой, на глаза у нее навернулись слезы.

— Мы можем вернуться, чтобы рассказать им?

— Нет.

— Дун, — начала Лина. — Если бы мы сказали людям сразу, хотя бы кому-нибудь... если бы мы не навывдумывали всей этой чепухи про всякие грандиозные заявления в День песни...

— Знаю, знаю, — перебил Дун. — Но мы этого не сделали, и точка. Мы никому ничего не рассказали, и никто ни о чем не знает. Правда, я оставил записку отцу. — И он рассказал Лине, как впопыхах нацарапал сообщение и нацепил его на стенд на Селвертон-сквер. — Я написал, что мы нашли выход из Эмбера и что этот выход находится в Трубах. Но от этого, конечно, не очень-то много толку, — заключил он угрюмо.

— Клэри видела «Правила», — сказала Лина. — Она знает, что речь идет об эвакуации. Может быть, она найдет выход.

— Может быть. А может быть, и нет.

Так или иначе, поделаться ничего было нельзя. Они запихнули остатки еды обратно в наволочку Дуна и подготовились к трудной дороге. Веревку, которая нашлась в узле, Лина приспособила, чтобы сделать перевязь для Поппи. Она обмотала один конец вокруг талии ребенка, а другой — вокруг своей. Лина набила карманы коробками спичек, а Дун запихнул в свой узел оставшиеся свечи — на случай, если они придут в новый город ночью. Он набрал в свою бутылку речной воды, зажег одну свечу для себя и другую для Лины, и наконец они повернулись спиной к реке и лодке и стали подниматься по пологому уступу к каменной осыпи.

ГЛАВА 19

Мир света

Когда они протискивались к тропе через каменный завал, Дун заметил, что свет свечи отражается от чего-то блестящего. Он остановился посмотреть и окликнул Лину, которая шла в нескольких шагах впереди.

— Здесь какое-то объявление!

К камню была привинчена застекленная табличка в рамке. Сырость просочилась под стекло, бумага слегка заплесневела, но при свете свечи они все-таки смогли прочитать:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ. БЕГЛЕЦЫ ИЗ ЭМБЕРА!

Это последний этап вашего путешествия.

Вам предстоит несколько часов подниматься в гору. Наполните ваши бутылки водой из реки.

Желаем удачи!

Создатели

— Они ждут нас! — воскликнула Лина.

— Слушай, это написано очень давно, — заметил Дун. — Люди, которые это написали, уже мертвы.

— Ну и что ж? Они ведь пожелали нам удачи, и мне кажется, что это все равно, как если бы они и сейчас нам помогали.

— Это правда. И может быть, их прапра-правнуки встретят нас там, куда мы идем, — сказал Дун.

Приободренные, они вышли на тропу. Свечи горели очень слабо, но они все же могли видеть, что она довольно широкая, а свод над их головами высокий.

Дорога, казалось, была проложена в расчете на большую группу людей. В некоторых местах камень прорезала глубокая колея, как будто здесь долго таскали какие-то тележки с грузом. Пройдя немного, они начали понимать, что двигаются длинными зигзагами. Тропа сначала поднималась в одном направлении, а потом резко поворачивала в противоположном, продолжая при этом подниматься.

Чем дальше они шли, тем меньше разговаривали: тропа упорно поднималась вверх, и воздуха в легких хватало только на то, чтобы дышать. Единственный звук, который они слышали, был звук их шагов. Лина и Дун по очереди несли на спине Поппи — она очень быстро уставала, когда шла

сама, и начинала проситься на ручки. Дважды они позволяли себе короткие передышки: просто присаживались на землю, привалившись спиной к стене туннеля, и делали по глотку воды из бутылки.

— Сколько часов мы уже идем, как ты думаешь? — спросила Лина.

— Понятия не имею, — ответил Дун. — Может, два. Может, даже три. Я думаю, мы скоро должны быть на месте.

Но они по-прежнему продолжали подниматься.

Первая пара их свечей давно прогорела, прогорела и вторая. И когда прогорела до половины третья пара, Лина стала замечать, что воздух пахнет как-то по-другому. К ледяному, резкому запаху камня примешался какой-то более мягкий, нежный, очень приятный аромат. И когда они в очередной раз повернули за угол, волна воздуха, наполненного этим ароматом, пронеслась по туннелю и задула их свечи.

— Сейчас найду спичку, — проворчал Дун, но Лина остановила его:

— Нет, подожди. Посмотри-ка вперед.

Темнота, окружавшая их, уже не была такой непроглядной, как раньше. Из туннеля перед ними струился слабый свет.

— Это огни города, — прошептала Лина. Она спустила Поппи на землю. — Быстрее, Поппи!

И Поппи послушно побежала вперед, смешно перебирая ножками и стараясь держаться ближе к Лине.

Станный приятный запах чувствовался все сильнее. Еще несколько метров — и вот перед ними отверстие, похожее на большой дверной проем. Не говоря ни слова, Дун и Лина взяли за руки, а другой рукой Лина взяла ручку Поппи. Они ступили на порог и выглянули наружу.

Но никакого города они не увидели, зато увидели нечто совершенно необычное. Перед ними расстилалось такое огромное пространство, какого они и вообразить себе не могли. Оно было наполнено воздухом, который, казалось, слегка шевелился, а в бесконечном черном небе сиял серебряный круг.

Они стояли на пологом склоне, под ногами у них теперь был не голый камень: склон был покрыт чем-то мягким — какие-то стебли, в полумраке похожие на серебристые волосы, доходили им до колен. Чуть ниже на склоне можно было различить большие округлые предметы. Куда ни кинь взгляд, вокруг мягкими волнами стелились пологие холмы и в лощинах между ними лежали глубокие тени.

— Дун, смотри, еще огни! — вскрикнула Лина, указывая на небо.

Дун высоко поднял голову и увидел сотни и сотни маленьких огоньков, похожих на крупички соли, рассыпанные по бархатной черноте.

— О! — прошептал он: от красоты этого зрелища у него перехватило дыхание.

Они сделали несколько шагов вперед. Дун наклонился и потрогал один из стеблей, торчавших из земли. Он был ростом почти с Поппи, прохладный и гладкий. Дун ощутил на пальцах капельки влаги.

— Дыши, дыши, — сказала Лина. Широко открыв рот, она глубоко вдохнула теплый воздух. Дун сделал то же самое.

— Сладкий, — сказал он. — И как много запахов!

Серебристые стебли ласково касались их рук, пока они медленно брели по склону. Воздух оведал им лица и ерошил волосы.

— Слышишь? — спросил Дун.

Где-то неподалеку послышался стрекочущий звук. Потом он повторился еще и еще раз, словно чей-то настойчивый вопрос.

— Слышу, — ответила Лина. — А что это может быть?

— Что-то живое, мне кажется. Может быть, какое-то насекомое?

— Насекомое, которое умеет петь? — удивленно спросила Лина. На ее лице лежала серебряная тень. — Здесь так странно, Дун, и все такое огромное. Но я совсем не боюсь.

— Я тоже не боюсь. Здесь чувствуешь себя как во сне.

— Ага, точно. Может быть, поэтому все кажется таким знакомым? Может, мы уже видели все это во сне?

Они не спеша шли вперед, пока не приблизились к темным предметам, которые заметили сверху. Оказалось, что это какие-то растения, только гораздо больше тех, что росли в Эмбере. Их стебли были твердыми, как камень, и толщиной со стену дома, а сверху свисали толстые ветки со множеством крупных листьев. Они сели на склон около этих растений.

— Как ты думаешь, где тут город? — спросила Лина. — И где вообще все люди?

— Я не вижу никаких фонарей, — сказал Дун, вглядываясь в даль.

— Но может быть, с этой серебряной лампой в небе им и не нужны фонари?

Дун с сомнением покачал головой:

— Людям нужно больше света. Разве этого хватит для работы? Для того, чтобы выращивать овощи? Свет очень красивый, но для жизни его явно недостаточно.

— Но что мы будем делать, если тут нет ни города, ни людей?

— Не знаю, — сказал Дун. — Пока не знаю. Ему не хотелось думать об этом сейчас.

Ему надоело ломать голову и без конца разгадывать загадки. Сейчас он

хотел просто как следует рассмотреть новый мир, впитать его, прочувствовать его запах. А подумать обо всем можно и потом.

Лина испытывала те же чувства. Она перестала задавать вопросы, посадила Поппи себе на колени и в молчании созерцала мерцающий в серебряном свете пейзаж. Через некоторое время она вдруг заметила, что происходит нечто странное. Она точно помнила, что, когда они сели, серебряный круг находился прямо над одним из высоких растений. Но сейчас черная верхушка растения уже пересекала его. Лина не сводила глаз с круга и вскоре убедилась, что он очень медленно опускается. И вот уже круг почти скрылся за листвой, и только светлый ореол выдавал его присутствие.

— Он движется, — шепнула Лина.

— Да, — шепнул в ответ Дун.

Спустя еще некоторое время ей померещилось, что в небе, особенно с одной стороны, происходит что-то необычное. Потребовалось еще несколько минут, чтобы она смогла понять, что именно.

— Свет, — выговорила она.

— Вижу, — откликнулся Дун. — И он становится ярче.

Край неба стал серым, потом оранжевым, а потом малиновым, словно огненным. Земля под ним превратилась в черную волнистую линию. Потом небо у самого горизонта стало таким ярким, что на него едва можно было смотреть. Ослепительное пятно поднималось все выше и выше, пока не превратилось в сияющий диск, который сначала был оранжевым, потом желтым, а потом запылал таким нестерпимым светом, что им пришлось отвести глаза. Свет раскрасил все вокруг — густые стебли на склонах холма и кружевные листья, словно все оттенки зеленого цвета внезапно пролились с небес.

Они подставили лица навстречу изумительному теплу. Небо раскинулось над ними такое высокое, нежное, ярко-голубое. Лина чувствовала себя так, словно с нее сняли крышку, которой она была накрыта всю жизнь. Свет и воздух нахлынули на нее, словно одна из песен Эмбера, но только это была очень радостная песня. Она посмотрела на Дуна и увидела, что он одновременно и смеется и плачет, и вдруг почувствовала слезы на своем лице.

Вокруг них все пробуждалось к жизни. Ликующие звуки раздалились откуда-то из листвы: пение, писк, щебет, высокие пронзительные трели. «Насекомые?» — недоумевал Дун. Он с благоговейным вниманием вслушивался, пытаясь представить себе, как может выглядеть насекомое, способное издавать такие звуки? И вдруг увидел, как из купы листьев

взлетело какое-то крылатое существо, издававшее в полете чистые, нежные звуки.

— Ты это видела? — Дун схватил Лину за руку. — А вон еще одно! И вон там!

— Там! Там! Там! Там! — защебетала Поппи, вырвалась из рук Лины и закружилась по склону, радостно тыча пальчиком во все стороны.

Воздух был полон этих летающих существ. Для насекомых они были, пожалуй, крупноваты. Одно из них уселось на стебель рядом с Линой и Дуном, внимательно рассмотрело их своими сияющими черными глазами, а потом открыло рот, изогнутый и заостренный как шип, и издало мелодичную трель.

— Оно разговаривает с нами, — прошептал Дун. — Кто это может быть?

Лина только головой помотала. Существо переступило по стеблю своими лапками с маленькими коготками, взмахнуло крыльями и еще раз издало трель, а потом сорвалось в воздух и исчезло.

Они тоже вскочили и принялись исследовать окрестности. На земле было множество разных насекомых — так много, что Дун только улыбнулся в беспомощном изумлении. Цветы качали своими головками на зеленых стеблях, а у подножия холма протекал ручей. Они разошлись в разные стороны по зеленым склонам, бегали, валялись, окликавая друг друга и спеша рассказать о каждом новом своем открытии, пока, совершенно обессиленные, не упали на землю около выхода из туннеля. Решив перекусить, они развязали узел, и Лина воскликнула:

— Книга! Мы же забыли про книгу!

— Давай читаем ее вслух, пока едим, — предложил Дун.

Лина осторожно раскрыла хрупкую книжку и положила ее перед собой на землю. Одной рукой она взяла морковку, а другой вела по небрежно написанным строчкам. Вот что она прочитала.

ГЛАВА 20

Последнее письмо

Пятница

Они сказали, что мы уходим сегодня вечером. Я знала, что это случится очень скоро — наши тренировки закончились почти месяц назад, — но это все равно оказалось неожиданностью, стало настоящим шоком. Зачем я только на это согласилась? Я старуха, я слишком устала, чтобы начать жизнь сначала. Лучше бы я сказала «нет», когда они предложили мне это.

Я запихала в чемодан все, что смогла: одежду, обувь, хорошие часы с заводом, немного мыла, запасные очки. Никаких книг, сказали они, и никаких фотографий. И мы не должны никогда ни с кем говорить о мире, из которого пришли. Но этот дневник я все равно возьму с собой. Я обязана записать все, что будет происходить. Когда-нибудь кому-нибудь понадобится все это узнать.

Суббота

Я пришла на вокзал вчера вечером, как они велели, и села в поезд, на котором мне приказали ехать. Поезд шел через Спрингвэлли, и я смотрела в окно на поля и домики и говорила «прощай» милому краю, где стоял и мой дом, дом, в котором наша семья жила из поколения в поколение. Мы ехали два часа, и наконец поезд остановился на маленькой станции среди холмов. На перроне меня встретили трое мужчин в пиджаках, которые отвели меня к большому зданию и проводили вниз в просторную комнату, полную людей — все с чемоданами, почти все с сединой или совсем седые. Здесь мы ждали чего-то больше часа.

Они много-много лет разрабатывали этот план. Смысл его в том, чтобы человечество — что бы ни случилось — не исчезло с лица Земли. Кое-кто говорит, что ничего страшного не случится. Я в этом вовсе не уверена. Катастрофа кажется вполне возможной. Нас убеждают, что все будет в полном порядке, но немногие этому верят. Если все в порядке, то почему же с каждым днем дела явно идут все хуже?

И конечно, этот план — доказательство того, что они и сами

уверены: мир обречен. Все лучшие ученые и инженеры были привлечены к работе. Были приложены невероятные усилия — усилия, которые, возможно, с большей пользой можно было бы приложить где-нибудь в другом месте. Я думаю, что это неправильное решение. Но они предложили мне принять участие в проекте — может быть, потому, что я всю жизнь работала на ферме и знаю, как выращивать овощи. Несмотря на все свои сомнения, я сказала «да». Сама не знаю почему.

Нас ровно сто человек, пятьдесят мужчин и пятьдесят женщин. Каждому из нас не меньше шестидесяти лет. И еще сотня младенцев — по двое на каждую пару «родителей». Я до сих пор не знаю, кто из этих пожилых джентльменов предназначен мне. Мы все незнакомы друг с другом. Они так и планировали: они сказали, что чем меньше у нас будет общих воспоминаний, тем лучше. Они хотят, чтобы мы забыли все о нашей жизни и о тех местах, где мы жили. А дети должны вырасти без всякого знания о внешнем мире, и тогда они не будут тосковать о том, что утратили.

Я слышу какой-то шум. Кажется, привезли детей. Да, вот они: каждого несет один из них — мужчина в сером пиджаке. Как их много! И какие они маленькие! Маленькие сморщенные личики, крошечные кулачки... Я должна прерваться. Они собираются раздать их нам.

Позже

Мы снова куда-то едем, на сей раз на автобусах. Сейчас ночь. Во всяком случае, я так думаю, хотя трудно сказать наверняка: снаружи окна автобуса закрыты щитами. Они не хотят, чтобы мы знали, куда нас везут.

У меня на руках маленький ребенок — девочка. У нее ясное розовое личико и совсем нет волосиков. Стэнли, который сидит рядом со мной, держит мальчишку — у него смуглая кожа и хохолок черных волос. Стэнли и я — хранители этих детей. Наша задача — вырастить их, подготовить их к жизни в этом новом мире, куда мы направляемся. К тому времени, как им исполнится двадцать, мы уже умрем. И они останутся одни и будут сами строить свой новый мир.

Мы со Стэнли нарекли их Звездочка и Лес.

Воскресенье

Автобусы остановились, но нам пока не разрешают выйти. Я

слышу, как стрекочут сверчки, чувствую запах травы. Наверное, мы где-то за городом. Наверное, сейчас по-прежнему ночь. Я очень устала.

Что же это за место — место, которого не коснется ни одна глобальная катастрофа? Все, что мне приходит в голову, — такое место может находиться только глубоко под землей. Эта мысль приводит меня в ужас. Попробую немного поспать.

Позже

Поспать не удалось. Они попросили нас выйти из автобусов. Вокруг расстились холмы, светила полная луна. «Теперь мы пойдем вон туда, — сказали они, показывая на черную пещеру в склоне холма, на котором мы стояли. — Пожалуйста,стройтесь в колонну». Мы построились. Было очень тихо, только плакали несколько детей. Я мысленно прощалась с этим миром, другие, наверное, делали то же самое. Я наклонилась, чтобы потрогать траву, и глубоко вдохнула запах земли. Я обвела глазами серебрищиеся холмы и подумала о животных, которые бесшумно крадутся сейчас где-то в темноте или дремлют в своих логовах, о птицах, мирно спящих среди ветвей, спрятав голову под крыло. И потом я подняла глаза к луне, улыбавшейся нам из бесконечной ледяной дали. По крайней мере, луна будет здесь по-прежнему, когда вы, мои дорогие, вернетесь назад. Луна и, может быть, эти холмы.

Мы вошли в пещеру и примерно милю спускались по крутому извилистому коридору. Идти было нелегко. Мои ноги уже далеко не те, что прежде. Мы шли очень медленно. Последняя часть была самой тяжелой: скалистый крутой склон, где было легко потерять равновесие и оступиться. Внизу у берега подземного озера нас, престарелых первопроходцев, ждали моторные лодки с фонарями.

«Когда этим людям придет пора покинуть это место, они пойдут назад тем же путем?» — спросила я человека, сидевшего на руле. Его лицо показалось мне добрым. «Да», — ответил он. «Но как они у знают, куда идти? — спросила я. — Как они вообще узнают, что выход существует?» — «У них будут инструкции, — ответил рулевой. — Они не смогут воспользоваться ими, пока не наступит час. Но когда им понадобятся инструкции, они окажутся под рукой». — «А если они не найдут их? Что, если они никогда не смогут выбраться

назад?» — «Думаю, смогут. Человек ухитрится найти выход практически из безвыходных ситуаций».

Больше он ничего не сказал. Я пишу это, пока он грузит лодку. Я надеюсь, что он не заметит.

— Все, здесь конец, — сказала Лина, поднимая глаза.

— Наверное, он заметил, — сказал Дун. — Или она побоялась, что он заметит, и поэтому предпочла спрятать дневник, а не брать его с собой.

— Она, должно быть, надеялась, что кто-нибудь найдет это.

— Вот мы и нашли. Кстати, могли бы и не найти, если бы не Поппи.

— Точно. И не узнали бы, что мы родом отсюда.

Огненный круг поднялся высоко в небо, и воздух стал таким теплым, что они сняли свои куртки. Дун рассеянно ковырял пальцем землю, которая была мягкой и крошилась в руках.

— Какая же катастрофа здесь произошла? — спросил он задумчиво. — Совсем не похоже, что это место пережило катастрофу.

— Это, наверное, было очень, очень дав но, — сказала Лина. — Интересно, живут ли здесь по-прежнему люди?

Они сидели, глядя на холмы и думая о женщине, которая сделала эти записи. «Каким был ее город?» — думала Лина. Наверное, чем-то похож на Эмбер: город, который попал в беду и жители которого отчаянно ищут спасения. Умиравший город. Но ей было очень трудно представить в этом сияющем месте город, похожий на Эмбер. Как люди могли допустить, чтобы такому прекрасному миру был причинен ущерб?

— Что будем делать теперь? — спросила Лина. Она снова обернула дневник в тряпицу и положила рядом с собой. — Нам не удастся вернуться вверх по реке и позвать их сюда.

— Не удастся. Мы ни за что не сможем провести лодку против течения.

— Значит, мы здесь одни? Навсегда?

— Может быть, существует еще какой-нибудь способ попасть в Эмбер? Например, где-то есть еще одна река, которая течет в обратную сторону. У нас теперь есть свечи, мы сможем пройти в город через Неведомые области, если сумеем добраться до них.

Это было единственное, что пришло им в голову. Целый день они искали путь обратно. Под одним из выступов холма они нашли небольшую трещину, куда втекал ручей. Вода была приятной на вкус, но щель оказалась такой узкой, что туда никак не мог пролезть человек. Они долго бродили по лощинам, заросшим кустами, ползали по каким-то колючкам,

но так и не нашли ничего похожего на вход в туннель. Насекомые вились вокруг них и лезли в глаза. Руки Лины и Дуна были вымазаны в земле, а в башмаки набились мелкие камушки. Их толстые, темные, потрепанные куртки были полны колючек, и, поскольку было к тому же очень жарко, они постепенно сняли с себя почти всю одежду. Их кожа никогда еще не ощущала такого тепла, их ноздри никогда не вдыхали столь мягкого воздуха.

Когда сияющий круг поднялся в самую вершину неба, они уселись отдохнуть в тени большого растения, стоявшего на полянке. Поппи уснула, а Лина с Дуном сидели, разглядывая окрестности. Все вокруг было зеленым, самых разных оттенков зеленого, словно увеличенный до огромных размеров ковер из комнаты миссис Мердо. Далеко-далеко внизу Лина различила тонкую серую линию, которая вилась среди зелени, словно карандашный росчерк. Она показала на нее Дуну, и они начали изо всех сил всматриваться, но линия была слишком далеко, чтобы разглядеть ее отчетливо.

— Как ты думаешь, это может быть дорога? — спросила Лина.

— Вполне, — сказал Дун.

— Может быть, здесь все же есть другие люди.

— Надеюсь, — сказал Дун. — Я бы хотел о многом их расспросить.

Они все еще вглядывались в далекую серую нитку, когда услышали какой-то шорох в чащобе. Зашелестели листья. Треснул сучок. Кто-то шуршал и возился за кустами. Они замерли и затаили дыхание. Шуршание на секунду прервалось, затем снова возобновилось. Кто это? Человек? Может быть, стоит окликнуть его? Но прежде чем они сообразили, что делать, на поляну выбежало какое-то существо.

Оно было размером примерно с Поппи, но только ниже, потому что передвигалось не на двух ногах, а на четырех. У него был мех рыжего цвета и вытянутая морда с заостренными ушками. Черные глаза блестели. Существо сделало несколько шагов вперед, опустив нос к земле. Казалось, оно полностью поглощено своими делами. За ним волочился толстый, пушистый хвост.

Тут существо увидело людей и замерло.

Лина и Дун сидели абсолютно неподвижно. Существо тоже не шевелилось. Потом осторожно сделало шаг навстречу к ним, выждало, склонило голову набок, словно желая лучше рассмотреть их, потом еще шаг... Они видели, как блестит его мех, как мерцают искорки света в его глазах.

Долгую минуту они внимательно изучали друг друга, а потом

существо отвернулось и неторопливо затрусил прочь. Опустив нос в листву, устилавшую землю, оно побежало к кустам, что-то схватило, а когда оно снова подняло морду, они увидели, что существо что-то держит своими белыми зубами, что-то круглое и фиолетовое. Искоса взглянув на них в последний раз, существо прыгнуло в кусты, держа хвост трубой, и исчезло.

Лина наконец смогла перевести дыхание и взглянула на Дуна, который сидел разинув рот от изумления. Нетвердым голосом он пробормотал:

— Это была самая удивительная вещь, которую я видел за всю свою жизнь.

— Точно.

— И оно тоже видело нас, — продолжал Дун. Лина кивнула. Они оба чувствовали: их узнали. Существо было чрезвычайно странным, до сих пор им не приходилось видеть ничего подобного, и все же, когда оно смотрело на них, в его глазах мелькнула искра узнавания.

— Теперь я знаю точно, — медленно произнес Дун. — Это наш мир. Мы его часть.

Через несколько минут Поппи проснулась и закапризничала, и Лина отдала ей последние горошины из запасов Дуна.

— Как ты думаешь, что это такое было в пасти у существа? — спросила она. — Может быть, мы тоже сможем это есть? Может, это фрукт какой-нибудь? Похоже на этикетку от банки персиков, только другого цвета.

Они встали и пошли искать и скоро набрали на высокое растение, ветки которого ломились от лиловых плодов размером с маленькую свеклу, только гораздо мягче. Дун сорвал один и разрезал своим ножом. Внутри была мякоть, а в середине косточка. Красный сок потек по его пальцам. Дун осторожно лизнул их.

— Сладко, — сказал он.

— Если существо может это есть, наверное, можем и мы, — сказала Лина. — Рискнем?

И они рискнули. Никогда в жизни они не пробовали ничего вкуснее. Лина вырезала из фруктов косточки и давала ломтики Поппи. Сок тек у них по подбородку. Когда они съели по пять или шесть штук, они облизали свои липкие пальцы и снова принялись за поиски.

Они поднимались все выше по склону, пробираясь сквозь цветы, достававшие им до пояса, и почти у самой вершины набрали на какую-то выбоину в земле, словно пласт почвы осел и провалился. Они спустились в провал и в конце его увидели трещину высотой в рост человека, но гораздо

уже, чем обычная дверь. Лина боком протиснулась в трещину и обнаружила за ней узкий туннель.

— Давай сюда Поппи, — крикнула она Дуну, — и лезь сам.

Однако внутри было темно, и Дуну пришлось сбегать за свечами. В их неверном свете они крались вперед, и внезапно тропа закончилась, но не тупиком, а зияющей пустотой, так что они невольно попятились. Перед ними был отвесный обрыв такой глубины, что при одном взгляде вниз начинала кружиться голова. Пропась казалась почти такой же огромной, как мир снаружи. И на самом ее дне тускло светилось облако огней.

— Это же Эмбер! — прошептала Лина.

Они видели в неизмеримой глубине крошечные, ярко освещенные улицы, пересекающиеся под углом, площади, искорки фонарей и темные крыши домов. А вокруг царил абсолютная тьма.

— О, Дун, это наш город, — простонала Лина. — Наш Эмбер! Он, оказывается, находится на дне этой дыры! — Она смотрела в пропасть и чувствовала, что рушится вся ее картина мира. — Мы все жили под землей. — Она была готова заплакать. — Не только Трубы — весь Эмбер был под землей!

Дун стоял на четвереньках, заглядывая через край обрыва. Он изо всех сил всматривался, пытаясь различить крошечные точки — людей.

— Что там сейчас творится, хотел бы я знать? — пробормотал он.

— Они услышат нас, если мы крикнем?

— Не думаю. Мы слишком высоко.

— А если кто-то посмотрит вверх? Он увидит нашу свечу? — спросила Лина. — Хотя нет, не думаю. Фонари горят слишком ярко.

— Как же нам связаться с ними? — ломал голову Дун, и тут Лину осенило.

— Наше письмо! — воскликнула она. — Мы можем бросить им письмо!

И они сделали это. Лина вытащила из кармана записку, которую Дун написал для Клэри. Записку, в которой все подробно объяснялось. Маленькими буквами они приписали сверху:

Дорогие граждане Эмбера!

Мы спустились по реке из туннелей и нашли путь в другое место.

Здесь все покрыто зеленью и все очень большое.

Свет здесь идет прямо с неба.

Следуйте инструкции, которая написана на этой бумаге, и

спускайтесь к реке.

Возьмите с собой еды.

Приезжайте как можно быстрее.

Лина Мэйфлит и Дун Харроу

Они завернули записку в рубашку Дуна и положили внутрь камень для тяжести. Потом, держась за руки, встали на краю обрыва — Дун посередине, слева Поппи, справа Лина со свертком в свободной руке. Она зажмурилась и постаралась как можно яснее представить себе город внизу. Потом размахнулась и изо всех сил швырнула сверток в темноту. Они смотрели, как он, крутясь в воздухе, летит все ниже и ниже, пока не скрылся из глаз.

Миссис Мердо в последние дни гуляла даже больше чем обычно. Это помогало ей, вопреки всему, сохранять бодрость духа. Она энергичной походкой пересекала Хакен-сквер, когда внезапно что-то со стуком упало перед ней на мостовую. До чего необычно, подумала миссис Мердо и нагнулась, чтобы поднять предмет. Это был какой-то сверток. Она осторожно развернула его.